

Восточный архив

№ 1 (49), 2024

«Восточный архив» издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Г.М. Абишева

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: <https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv>

Адрес редакции:

103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213

E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2024

© Институт востоковедения РАН, 2024

Подписано в печать 05.03.2024

Объем 15,0 п. л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»

109544. Москва, Рабочая ул., 91

Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1 (49), 2024

Слово редактора	3
Рыженков М.Р. Русские военные агенты в Константинополе накануне Крымской войны 1853–1856 годов	4
Божинская (Арандаренко) Л.В., Борошко С.Л. Военно-научные Зеравшанские экспедиции генерал-майора Абрамова	17
Бухерт В.Г. К.П. Кауфман об Афганистане	29
Загородникова Т.Н. Разведка и контрразведка в колониальной Индии. Свидетельство современников	33
Шмидт В. Переселение буров в Восточную Африку	38
Монгуш М.В. Посланники Далай-ламы XIII на приёме у Николая II	47
Беляков В.В. Продление концессии Суэцкого канала	54
Кадырбаев А.Ш. Деятельность в Цинской империи российского военного агента Л.Г. Корнилова (1907–1911)	56
Мышов Н.А. «Среди племён ненависть к англичанам... передаётся из рода в род». Из афганского дневника Л.М. Рейснер	61
Тихонов Ю.Н. Новый архивный источник о советско-афганском споре из-за крепости Кушка в 1922 году	69
Мелентьев Д.В. Раскрепощение «европеек» Средней Азии в 1920-х годах	75
Васильев А.Д. «В Турции будет всё спокойно... хотя нужно спросить об этом Папена». Международное положение Турции накануне нападения Германии на СССР	84
Глушкова И.П. Из архивов М.Р. Джайкара. Часть 2. Домашний кондуит отставного бюрократа: прошения слуг и резолюции хозяина	94
Прожогина С.В. Эхо VIII века в XXI веке. К вопросу о трансфере культур.....	110
Наши авторы	118

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива» опять больше обычного. Количество авторов то же, а вот объёмы статей другие. Относится это в первую очередь к первым двум статьям – М.Р. Рыженкова и супругов Л.В. Божинской и С.Л. Борошко. Первая из них, «Русские военные агенты в Константинополе накануне Крымской войны 1853–1856 годов», значительно превышает «традиционный» максимальный объём в 1,0 авторский лист, вторая, «Военно-научные Зеравшанские экспедиции генерал-майора Абрамова», немного меньше. Впрочем, и статья И.П. Глушковой в конце номера довольно большая. Это вторая часть архивов индуса М.Р. Джайкара. Автор приводит прошения слуг Джайкара и его резолюции. «Домашний кондуит отставного бюрократа», – отмечает И.П. Глушкова. По объёму статья тоже больше 1,0 авторского листа. Все три статьи насыщены архивной информацией и читаются с интересом.

Перейдём теперь к более обычным по объёму материалам. Т.Н. Загородникова пишет о «рыцарях плаща и кинжала» в Индии столетней давности. Российские дипломаты сообщали в Петербург о тайной деятельности британцев в их колониальной империи.

О российском военном агенте пишет и А.Ш. Кадырбаев. Только не в Османской империи, как М.Р. Рыженков, и не в Центральной Азии, как Л.В. Божинская и С.Л. Борошко, и даже не в Индии, как у Т.Н. Загородниковой. Он рассказывает о работе молодого офицера Л.Г. Корнилова, занимавшегося исследованием приграничья Цинской империи. Кстати, поздравляем А.Ш. Кадырбаева с назначением на должность главного научного сотрудника!

Н.А. Мышов приводит фрагменты из дневника Ларисы Рейснер. Она скучала в Афганистане, где её муж Фёдор Раскольников в начале 1920-х годов был послом Российской Федерации. Рейснер часто писала Льву Троцкому, к нему, а не к Владимиру Ленину тяготела эта семья. Она отмечала, что среди афганских племён ненависть к англичанам передается из рода в род.

Афганистану в том же 1922 году, когда Раскольников и Рейснер находились в Кабуле, точнее, советско-афганскому спору из-за крепости Кушка посвящён материал Ю.Н. Тихонова. Кушку отстояли. В 1999 году в Туркменистане ей дали новое название – Серхетабад, она до сих пор остаётся самой южной точкой бывшего СССР.

1920-м годам посвятил свой материал аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Д.В. Мелентьев. Он рассматривает положение женщин-немусульманок в республиках Центральной Азии. Таких женщин было не так мало, около 10%. Автор приводит письмо одной из подобных женщин, рассказывающее о том, как трудно ей было выйти в люди.

«В Турции будет всё спокойно... хотя нужно спросить об этом Папена». Так назвал свой материал А.Д. Васильев (наши поздравления ему по случаю защиты докторской диссертации!). Он посвящён положению в Турции прямо накануне нападения Германии на Советский Союз. Архивные документы показывают, что немецкий дипломат играл решающую роль в Анкаре. Немцы подкармливали турок за счёт Греции и Болгарии, стараясь сделать их своими союзниками.

Зачем вспоминать лирику арабской поэтессы VIII века, да ещё и суфийской принадлежности, в наши тревожные дни? Во всяком случае, это не первостепенной важности задача для современной литературы – обращаться к примерам далёкого прошлого, считает С.В. Прожогина. Хотя сегодня для многих это актуально. Вокруг масса проблем, подлежащих осмыслению и переживанию, и даже очень острых. А как их решать, пишет автор.

На этом всё. Благодарю всех участников данного номера и жду новых материалов.

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-4-16

М.Р. Рыженков

РУССКИЕ ВОЕННЫЕ АГЕНТЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГОДОВ

Словари иностранных слов определяют термин «агент» (от латинского *agens, agentis* – действующий) как лицо, уполномоченное кем-либо, в том числе государством, для выполнения служебных поручений или особых заданий. Военный агент – так в дореволюционной России называлась должность офицера, прикомандированного к дипломатическому представительству за границей с целью изучения вооружённых сил страны пребывания и оказания помощи главе миссии по всем военным вопросам. Русский военный агент являлся официальным представителем Военного министерства, которое вело подбором и назначением офицеров на эти должности по согласованию с Министерством иностранных дел. В стране пребывания военный агент находился в непосредственном подчинении главы миссии и должен был участвовать в основных мероприятиях посольства, а также в собственно военных церемониях и мероприятиях (парадах, смотрах и манёврах), проводимых местными военными властями. Рапорты и донесения военный агент направлял в Военное министерство, которое в свою очередь информировало МИД¹.

Официальный статус военного агента предполагал, что при сборе информации он пользуется исключительно открытыми источниками: публикациями в местной прессе, опубликованными военными отчётами о манёврах, статистическими данными, официальными контактами с представителями военного ведомства. Вместе с тем, стремление получать больше сведений о состоянии вооружённых сил иностранного государства, стратегических планах и новых системах вооружения побуждало военного агента искать и находить негласные источники информации. Такими источниками могли стать местные жители, коммерсанты – поставщи-

ки продуктов и снаряжения для армии, а иногда государственные служащие, имеющие отношение к военному ведомству.

Находящийся в «зоне особого внимания», всегда под наблюдением военный агент должен был соблюдать крайнюю осторожность при контактах с негласными информаторами, чтобы не быть высланным из страны по обвинению в шпионаже. Также он должен был быть готовым столкнуться с намеренной дезинформацией и разного рода провокациями. Тут большое значение имели отношения России с государством, в котором был аккредитован военный агент. Если такое государство рассматривалось как вероятный военный противник, деятельность по сбору информации приобретала особую важность, но была сопряжена с известными трудностями. В стране, с которой существовали союзнические отношения, можно было без особого труда получать доступ к информации военного характера. В странах сугубо нейтральных или находящихся вдалеке от границ Российской империи должность военного агента могла рассматриваться как некая синекура, позволявшая занимавшему её офицеру вести необременительный светский образ жизни. В последнем случае должности военных агентов порой занимали представители аристократии, которые таким образом успешно делали свою военную карьеру.

Традиционно считается, что зарождение русской военно-дипломатической службы относится к периоду 1810–1812 годов, когда по инициативе военного министра М.Б. Барклая де Толли к некоторым русским посольствам за границей были направлены офицеры для сбора сведений об иностранных армиях. Первым русским военным агентом, хотя он так официально не назывался, был полковник и флигель-адъютант А.И. Чернышёв (впоследствии военный министр при Николае I), со-

стоявший при Наполеоне I в качестве личного представителя российского императора. После заключения Тильзитского мира в 1807 году и до начала войны 1812 года российский и французский императоры были формально союзниками. В 1808–1809 годах Чернышёв несколько раз посещал Париж, доставляя письма Александра I к Наполеону, после чего с лета 1810 года стал постоянным русским военным представителем при императоре французов. «С первых же дней своего пребывания во Франции Чернышёв приступил к созданию агентурной сети из числа иностранцев. В декабре 1811 года он уже оплачивал услуги четырёх агентов: в военном министерстве, в военной администрации, в Государственном совете и агента-посредника. Чернышёв, наряду с офицерами-адъютантами, стал одним из первых военных разведчиков, действовавших под прикрытием официальных военных должностей в разведываемых странах»². Такова оценка историков разведки, но нужно иметь в виду, что А.И. Чернышёву удалось почти два года вести эту нелегальную деятельность, сохраняя в Париже свою репутацию безупречного дипломата. Военный министр М.Б. Барклай де Толли чрезвычайно высоко оценивал информацию, содержащуюся в донесениях Чернышёва³, т. е. опыт создания института военных агентов признавался вполне успешным. Для аккумуляции сведений, поступавших от военных агентов, в 1810 году при Министерстве военно-сухопутных сил была создана Экспедиция секретных дел, преобразованная вскоре в Особенную канцелярию при военном министре.

В 1815 году был создан новый высший орган военного управления – Главный штаб его императорского величества, а за Военным министерством сохранились исключительно хозяйственные функции. В Главном штабе е.и.в. действовало Управление генерал-квартирмейстера с канцелярией, где первое отделение отвечало за «сбор статистических и военных сведений об иностранных государствах». С целью сбора необходимой информации офицеры-квартирмейстеры включались в состав некоторых зарубежных дипломатических миссий. Однако подобные

командировки не носили в это время регулярного характера. По мнению историков разведки, причиной тому было то, что победа над Наполеоном и отсутствие в течение нескольких последующих лет серьёзной военной угрозы не стимулировали военное руководство к активизации разведывательной деятельности. Дальнейшее развитие институт военных агентов получил только в 30–40-х годах XIX века, когда по двусторонним договоренностям со страной пребывания офицеры входили в состав дипломатических миссий на постоянной основе в качестве «корреспондентов Военного министерства» или «военных корреспондентов»⁴. Только после окончания Крымской войны 1853–1856 годов военно-дипломатическая служба входит в международную практику, тогда при русских посольствах в ведущих европейских, а позднее и азиатских государствах официально учреждается должность военного агента.

Османская империя, подвластные территории которой непосредственно граничили с Российской империей, а интересы обоих государств неоднократно приводили их к военному противостоянию, не могла не вызывать особого интереса в военном ведомстве. Вскоре после своего назначения в 1819 году на должность начальника штаба 2-й армии, расположенной на южных рубежах, генерал-майор П.Д. Киселёв (впоследствии выдающийся государственный деятель эпохи Николая I) писал в докладной записке: «Турецкие владения, к границам нашим прилежащие и столь много раз служившие театром войны, весьма мало нам известны. Из журналов последних походов видно, что недостаток сведений много был причиной маловажных успехов оных, и что неверные или малосведущие проводники заменяли топографические познания, для войны необходимые. Видно также, что по старым преданиям Балканские горы представлялись препятствием непреодолимым и служили к извинению бездействия или неудачи начальствующим армиями, но на чём основано заключение, что непреодолима преграда сия? На совершенной неизвестности страны, которая с посольства 94-го года⁵ остав-

лена, можно сказать, без внимания. Не входя в дальнейшие рассуждения о необходимости иметь точное понятие о театре войны, скажу, что в мирное также время сведения сии приобретать можно, и что по торговым сношениям южного края России с Европейской Турцией, и по успешному образованию офицеров Генерального штаба можно надеяться, что в короткое время и без значительных издержек переходы гор, препятствия и удобность, богатство, способы и недостатки, словом: статистика Болгарии и Румелии могла бы приведена быть в желаемую известность»⁶.

Далее Киселёв предлагал использовать квартирмейстерских офицеров, «в особенности поступающих на службу из греков и молдаван», для изучения дорог в Европейской Турции, путём направления их в составе купеческих караванов, а также курьерами в Константинополь. Большое значение автор записки придавал развитию военно-дипломатической службы на турецком направлении – назначению офицеров на должности консулов и вице-консулов в Дунайских княжествах и учреждению должности военного агента при главе русского посольства в Константинопole. Те же предложения П.Д. Киселёв повторил в 1820 году в своём докладе начальнику Главного штаба е.и.в. князю П.М. Волконскому, который назывался «О пользе и способах иметь достоверное статистическое понятие о соседственных турецких владениях»⁷.

Первым русским военным агентом в Константинопole можно считать Фридриха Вильгельма (Федора Федоровича) фон Берга (1794–1874). Выходец из небогатого лифляндского дворянского рода, он, будучи студентом Дерптского университета, в 1812 году вступил юнкером-добровольцем в русскую армию и в составе Рижского корпуса принимал участие в боях с наполеоновскими войсками на северо-западном театре военных действий, а затем в Заграничных походах 1813–1814 годов.

В 1819 году он в чине капитана Гвардейского Генерального штаба по своей инициативе предпринял путешествие по Европейской Турции, движимый теми же соображе-

ниями, что были высказаны в докладах П.Д. Киселёва, о чём он сообщал в письме начальнику Главного штаба е.и.в. от 1 ноября 1819 года⁸.

Произведённый в полковники в 1820 году, Ф.Ф. Берг составил докладную записку, где предлагал дальнейшую программу изучения пространства от Дуная до Босфора, ссылаясь на поддержку со стороны русского посла в Константинопole барона Г.А. Строганова⁹. 3 октября того же года последовала резолюция князя П.М. Волконского: «Предложение квартирмейстерской части полковника Берга, изложенное в записке его от 16 апреля сего года, об осмотре некоторых дорог, ведущих к Константинополью, одобрено, и предложено командировать его в Турцию, но, дабы не навлечь подозрения Порты Оттоманской, полагается причислить его к одной из российских миссий в Италии с переводом в Коллегию иностранных дел, переименованием в статский чин и сохранением старшинства при вступлении обратно в военную службу по окончании сего поручения. Сего числа отдано в приказе об увольнении полковника Берга от службы за болезнью для определения к статским делам с переименованием в коллежские советники; дальнейшее же его отправление предоставлено Министерству иностранных дел»¹⁰.

Этим планам не суждено было тогда осуществиться из-за обострения политической ситуации в Османской империи. В марте-апреле 1821 года началось греческое национально-освободительное восстание, реакцией на которое стали греческие погромы в ряде городов, включая столицу, казнь Константинопольского патриарха Григория V и убийства многих православных священников. Русским судам был закрыт проход через Босфор, в июле 1821 года русский посол барон Г.А. Строганов был вынужден покинуть Константинополь. В течение последующих пяти лет русская миссия продолжала формально существовать, но только в Санкт-Петербурге. В это время Ф.Ф. Берг исполнял другие поручения на Востоке. В 1823 и 1825 годах он совершил две экспедиции в киргиз-кайсацкие степи в Закаспийском крае, в ходе которых была произведена топографическая съёмка

маршрутов на пространстве между Каспийским и Аральским морями.

Между тем в Османской империи военнополитическая ситуация обострялась: греческое восстание расширялось, а султан Махмуд II предпринимал усилия по созданию регулярной армии, ради чего летом 1826 года пошёл на уничтожение янычарского корпуса. В этих условиях османское правительство согласилось на переговоры с Россией о нормализации отношений.

Пока российские представители М.С. Воронцов и А.И. Рибопьер вели переговоры с турками в Аккермане, в Главном штабе вспомнили о полковнике Берге. В инструкции, данной ему 15 июля 1826 года, говорилось: «Успешное и благоразумное исполнение сделанных Вам до сего поручений и прежние занятия Ваши в Турции обратили на Вас лестное внимание государя императора. Вследствие сего возлагается на Вас исполнение столь важного по нынешним обстоятельствам дела: обозрение Турецкой империи во всех отношениях, могущих принести пользу и иметь влияние на военные действия в случае не желаемого, но возможного однако же разрыва»¹¹. Инструкция далее предписывала собирать сведения о турецких крепостях на Дунае и по западному побережью Чёрного моря, о путях сообщения с Константинополем и способах снабжения столицы Османской империи продовольствием и водой. Особое внимание следовало обратить на «сведения о влиянии, какое имело в провинциях Турции истребление янычарского войска, о настоящей военной силе оттоманов и о вновь ими учреждаемых регулярных войсках. Стараться узнать, до какой степени можно ожидать противного нам усердия и действия турецкого народа в случае войны с Россией, равно и о расположении и способах рассеянных по северной части Турции жителей веры христианской»¹².

В помощники Бергу были назначены три офицера-квартирмейстера: штабс-капитан П.А. Тучков, подпоручик А.О. Дюгамель и прапорщик А.И. Веригин. В их задачу входило главным образом топографические съёмки, но также и сбор сведений об османской армии. В результате их работ на хране-

ние в секретную часть архива Военно-топографического депо поступили пять топографических описаний (21 тетрадь) маршрутов по Европейской Турции и 78 рисованных маршрутов к этим описаниям¹³.

После заключения Аккерманской конвенции в сентябре 1826 года Ф.Ф. Берг в составе посольства А.И. Рибопьера отправился в Константинополь, где оставался до ноября следующего года. При этом, как и предполагалось ещё в 1820 году, он был переименован в действительные статские советники (чин, соответствующий генерал-майору) и причислен к чиновникам МИД. Таким образом, свои донесения Берг отправлял в два адреса: в Главный штаб – о формировании и учениях новой регулярной турецкой армии, а в МИД – о политических событиях в связи с греческим восстанием¹⁴.

Деятельность Берга, как и всей русской миссии в столице Османской империи, прервалась в конце 1827 года, когда, после разгрома турецкого флота в Наваринском сражении, султан Махмуд II объявил об аннулировании Аккерманской конвенции, что послужило поводом к русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Вернувшись в Санкт-Петербург, в ноябре 1827 года Берг представил в Главный штаб подробный доклад о мероприятиях по реформированию турецкой армии, которые он мог лично наблюдать с 3 июня 1826 года по 15 октября 1827 года¹⁵.

В дальнейшем Ф.Ф. Берг сделал блестящую карьеру. С началом русско-турецкой войны он уже в чине генерал-майора был назначен на должность генерал-квартирмейстера 2-й армии, с войсками которой дошёл до Адрианополя, организуя попутно топографические съёмки в Болгарии. За польскую кампанию 1831 года его производят в генерал-лейтенанты, а в 1843 году – в генералы от инфантерии с назначением генерал-квартирмейстером Главного штаба е.и.в. и одновременно начальником Корпуса военных топографов. В царствование Александра II он достигает высших ступеней в военно-административной иерархии: в 1856 году ему был пожалован графский титул, в 1863 году он становится заместителем в Царстве Польском и занимает этот пост до конца

жизни, а в 1866 году его производят в генерал-фельдмаршалы. Берг был одним из пяти последних русских военачальников, удостоенных такого чина¹⁶.

Русско-турецкая война 1828–1829 годов дала новый импульс изучению Османской империи. В ходе военных действий офицеры Генерального штаба не только производили топографические съёмки местности, но и собирали подробные сведения о Турции. Такое военное востоковедение было продолжено и после окончания войны. В марте 1830 года главнокомандующий действующей армией И.И. Дибич сообщал военному министру: «Пользуясь настоящими мирными отношениями с Оттоманской Портой, представляющими возможность при взаимных сношениях собрать сведения о некоторых областях сей империи, несколько офицеров Генерального штаба отправлены были по моему приказанию в разных направлениях для обозрения края и составления описаний оного с присовокуплением сделанных ими замечаний»¹⁷.

Турецко-египетская война 1831–1833 годов и заключенный русско-турецкий Ункяр-Искелесийский союзный договор открыли для военного ведомства новые возможности в плане изучения не только Европейской, но и Азиатской Турции. В составе русского десантного отряда на Босфоре в 1833 году находилось несколько офицеров Генерального штаба, занимавшихся топографическими съёмками, а в 1834–1835 годах по Малой Азии, Восточной Анатолии и Сирии совершили путешествия офицеры М.П. Вронченко и П.П. Львов, которые по результатам своих поездок представили подробные карты и военно-географические описания¹⁸.

Вероятно, не испытывая в 1830-х годах недостатка в источниках информации о Турции, Военное министерство не видело потребности в постоянном военном агенте при посольстве в Константинополе. Тем более, что дипломаты с неодобрением смотрели на вмешательство в свои дела представителя «чужого» ведомства. Однако в 1840-е годы ситуация на Ближнем Востоке осложнилась. Разрешение турецко-египетского кризиса 1839-1841 годов в пользу османского султа-

на произошло при участии европейских держав, а Ункяр-Искелесийский договор сменила Лондонская конвенция о проливах (1841), лишившая Россию права блокировать вход военных кораблей третьих стран в Чёрное море. Всё это было признаком обострения пресловутого «Восточного вопроса», в котором России противостояли Великобритания, Франция и Австрия. В таких условиях в Военном министерстве пришли к выводу о необходимости иметь в столице Османской империи компетентный источник информации в лице военного агента. В июне 1849 году на эту должность был назначен подполковник Генерального штаба Е.Ф. Тизенгаузен.

Барон Егор (Георг Дитрих) Федорович Тизенгаузен (1811–1850) происходил из лифляндских дворян и был сыном отставного майора. Как видно из его формулярного списка¹⁹, военную службу он начал в 1829 году юнкером из вольноопределяющихся в лейб-гвардии Конном полку, а в 1831 году во время Польской кампании был произведён в первый офицерский чин корнета. В 1832 году он поступил в только что открытую по проекту генерала Г.В. Жомини Императорскую Военную академию (будущую Николаевскую академию Генерального штаба). Для офицера-конногвардейца того времени это был необычный шаг. В первые десятилетия существования академии, до «милютинских» реформ, академическая учёность в армии, тем более в гвардии, не была в почёте. Как иронизировал Денис Давыдов – «Жомини, да Жомини, а об водке ни полслова».

После окончания курса академии в 1834 году Тизенгаузен продолжал служить в своём полку, пока в 1836 году не был произведён в поручики и почти одновременно переведён в Департамент Генерального штаба с чином штабс-капитана²⁰. В 1836–1848 годах он служил во 2-м отделении Департамента, которое ведало сбором и рассмотрением военно-исторических, топографических и статистических сведений, в том числе об иностранных государствах, разработкой планов обороны границ России, составлением карт, планов и чертежей. Успешно продвигаясь по

службе (1839 г. – капитан, 1844 г. – подполковник), Тизенгаузен, среди прочего, работал в комиссии по разграничению земель между Уральским казачьим войском и вассальным казахским ханством Букеевской ордой, а также выполнял поручения по разбору архивных дел Русско-персидской 1826–1828 годов и Русско-турецкой 1828–1829 годов войн²¹.

13 июля 1849 года Е.Ф. Тизенгаузен получил за подписью военного министра следующую инструкцию: «Государь император изволил признать полезным назначить к миссии нашей в Константинополе способного и благонадёжного офицера Генерального штаба, дабы непрерывно следить за успехами Порты Оттоманской на пути преобразования военных её сил. По всеподданнейшему докладу моему об усердной службе Вашей его величество, удостоив Вас этим лестным и доверенным назначением, изволил определить предстоящие вашему высокоблагородию обязанности в следующих главных чертах.

Вы непосредственно подчиняетесь посланнику нашему в Константинополе, которому вполне предоставлено направить Ваши занятия и сношения, сообразно ближайшей ему известности местных обстоятельств, к цели, высочайше Вам указанной. На сём основании Вы обязываетесь не приступать к каким бы то ни было изысканиям без предварительного его разрешения, и о ходе и результатах Ваших наблюдений непременно доводить до его сведения.

Руководствуясь наставлениями тайного советника Титова²², Вы обратите внимание Ваше на состав, устройство и постепенное развитие военных сил Турции в нижеозначенных видах: 1. Существующие для рекрутского набора постановления. Численность народонаселения, подлежащего этой повинности. Нормальное число рекрут, ежегодно поставляемое для армии, и особо для флота, с означением, буде можно, и хотя приблизительно, числа христиан и магометан, жителей Европейской Турции и Малой Азии. Успех, с коим производятся рекрутские наборы. 2. Состав турецкой армии – пехоты, кавалерии, артиллерии, инженеров. Распреде-

ление по корпусам, дивизиям и бригадам. Нормальная сила батальонов, эскадронов и батарей. Наличное состояние войск. 3. Система резервов. Установленные сроки службы нижних чинов. 4. Способы пополнения армии офицерами и порядок повышения их в чинах. 5. Снабжение армии обмундированием, вооружением, провиантом, обозами, лошадьми. Способы и исправность снабжения. Размер довольствия чинов провиантом, порциями, жалованием. Размещение войск в казармах и по квартирам. 6. Устройство медицинской части и госпиталей. 7. Арсеналы, оружейные и пороховые заводы, провиантские, артиллерийские и инженерные склады. Состояние этих заведений. 8. Степень образования войск, существующие для того уставы. Военно-учебные заведения. Влияние иностранных офицеров на образование войск. 9. Иррегулярные войска, число сих войск, на которое рассчитывать может турецкое правительство в случае призыва их на действительную службу. 10. Расположение войск, имея в виду европейскую и азиатскую границы наши. 11. Состояние крепостей. Военные дороги. Местные способы продовольствия. 12. Состояние флота парусного и пароходного. Корабельные верфи. Морские арсеналы. Степень образования моряков. 13. Управление армией и флотом. Влиятельные по образованию и способностям лица. 14. Меры, уже проводимые и предположенные для усовершенствования военных сил. 15. Время, которое потребно для приведения армии и флота из мирного положения в военное.

Сими общими указаниями лишь обозначается рама, в которую должны быть включаемы наблюдения Ваши. Само собой разумеется, что эти сведения не иначе могут быть приобретаемы Вами, как исподволь и с крайней осторожностью, дабы не возбудить подозрительности турецкого правительства, с коим мы находимся теперь в самых дружеских отношениях. Но, составляя систематический и по возможности верный и подробный обзор военного положения Турции, Вы не упустите из вида тех современных обстоятельств и мероприятий, которые заслуживают особенного внимания, и о коих Вы

не замедлите представить тайному советнику Титову, отправляя через посредство его Ваши ко мне донесения. В особенности имейте Вы следовать во всей точности советам и наставлениям господина посланника для направления личных сношений Ваших в Константинополе. Оказывая турецким офицерам вежливость и даже радушие, Вы отнюдь не должны обнаруживать излишней пытливости в Ваших с ними разговорах, тщательно избегая всего, что могло бы дать им повод к недоверчивости. Вы не должны также искать преждевременно случаев видеть войска или обозреть военные заведения. Эти случаи представятся сами собой, и господин посланник укажет Вам удобное для того время. Я надеюсь, что ваше высокоблагородие вполне оправдывает ожидания государя императора отчётливым и осторожным исполнением возлагаемых на Вас обязанностей и поставлю приятным долгом доводить Ваши донесения до высочайшего сведения»²³. В инструкции также определялось денежное содержание военного агента в Константинополе – две тысячи рублей серебром в год и 500 червонцев на путевые расходы. Копия инструктивного предписания была направлена одновременно посланнику В.П. Титову.

К своему назначению в состав посольства в Константинополе подполковник Тизенгаузен подошёл ответственно. В рапорте на имя управляющего Департаментом Генерального штаба от 23 июля 1849 года он просил выдать ему карты и планы из Военно-топографического депо по списку из полутора десятка позиций. В списке, наряду с Картой театра войны в Европейской Турции в 1828–1829 годах, значились карты и планы окрестностей Константинополя, турецких крепостей и городов по Дунаю: Силистрии, Рущук, Журжи, Гирсово и Шумлы, а также описания дорог и маршрутов по западному побережью Чёрного моря. Среди прочих карт были новые иностранные карты, одна прусская и одна австрийская, изданные соответственно в Берлине и Вене в 1848 году. В списке были и карты Азиатской Турции, составленные в 1835–1838 годах М.П. Вронченко и П.П. Львовым.

Рапорт был рассмотрен на уровне военного министра, который разрешил выдачу только пяти карт, включая иностранные. Военный министр А.И. Чернышёв в резолюции написал: «Нахожу затем выдачу остальных карт и планов, поименованных в ведомости, невозможной и для подполковника барона Тизенгаузена бесполезной»²⁴. Получить картографические материалы из Военно-топографического депо, по соображениям секретности, было непросто даже для офицеров Генерального штаба. «До 1857 г. все русские подробные топографические карты были недоступны для широкого пользования и, в отличие от карт во многих европейских государствах, не поступали в продажу. Считалось, что карты крупного масштаба надлежало содержать в тайне, чтобы они не попали в руки потенциальных военных противников России. Доступ к этим картам имели высшие воинские начальники и офицеры Генерального штаба, а также офицеры Корпуса инженеров путей сообщения, занимавшиеся проектированием железных дорог. Даже члены Императорского Русского географического общества (ИРГО) не могли пользоваться таким важным в научном отношении материалом. И только в 1857 г. топографические карты стали поступать в открытую продажу. Запрет на продажу продолжал распространяться на подробные топографические карты масштаба 1, 3 и 5 верст в дюйме, которые использовались в военных целях»²⁵.

К исполнению своих обязанностей Е.Ф. Тизенгаузен приступил с 1 сентября 1849 года. Как доносил он в своих рапортах, первые наставления, полученные от посланника В.П. Титова, касались прежде всего соблюдения осторожности во избежание подозрений турецких властей²⁶. Тем не менее, в донесениях за октябрь–ноябрь он сообщает в Петербург сведения об актуальной организации турецкой армии. Особое внимание по запросам из Военного министерства он обращает на новые образцы стрелкового вооружения, с которыми ему удаётся ознакомиться. В декабре 1849 года он командирован в Адрианополь для сбора сведений о расположении и численности войск. Результатом командировки стала

«Записка о турецкой военной силе в Европейской части сего государства», представленная на имя посланника 4 января 1850 года. Оценивая общую численность войск Румелийского корпуса в 60 тысяч, Тизенгаузен отмечает роспуск редифа, призванного из запаса под влиянием волнений в Дунайских княжествах и на Балканах в 1848–1849 годах. Относительно состояния регулярных войск он писал: «Все турецкие войска снабжаются оружием, обувью и обмундировкой, равно как упряжью и конскими приборами, из Константинополя, где для всех сих предметов существуют фабрики и склады, но доставка оных производится не всегда исправно. <…> Что касается жалования офицеров, то оно обыкновенно производится из доходов провинций, где войска расположены, а в случае недостатка высылаются также из Константинополя, потому происходят и тут иногда медленность и жалобы людей. <…> Сколько новонабранных рекрут поступают ежегодно на службу из мусульманского народонаселения Европейской Турции, того дознать здесь нет ни малейшей возможности. Известно одно только то, что Адрианопольский пашалык поставил рекрут в 1847 году 360, в 1848 – 250, и в 1849 – 130 человек. В военное время в Турции собирается сверх линейных войск ополчение иррегулярное, называемое баши-бузук. В 1849 году собрано было такового в Боснии до 2000 человек из албанцев, по причине возникших было там мятежных движений; ныне такового войска в Румелийской и Болгарской провинциях не существует»²⁷.

Активная деятельность «военного корреспондента» не прошла незамеченной и была оценена по достоинству – 6 декабря 1849 года Егор Федорович Тизенгаузен был произведён в полковники Генерального штаба, но вскоре его карьера трагически оборвалась. 18 марта 1850 года он скончался в Константинополе после непродолжительной болезни. Такой финал не выглядит неожиданным, если иметь в виду медицинское свидетельство 1840 года, в котором ему диагностировались «продолжительные воспаления дыхательного горла», в которых медики усматривали наследственную предрасполо-

женность. Из-за проблем со здоровьем он даже отправлялся в годичный отпуск для лечения в Швейцарию²⁸.

В связи со смертью Е.Ф. Тизенгаузена в Военном министерстве был поднят вопрос о его преемнике. В письме к генерал-квартирмейстеру Главного штаба е.и.в. от 9 апреля 1850 года военный министр указывал: «Крайне сожалея о потере сего достойного штаб-офицера, который, несмотря на кратковременное пребывание в Константинополе, успел приобрести доверие посланника нашего в Константинополе и уважение как сановников Порты, так и лиц дипломатического корпуса, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство войти с представлением о назначении в Константинополь другого офицера Генерального штаба, который бы, подобно барону Тизенгаузену, оправдал выбор начальства усердным исполнением своих обязанностей и скромностью»²⁹. Под «скромностью» в данном случае имелась в виду осторожность в добывании информации и соблюдение строгой секретности.

Очевидно, что в Департаменте Генерального штаба уже обсуждался этот вопрос, потому что всего через несколько дней директор Департамента докладывал министру: «Вследствие предписания вашей светлости от 9-го сего апреля о назначении в Константинополь к посольству нашему на место умершего полковника барона Тизенгаузена другого офицера Генерального штаба, имею честь почтительнейше донести, что, как в эту командировку должен быть избран офицер, отличающийся сколько службой своей и познаниями, столько наипаче скромностью, то я никого достойнее и способнее к занятию этой должности не нахожу, как старшего адъютанта главного штаба действующей армии по части Генерального штаба полковника графа фон дер Остен-Сакена, который, будучи во всех отношениях отличный офицер Генерального штаба, знает при том весьма хорошо французский и немецкий языки»³⁰.

Любопытно, что доклад был подписан тем самым Ф.Ф. Бергом, который сам за почти четверть века до того исполнял в Константинополе обязанности военного агента. Говоря о хорошем знании кандидатом ино-

странных языков, среди которых в формулярном списке значился и английский, генерал Берг совсем не упоминает о восточных языках, владение которыми в этот период было очень большой редкостью даже среди образованных офицеров Генерального штаба.

Граф Карл Иванович фон дер Остен-Сакен (1807 – после 1879) происходил из дворян Лифляндской губернии, получил образование в частном пансионе и начал военную службу в 1822 году юнкером в Нарвском драгунском полку. Было бы ошибкой усматривать закономерность в том, что три подряд военных агента, назначавшиеся в столицу Османской империи, происходили из лифляндских дворян, но процент остзейских немцев среди офицеров Генерального штаба в первой половине XIX века был действительно выше, чем в других родах войск. Как видно из послужного списка Остен-Сакена³¹, уже на втором году службы он переводится в гвардию, сначала в лейб-гвардии Уланский, а затем в лейб-гвардии Конный полк, в котором в 1825 году получает свой первый офицерский чин корнета. В 1829 году он переводится в Генеральный штаб поручиком, а в кампанию 1831 года уже «исправляет должность» дивизионного квартирмейстера 3-й пехотной дивизии.

До 1832 года в России не существовало учебного заведения, дававшего высшее военное образование, поэтому в Генеральный штаб зачислялись офицеры, чьи познания, особенно в сфере географии, математики, топографии, фортификации и т.п., позволяли им выполнять задачи квартирмейстерской службы. Видимо, образование, полученное К.И. Остен-Сакеном в частном пансионе, удовлетворяло этим требованиям, что позволяло ему успешно продвигаться по службе, получая очередные чины: в 1832 году – штабс-капитан, в 1835 – капитан, в 1838 – подполковник, в 1845 году – полковник. Награждался он также орденами, но в основном за выслугу лет, даже самый почитаемый в России военный орден Св. Георгия 4-й степени он получил за 25 лет службы в офицерских чинах. После военных действий в Польше в 1831 году в его службе не было боевых эпизодов, он занимал адъютантские

должности в штабе Действующей армии в Варшаве и особых поручений не исполнял, если не считать командировку в 1843 году в Ганновер на манёвры и в 1848 году – во Франкфурт-на-Майне.

Его успешная карьера объясняется, по всей видимости, покровительством генерал-квартирмейстера Главного штаба е.и.в. Ф.Ф. Берга, который и дал ему рекомендацию при назначении в Константинополь. Забегая вперед, надо заметить, что это покровительство проявится ещё раз в 1865–1870 годах, когда уже под конец своей карьеры К.И. Остен-Сакен получит «тёплое место» в ликвидационной комиссии по преобразованию Царства Польского, которую возглавлял генерал-фельдмаршал граф Берг.

Приказ о назначении К.И. Остен-Сакена в состав русской дипломатической миссии в Константинополе последовал 6 июня 1850 года. Инструкции и денежное содержание ему были даны аналогичные тем, что получал Е.Ф. Тизенгаузен. Первые месяцы пребывания на новом месте ушли у него на ознакомление с обстановкой. В своём первом рапорте на имя военного министра от 1 ноября 1850 года он писал: «По прибытии моём в Константинополь изыскивал я средства к приобретению сведений о разных предметах, входящих в круг возложенных на меня занятий. Руководствуясь данными мне на сей конец вашей светлостью наставлениями и указаниями господина посланника нашего, я решился, не обнаруживая особенного любопытства и поспешности, выждать удобного случая, дабы видеть исподволь замечательное в военном отношении. Между тем г-н тайный советник Титов представил меня верховному визирю Решиду-паше и министру иностранных дел Али-паше, приём их был весьма вежлив. Вслед за сим я буду представлен и сераскиру»³².

Далее он сообщал, что, воспользовавшись дружественным визитом русского парохода «Молния», получил вместе с морскими офицерами возможность ознакомиться с Адмиралтейством, морским арсеналом и вообще с состоянием турецких военно-морских сил. Всего, по его сведениям, турецкий флот состоял из семи линейных кораблей

(от 90 до 120 орудий), семи фрегатов (от 46 до 76 орудий), четырёх бригов и двух тендеров. Также им было замечено на рейде Константинополя до двенадцати пароходов различной мощности. Остен-Сакен отмечал активное сотрудничество Порты по морской части с Англией и Францией: один фрегат и один бриг были отправлены для навигационной практики в Англию, а один бриг возвратился после такой практики из Тулона. Оценивая внутреннее устройство посещённого им линейного корабля «Мессудие», Остен-Сакен писал: «Оно в общих чертах сообразно правилам, принятым для сего в европейских флотах; дисциплина, порядок и опрятность превзошли моё ожидание. Матросы ловки и имеют бодрый вид, обмундирование их недурно». В характеристике Адмиралтейства в рапорте сообщалось: «В техническом отношении различные заведения для постройки судов в Адмиралтействе находятся почти ещё на первой ступени искусства, и не видно приготовлений к усовершенствованию их по новейшим изобретениям. Два дока, в коих тимберуются (ремонтируются) и строятся здесь корабли, старинного устройства, и вода выкачивается из доков посредством машин, двигаемых лошадьми. Недавно только заказаны для сего машины паровые в Англии»³³.

О состоянии турецких сухопутных войск Остен-Сакен писал: «В особенности стараюсь я собрать точные сведения о нынешнем составе, разделении и расположении военных сухопутных сил Турецкой империи, но по чрезвычайным затруднениям, с которыми сопряжены здесь исследования сего рода, быть может, нельзя мне будет представить вашей светлости эти сведения так скоро, как я бы желал»³⁴.

Вместе с тем он положительно оценивал усилия по реформированию по европейским образцам турецкой пехоты, в отличие от кавалерии, которая, утратив преимущества иррегулярной конницы, «не приобрела ничего, что могло бы ставить её наряду даже с посредственной европейской конницей. Вообще всё, что я видел, доказывает, что, хотя турки делают некоторые успехи на пути преобразования военных их сил, но результат

этих стараний до сих пор не совсем удовлетворителен, и много ещё недостает, чтобы войска их находились в том состоянии, в котором мы привыкли видеть военные силы европейских государств»³⁵.

Большое место Остен-Сакен уделяет в своём донесении состоянию укрепленных позиций по берегам Босфора. Критикуя их за неудачное расположение и ветхость, он отмечал: «Южный берег обширного залива Буюкдере, будучи обращён против входа из Чёрного моря, представляет несколько выгодных пунктов для постройки надлежащих укреплений, которые встретили бы неприятеля с фронта, между тем как флот, расположенный в помянутом заливе, мог бы вредить ему с фланга. За неимением же подобных укреплений доступ к Константинополю из Чёрного моря весьма облегчён, и при быстром движении был бы увенчан несомненным успехом»³⁶.

Трудно сказать, насколько обоснованными были заключения Остен-Сакена, но помета военного министра «Государь император изволил читать» свидетельствует о внимании, которое уделялось донесениям военного агента. Следует, однако, подчеркнуть, что во всех этих соображениях не рассматривалась возможность появления на Босфоре иностранного европейского флота, в крайнем случае, это мог быть флот египетского паши.

В декабре 1850 года К.И. Остен-Сакен получил новое директивное письмо за подписью военного министра, дополнявшее данные ранее инструкции. Под предлогом усовершенствования курса военной статистики в Императорской Военной академии военному агенту в Константинополе предписывалось в донесениях обратить особое внимание на следующие вопросы. «1. Распространены ли в настоящее время новые правила набора на христианское население (райи)? 2. В тех областях, где ещё не введён редиф, определён ли срок службы рекрута одинаково, как и в прочих областях. 3. Какие части населения и какие племена вовсе рекрутской повинности не подлежат, и заменяется ли у этих племён повинность рекрутская какой-либо другой. 4. Существуют ли

запасы вооружения, амуниции и одежды на всё считающееся по спискам число редифа, или только на некоторую часть оно, и сохраняются ли означенные запасы отдельно или при штабах действующих войск. 5. Приняты ли какие-либо меры к правильному, в случае войны, снабжению армии продовольствием и военными запасами? 6. В какой мере нынешние войска турецкие по своему образованию техническому, по духу и дисциплине могут быть поставлены в уровень с регулярными войсками других государств европейских?»³⁷. Как видно из этих вопросов, Военное министерство всё больше интересовалось мобилизационной готовностью Османской империи, что свидетельствовало о разработке планов широкомасштабной военной кампании.

На сбор информации по поставленным вопросам у Остен-Сакена ушло два месяца. В донесении от 15 февраля 1851 года он писал: «На основании коренных узаконений государства и Корана, предоставляющих право носить оружие исключительно мусульманам, райя, или подданные Порты не магометанского исповедания, набору не подлежат, а платят в замену того подать, называемую “харадж” или “джизья”, т.е. от 15 до 60 пиастров в год с души, смотря по состоянию. <...> Значительное постепенное убавление мусульманского народонаселения уменьшает численность армии и затрудняет её положение, не менее того, правительство не может решиться принимать в ряды оной своих подданных христиан по различию веры и обычаев и многим важным неудобствам, с которыми это было бы сопряжено. С некоторого только времени берутся из христианских жителей рекруты в небольшом числе для морского ведомства, кои употребляются рабочими при адмиралтействе и гребцами на катерах»³⁸.

Далее он сообщал, что рекрутские наборы осуществляются только в Румелии и Анатолии, и соответственно только там сформирован редиф (запас армии), численность которого оценивается в 50 тыс. человек. Во всех областях, где производятся наборы, рекруты служат в строю шесть лет, а потом семь лет состоят в редифе. В то же

время рекрутскую повинность правительство не смогло ввести в Курдистане, а попытки ввести наборы рекрут в Сирии вызвали восстание местного населения.

Относительно запасов вооружения Остен-Сакен сообщал, что оружейные заводы и склады оружия расположены только в столичном регионе и рассчитаны примерно на 50 тыс. человек. Оценивая мобилизационные возможности Османской империи, он писал: «Хотя в официальном журнале Константинопольском недавно было упомянуто, что вследствие усовершенствований в военной организации Турция в состоянии поставить на военную ногу, если потребуется, резервную армию в 140 тыс. человек, но это принять можно за одно из тех преувеличений, которыми турецкое правительство обыкновенно прикрывает свою слабость. В настоящее время, когда оно располагает для укомплектования армии едва половиной народонаселения империи, резерв в 140 тыс. человек, очевидно, существует только в воображении»³⁹. Позднее, в декабре 1851 года Остен-Сакен уточнял сведения о мобилизационных резервах турецкой армии: «По приблизительным соображениям, настоящая численность 6-ти действующих корпусов турецких составляет около 100 000 человек. Сих упомянутых резервов полагать можно до 70 000. Затем, включая иррегулярные войска, состав армии простирается до 200 000 человек»⁴⁰.

На протяжении 1852 года Остен-Сакен регулярно информировал военного министра о переменах в высшем командном составе турецкой армии, о новых образцах вооружений, о неудачных попытках осуществить рекрутские наборы среди арабского населения (друзов) в Сирии, о восстании в Герцеговине и Черногорско-турецкой войне 1852–1853 годов. В качестве открытых источников информации он использовал официальные правительственные издания типа адрес-календаря, а также выходившую на французском языке газету «Journal de Constantinople. Écho de L'Orient». Вероятно, что он пользовался также и негласными источниками.

В августе 1852 года А.И. Чернышёва на посту военного министра сменил В.А. Дол-

горуков, на имя которого продолжали поступать рапорты из Константинополя. Между тем, ситуация на Ближнем Востоке обострилась. Когда в 1852 году возник так называемый «спор о Святых местах» между католическим и православным духовенством, Николай I решил, что настал момент решения «Восточного вопроса», подразумевавшего раздел владений Османской империи между европейскими державами. Посланник В.П. Титов, предлагавший мирное разрешение спора, был отозван из Константинополя, а во главе русской миссии почти год оставался поверенный в делах А.П. Озеров. Но в деятельности К.И. Остен-Сакена ничего не изменилось, он по-прежнему сообщал в Военное министерство оперативные сведения о турецкой армии. В целом из донесений военного агента могло сложиться впечатление, что имеет смысл поспешить с решением «Восточного вопроса», пока военные реформы в Османской империи ещё далеки от завершения. Когда в феврале 1853 года в Константинополь прибыл с чрезвычайным посольством А.С. Меншиков, Остен-Сакен передал ему копии некоторых своих донесений для ознакомления с состоянием турецких вооружённых сил⁴¹.

Пребывание в Константинополе для Остен-Сакена закончилось вместе с завершением миссии князя Меншикова, который отбыл с берегов Босфора 21 мая 1853 года на пароходе в Одессу. Одновременно был вывезен архив посольства, что предвещало разрыв отношений и войну. 26 мая 1853 года последовало высочайшее повеление о назначении полковника Генерального штаба графа К.И. Остен-Сакена в распоряжение командующего 3, 4 и 5-м пехотными корпусами, т.е. войсками, предназначенными для занятия Дунайских княжеств. В вознаграждение заслуг бывший военный агент получил единовременно полугодовое жалование по усиленному окладу, а в декабре того же года он был произведён за отличие в генерал-майоры⁴². Он был назначен вице-председателем Молдавского административного совета, а в 1855–1856 годах занимал должность военного и гражданского губернатора Харькова, участвуя в формировании губернских

дружин Государственного ополчения. Вся его дальнейшая служба вплоть до отставки в 1879 году проходила в различных департаментах и комиссиях, он был неоднократно награждён, а в 1870 году произведён за отличие в генерал-лейтенанты.

Рассматривая роль военных агентов в столице Османской империи накануне Крымской войны 1853–1856 годов, надо сказать, что они по мере сил успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. В своих донесениях они вполне адекватно оценивали сильные и слабые стороны турецких вооружённых сил, находившихся в стадии преобразования в рамках реформ Танзимата. Когда полвека спустя военный историк генерал А.М. Зайончковский изучал историю Крымской войны на основе всех доступных ему источников, данные его анализа состояния армии Османской империи накануне войны практически совпадали с данными, поступавшими от военного агента. Зайончковский приводит цитату из письма маршала А. Сент-Арно, в котором тот делился наблюдениями за турецкой армией Омер-паши в мае 1854 года: «Войска дурно вооружены, дурно одеты и в особенности дурно обуты, но имеют вид воинственный и хорошо маневрируют. Лошади конницы по большей части малого роста, но хороши и выносливы. Что есть лучшего – это артиллерия: упряжь прочная, орудия хорошо содержатся, артиллеристы так же хорошо маневрируют, как и наши; я был поражён меткостью артиллерийской стрельбы»⁴³. Такая характеристика в целом соответствует той картине, которая создавалась по донесениям из Константинополя.

На Дунайском театре военных действий в 1853–1854 годах турецкая армия, хоть и уступала русской, но показала хорошую боеспособность в обороне, особенно при осаде Силистрии. Когда военные действия были перенесены в Крым, турецким войскам отводилась скорее вспомогательная роль. В целом же поражение России в Крымской войне объясняется тем, что, собираясь воевать с одной лишь Османской империей, Россия оказалась одна, без союзников, против коалиции ведущих держав тогдашней Европы и

неизбежно проиграла. Таким образом, это было не столько военное, сколько политическое поражение. Что же касается самого института военных агентов, то после окончания войны он был возобновлён и получил дальнейшее развитие.

Примечания

¹ В Советской России термин «агент» приобрел отрицательную коннотацию и стал рассматриваться почти как синоним слова «шпион», поэтому был принят международный термин «военный атташе», что сохраняется до настоящего времени.

² *Алексеев М.Н.* Военная разведка России от Юрика до Николая II. Книга I. М., 1998. С. 33.

³ Там же. С. 353.

⁴ Там же. С. 37-41.

⁵ Имеется в виду чрезвычайное посольство в 1792–1794 гг. генерал-поручика М.И. Голенищева-Кутузова, будущего фельдмаршала, ко двору султана Селима III.

⁶ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5.

⁷ РГВИА. Ф. 35. Оп. 3. Св. 135. Д. 1272. Л. 1–2.

⁸ РГВИА. Ф. 35. Оп. 3. Св. 127. Д. 908. Л. 1–2 об.

⁹ РГВИА. Ф. 35. Оп. 3. Св. 131. Д. 1026. Л. 1–6 об.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.–2.

¹³ *Басханов М.К.* Графика пространств войны и мира: Османская империя в русской картографической традиции / Османская империя на русских исторических картах (1700–1917). Стамбул, 2023. С. 40.

¹⁴ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 5. Л. 24–41, 58–61, 63–65 об., 66–73, 86–97.

¹⁵ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 7. Л. 56–115.

¹⁶ Список генералам по старшинству на 1 января 1873 г. СПб. 1873. С. 7–10.

¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4479. Л. 381.

¹⁸ *Рыженков М.Р.* Русские офицеры Генерального штаба в Азиатской Турции в 1830-х годах // Восточный архив. 2021, № 1 (43). С. 9–15.

¹⁹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 31. 1840 г. Д. 789. Л. 4–9.

²⁰ Повышение в чине в связи с переходом из гвардии в армию.

²¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 526. Л. 28–28 об.

²² *Титов Владимир Павлович (1807–1891)* русский посланник в Османской империи в 1840–1853 годах, впоследствии действительный тайный советник и член Государственного совета.

²³ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 34. Л. 124–127 об.

²⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 552. Л. 4–5.

²⁵ *Басханов М.К.* Графика пространств... С. 37–38.

²⁶ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–5 об.

²⁷ Там же. Л. 1–2 об.

²⁸ РГВИА. Ф. 395. Оп. 31. 1840 г. 1 отд. 4 ст. Д. 789. Л. 1–3 об.

²⁹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 657. Л. 1–1 об.

³⁰ Там же. Л. 2–3.

³¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 6736. Л. 52–63 об.

³² РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–1 об.

³³ Там же. Л. 3–4.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 5–5 об.

³⁶ Там же. Л. 7 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 28. Л. 139–139 об.

³⁸ Там же. Л. 151 об.–152 об.

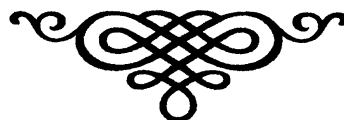
³⁹ Там же. Л. 151.

⁴⁰ Там же. Л. 22–22 об.

⁴¹ Там же. Л. 316, 326.

⁴² РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 6736. Л. 55 об.

⁴³ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. I. СПб., 1908. С. 680.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-17-28

Л.В. Божинская (Арандаренко), С.Л. Борошко

ВОЕННО-НАУЧНЫЕ ЗЕРАВШАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А.К. АБРАМОВА

В начале 1866 года русские войска генерала Дмитрия Ильича Романовского начали передислокацию в район захваченного в июне 1865 года Ташкента, объявленного Российской империей столицей русского Туркестана. В ответ на это бухарский эмир Музаффар-хан потребовал очистить Ташкент. Переговоры ни к чему не привели. Боевые действия начались 8 мая 1866 года при урочище Ирджар. Бухарская армия потерпела поражение. Прибыв в Бухару, Музаффар-хан был встречен враждебно настроенной толпой, обвинявшей его в поражении, улемы требовали продолжения войны.

В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман, назначенный первым генерал-губернатором Туркестана (14.07.1867 – 04.05.1882), передал Музаффар-хану ряд положений мирного договора, определяющего пограничное разграничение. Бухарцы держали войска в пограничных кишлаках, собирали подати на джихад против русских, посылали отряды для разграбления пограничных территорий Туркестанского генерал-губернаторства. Переговоры затянулись, бухарцы вели себя агрессивно. Для борьбы с бухарцами Кауфман назначил полковника Александра Константиновича Абрамова.

Бое столкновения с бухарской армией в Зеравшанской долине, завоевание Самарканда, сражение под Ургутом, занятие Катта-Кургана и бой у Кара-Губе показали превосходство русской армии над армией Музаффар-хана. Военные действия в Туркестане в 1866–1868 годах привели к упрочению положения в Средней Азии Российской империи, не ставившей своей целью уничтожение Бухарского ханства и полунезависимых бекств, многие из которых были рас-

положены в труднодоступных горных местностях¹.

В сражении с бухарцами при Зерабулаке 2 июня 1868 года главными силами русских войск командовал полковник Абрамов, по заключении мира с бухарским эмиром произведённый в генерал-майоры. После военных поражений Музаффар-хан уступил России по мирному договору 1868 года Самаркандское, Пенджикентское, Ургутское и Катта-Курганское бекства, принял уплату контрибуции в размере 500 тыс. руб., подписал мирный договор, разграничивающий Туркестанское генерал-губернаторство и бухарские владения на условиях Кауфмана².

После заключения договора Кауфман получил возможность влиять на политику Бухары в соответствии с русскими интересами в Туркестане. Мирный договор превращал Бухарское ханство в протекторат Российской империи. Ограничение независимости Музаффар-хана оформлялось постепенно, как договорно-правовыми актами, так и конкретными мероприятиями российских властей. Полунезависимое положение обеспечивало эмиру военно-политическую стабильность личной власти при утрате политической самостоятельности.

После военных неудач и подписания договора 1868 года в Бухарском эмирате наступил период смуты. Русские войска принимали участие в подавлении мятежей, используя открывающиеся возможности для расширения границ Российской империи в Средней Азии. Из вновь завоёванных земель 27 июня 1868 года был образован Зеравшанский округ, начальником которого был назначен Абрамов. В состав округа вошли Самарканд, Ургут, Катта-Курган, Чилек и Пайшанба.

В августе 1868 года Абрамов вручил Кауфману донесение о том, что Пенджикент

«добровольно изъявил полную покорность» Российской империи. Несмотря на недовольство Азиатского департамента военной активностью и «расширением пределов» империи, Кауфман санкционировал включение Пенджикента в состав Зеравшанского округа³.

Каршинская экспедиция (октябрь 1868 г.)

Каршинская экспедиция, предпринятая в октябре 1868 года, была первой Зеравшанской экспедицией Абрамова.

После поражения и потери части территорий экономическое положение Бухарского ханства ухудшилось. В связи с необходимостью выплаты контрибуции и стремлением эмирских властей возместить утерянные налоговые поступления Самаркандского и Катта-Курганского бекств усилилась эксплуатация населения. Недовольство принимало широкий характер. Эти настроения использовали ишаны для борьбы против бухарского эмира. Их политическим центром был город Карши. Здесь сосредоточивались враждебные эмиру силы – против Музаффар-хана восстал его старший сын Катты-Тюря и шахрисабзские беки – предводители мятежников Джура-бей и Баба-бей. Катты-Тюря удалился из Бухары в Карши и провозгласил себя ханом. Музаффар-хан попытался разгромить своих врагов. Его войска двинулись на Карши, вытеснили войска Катты-Тюря и его сторонников, которые бежали в Шахрисабзский оазис. Преследуя их, эмир пошёл на Шаар и Китаб. В районе Чиракчи назревало столкновение между войсками Музаффар-хана, отрядами Катты-Тюря и шахрисабзских беков. В это время эмир получил сообщение о мятеже на северо-востоке ханства, где Садык-султан занял города Нурата и Кермине. Музаффар-хан был вынужден направиться в Кермине. Восстание Садык-султана было подавлено, эмир вернулся в Бухару. Катты-Тюря собрал войска и вновь захватил Карши, планируя свергнуть Музаффар-хана и разорвать мирный договор с Россией.

Осознавая слабость своего положения, Музаффар-хан обратился к начальнику Зе-

равшанского округа Абрамову, прося о содействии⁴. В рапорте Кауфману Абрамов излагает сведения о положении в Бухаре и причинах, заставивших его препятствовать враждебным намерениям сына эмира: «Сын эмира (Катты-Тюря) овладел г. Чиракчи и стал быстро усиливаться войсками благодаря деятельности и щедрой помощи беков Шахрисабзских <...> Действуя заодно с Садыком, получив даже от Катты-Тюря ярлык на бекство в Кермине, они хотели немедленно идти по пятам эмира в Бухару и, поддерживаемые таким же движением Садыка со стороны Кермине, овладеть столицей ханства и свергнуть настоящего эмира Музафар Эддина с его престола»⁵.

Обстановка в Бухарском ханстве нарушала планы царского правительства. Заключив выгодный для себя мирный договор с Бухарой, оно было заинтересовано в укреплении власти эмира, развитии русско-бухарских экономических связей, укреплении влияния Российской империи в Бухаре. Поэтому Кауфман велел Абрамову удовлетворить просьбу Музаффар-хана: «Джура-бий считает себя за что-то настолько самостоятельное и настолько сильное, что на отдалённые наши предупреждения и угрозы особенного внимания может не обращать. Я решился показать Джура-бию, что его положение совершенно не так безопасно, как он думает, и что ущелье, отдаляющее его от наших владений, не представляет нам никакого препятствия дойти до него в один день»⁶.

3 октября к пограничному кишлаку Джам прибыл первый отряд капитана Гребёнкина, который привёл в смущение шахрисабзских беков. Дальнейшее стягивание войск в Джам их озаботило и напугало: «Джура-бий и Баба-бий сбор наших войск в Джам объяснили прямым желанием воспользоваться смутным положением дел в эмирате и наказать их за прежние против нас действия под Самаркандом <...> Я, дабы сын эмира яснее понял назначение Джамского отряда и был бы осторожен в своих намерениях против эмира, распустил через лазутчиков слух в населении о том, что мы не только не сочувствуем планам Катты-Тюря и не желаем никакого переворота в Бухаре <...> наступательное

его движение к Бухаре может вызывать также движение против его самого»⁷.

Абрамов возглавил отряд, прибывший 4–7 октября к пограничному кишлаку Джам из Самарканда и Катты-Кургана – семь рот пехоты, две сотни казаков и шесть орудий⁸.

9 октября он выслал рекогносцировочный отряд Гребёнкина в Чиракчи: «Рекогносцировка эта убедила меня, что сына эмира нет в Чиракчи, что он занял Карши, собирает войска и опять вступил в сношения с Джурабием. По соображении всех обстоятельств было ясно, что главная пружина всех действий сына эмира – это Джурабий»⁹.

10 октября Абрамов совершил рекогносцировку по дороге к Шахрисабзу. Оставив пехоту на горном ручье Кайкаме, с кавалерией и конным взводом артиллерии он проехал ущелье и достиг выхода из него на Шахрисабзскую долину. Перед ним простиралась вся долина и вид на Китаб, Шар, Шаматан, Урты-курган и Даик. Эти пять городов, обнесённые единой стеной, были видны с края ущелья.

Быстрое движение военного отряда Абрамова к Китабу, внезапное появление за горным хребтом, дорога по которому считалась довольно трудной, произвели на Джура-бия и Баба-бия большое впечатление. В рапорте Кауфману Абрамов докладывал, что, уstraшённые внезапным появлением русских войск, они приняли произведённую рекогносцировку за намерение овладеть Шахрисабзом: «Они пришли в совершенно панический страх и немедленно стали сзывать к оружию единственную свою силу – народ. Народ, однако, не отозвался на их приглашение, как они ожидали, и нашёл более удобным убраться в горы <...> Тогда Джура-бий и Баба-бий обратились к сыну эмира. Они просили о возврате своего войска, ещё оставшегося в Карши, и непосредственной у него помощи. Катты-Тюря, находящийся главную поддержку в своих намерениях у Джура-бия, не мог отказать в его просьбе, и 14 числа выслал к нему до 4-х тысяч человек с несколькими орудиями»¹⁰.

Предпринятая Абрамовым 14 октября рекогносцировка по дороге в Карши показала,

что население Шахрисабзской долины не поддерживает намерения Катты-Тюря, желает восстановления порядка и спокойствия.

Абрамов распустил слух, что если Джура-бий и Баба-бий будут враждебно относиться к русским, то он придёт в их владения и разорит их. Джура-бий послал в Самарканд своих людей, которые постарались довести до сведения Абрамова, что он каётся в своём прежнем поведении и желал бы жить с русскими в мире. Катты-Тюря лишился своих союзников и не мог произвести наступления на Бухару.

Получив от Абрамова уведомление о цели собранного в Джаме русского отряда, Музаффар-хан вернулся в Бухару. Движение отряда Абрамова обезопасило эмира от покушений на его власть со стороны беков Шахрисабза и его старшего сына. Музаффар-хан не ответил на письмо Абрамова, дабы не демонстрировать своё бессилие против внутренних врагов. Абрамов выслал эмиру второе письмо о том, что если он желает скорейшего водворения спокойствия в крае, то должен двигаться на Карши. Не дожидаясь ответа эмира, Абрамов двинулся с джамским отрядом к Карши. Он вступил в первый бой с войсками Катты-Тюря 21 октября и к 23 октября одержал убедительную победу. Общие потери русских войск – двое убитых, одиннадцать раненых. Катты-Тюря бежал в Шахрисабз. 27 октября 1868 года Абрамов передал власть над Каршинским оазисом представителям эмира, подошедшим после сражения¹¹. В рапорте Кауфману Абрамов писал: «Из всего вышеизложенного, Ваше Превосходительство, усмотрите, что с моей стороны сделано всё, чтобы поддержать эмира. Результаты нашего вмешательства совершенно ясны: без него эмир, если дошел бы до Бухары, то поцарствовал бы не долго. С одной стороны Катты-Тюря и Джура-бий, а с другой Садык кончили бы своё дело без всяких затруднений. Теперь один из них уже уничтожен, а другой почти бессилён. Дальнейшее будет зависеть уже от действий самого эмира»¹².

За овладение занятого мятежниками города Карши Абрамов был жалован золотой саблей с надписью «За храбрость».

Изгнание Катты-Тюря и возвращение города Карши бухарскому эмиру восстановило порядок в ханстве, дало возможность эмиру вернуть отторгнутые от Бухары Гиссарское, Дихнаусское и Каратегинское бекства. Эта поддержка продемонстрировала эмиру выгоду, которую он получал от нахождения русских войск на его территории.

Искандеркульская военно-научная экспедиция (апрель-июль 1870 г.)

После завершения Каршинской экспедиции перед Кауфманом возникла необходимость решить новые военно-политические задачи в Верхнем Зеравшане. Не подчинявшиеся власти бухарского эмира беки Шахрисабза, Матчи, Фальгара, Фана, Ягноба, Магиана и Кштута вызывали беспокойства на границах Зеравшанского округа, Ходжентского и Дизахского уездов набегами на кишлаки, нападениями на патрульные отряды и незаконным сбором податей.

Перед военными действиями следовало узнать о географии и населении этих высокогорных бекств, о которых европейцам практически ничего не было известно. Первое описание этого края, составленное в 1840-х годах А. Леманом¹³, не могло служить достаточной базой для понимания особенностей данного региона.

В Русско-Бухарском договоре 1868 года не были чётко обозначены границы русских владений в верхней части долины реки Зеравшан – бекств Фальгар, Матча, Кштут, Фан и Ягноб, получивших название Кохистан (Когистан, Кухистан), а также сопряжённых с ним спорных территорий Бухарского эмирата в пределах Восточной Бухары. Кауфман поддержал предложенный Абрамовым проект дальнейшего расширения территории округа, предусматривавший поход в район Верхнего Зеравшана, к озеру Искандеркуль.

Территория верховьев Зеравшана до 1868 года входила в состав Бухарского ханства и управлялась из Самарканда. Но труднодоступные горные бекства мало зависели от бухарских чиновников. Ими управляли местные беки, вассалитет которых ограни-

чивался выплатой податей. С переходом Самарканда под контроль Российской империи эти бекства фактически стали самостоятельными. Абрамов писал, что этот район исторически и географически связан с занятой русскими территорией, богат природными ресурсами, его приобретение увеличит налоговые поступления Зеравшанского округа¹⁴.

А.К. Абрамову задолго до Зеравшанских экспедиций поручались не только военные, но и научные походы. В 1864 году отряд Абрамова (в его составе находились зоолог и путешественник Николай Алексеевич Северцов и горный инженер Александр Александрович Фрезе) был отправлен в район Пишпека для поиска месторождений полезных ископаемых. Участники экспедиции обнаружили залежи каменной соли, сделали геологический обзор Александровского хребта и рудных месторождений в горах Кара-Тау, обнаружили заброшенные свинцовые рудники и каменноугольные залежи¹⁵, провели топографическую съёмку местности.

Выбор А.К. Абрамова для руководства военно-научной Искандеркульской экспедицией был обоснован его опытом в предыдущей экспедиции. На вопрос о том, была ли военно-научная экспедиция Абрамова первой русской научной экспедицией в Средней Азии, трудно ответить однозначно. Неудачная Хивинская экспедиция Перовского, предпринятая в 1839–1840 годах, имела в своём составе научный персонал. Однако маршрут Хивинской экспедиции пролегал по Киргизской степи, сама экспедиция фактически не достигла пределов того, что традиционно считается Средней Азией. По сути, Хивинская экспедиция может быть отнесена к продолжению Степных походов 1830–1840-х годов, при которых также велись научные работы. Таким образом, Искандеркульскую экспедицию Абрамова всё же можно считать первой русской военно-научной экспедицией в Средней Азии.

Причиной организации Абрамовым в 1870 году летней Зеравшанской (Искандеркульской) военно-научной экспедиции послужили природное богатство края, спорные вопросы

подчинённости бекств Верхнего Зеравшана и политическая нестабильность: «В бекствах царствовала полная анархия, невыгодно отражавшаяся на границах Ходжентского и Дизахского уездов и Зеравшанского округа. Для водворения в них порядка, а также для исследования верховий Зеравшана, интересных во многих отношениях, весной 1870 года отправлена была экспедиция под начальством генерал-майора Абрамова»¹⁶.

Поскольку к составу Искандеркульской экспедиции были прикомандированы учёные – географы, ботаники, геологи и этнографы, каждый из которых опубликовал результаты своих исследований, создаётся впечатление, что экспедиция носила научный характер: «Чтобы ближе ознакомиться с Кохистаном, которому придавалось большое стратегическое значение, в 1870 году туда была снаряжена военная, но с мирными целями экспедиция, возложенная на генерал-майора Абрамова. Эта экспедиция известна под именем Искандеркульской, так как конечным пунктом её исследований было озеро Искендер»¹⁷.

Официальная формулировка целей Искандеркульской экспедиции Абрамова, заключающаяся в «водворении порядка» в селениях Верхнего Зеравшана, очень противоречива. Она ничего не объясняет, в ней не отражены сложность и комплексность проблем, которые на самом деле имелись. Причины того, каким образом формально входившие в состав Бухарского эмирата бекства оказались в составе России, до конца не изучены. На момент заключения договора 1868 года русские войска контролировали только среднюю часть течения реки Зеравшан. Договор предусматривал уступку Самарканда, предполагалась передача Самарканда и его округа, т.е. фактически среднего течения реки Самарканд. Входили ли до русского завоевания мелкие бекства по верхнему течению Зеравшана в Самаркандский округ или подчинялись Бухаре напрямую, образуя особый округ – это вопрос, оставаясь спорным, был удобным предлогом для отторжения бекств верховьев Зеравшана от Бухарского ханства и присоединения их к Российской империи.

Согласно общей организации административного управления в Бухарском ханстве, когда в крупных городах образовывались бекства, правители прилегающих менее крупных бекств подчинялись более крупным. Можно предположить, что мелкие бекства по верхнему течению Зеравшана административно подчинялись беку Самарканда. В таком случае переподчинение бекств Туркестанскому генерал-губернаторству является легитимным процессом, и скрытые цели Искандеркульской экспедиции Абрамова состояли именно в этом действии – в переводе этих бекств под русский контроль, пользуясь неясностью территориального определения в понятии «Самарканд».

Формальным поводом к экспедиции стала фактически объявленная бекствами независимость от Бухары. Связь бекств с Бухарой оказалась прервана образованием Зеравшанского округа. Верхняя часть Зеравшана была отрезана от нижней – Бухары. Необходимо было подписать дополнительный русско-бухарский договор или протокол, по которому определялся бы статус Верхнего Зеравшана. Но военные неудачи, слабость бухарского эмира, показавшая себя в Каршинском мятеже 1868 года, общая дезорганизация административного управления в ханстве позволили русской военной администрации воспользоваться моментом и осуществить присоединение верхней части долины Зеравшана к Туркестанскому генерал-губернаторству.

А.К. Абрамов организовал и в апреле-июне 1870 года руководил экспедицией от границ русских владений до озера Искандер¹⁸. Поскольку территория в верховьях реки Зеравшан была практически неизвестна науке, к экспедиции прикомандировали учёных, получивших в Средней Азии уникальный опыт. В известной мере он копировал опыт европейский – к примеру, наполеоновские экспедиции в Египет, французские экспедиции в Алжир, давшие возможность исследователям проникнуть в ранее недоступные районы. Отдельные элементы таких экспедиций уже были использованы в 1830–1840-х годах русскими войсками на Кавказе и повторены во время Степных походов на

Оренбургской линии в 1840–1850-х годах. Но в полном объёме, с широким привлечением учёных разных специальностей, это произошло в Зеравшане.

Отряд Абрамова состоял из 551 нижнего чина с соответствующим числом офицеров, двух горных орудий и группы учёных. Отряд выступил из Самарканда 25 апреля. Пройдя по берегу Зеравшана 191 версту, 16 мая он прибыл в селение Оббурдон. По дороге экспедиция останавливалась в высокогорных селениях Ёри, Руди Обнок (Пенджикент), Урметан, Дардар, Варзимунон, Шаватки Боло, Шамтич (Фалгар), Ревомутк, Лангари Ёз, Табушн, Палдорак и Водиф (Масчох), учёные изучали язык местного населения, этнографию и географию края: «Горы Кохистана представляют вообще вид голых, обрывистых скал, на верху которых виднеются снеговые вершины, и хотя они местами покрыты скудною древесною растительностью, но вид последней ускользает от впечатления среди большого количества ничем не покрытых горных утёсов. Местами подошвы этих гор отдаляются на небольшое расстояние от русла реки, местами же, упираясь высокими обрывами в самое русло, заставляют путника совершать трудные объезды горами или же перебираться по опасным карнизам и деревянным мостикам, укреплённым в скале в виде балконов»¹⁹.

23 мая экспедиция прибыла в селение Пальдорак, резиденцию матчинского бека, который бежал при приближении русского военного отряда. 24 мая генерал А.К. Абрамов с учёными пошёл на восток, к ледникам Зеравшана. Экспедиция добралась до ледника 26 мая и приступила к его изучению. 28 мая исследователи покинули ледник и 10 июня прибыли в селение Варзиманор. 14 июня они направились в сторону долины реки Фондаря, прибыв к озеру Искандеркуль 15 июня: «Искандеркуль – небольшое альпийское озеро, лежит на семь тысяч ф. над уровнем моря. Озеро имеет вид треугольника, в 4-6 кв. вёрст. Длина озера от впадения Сара-тага до места выхода Искандер-Дарьи 2 версты 200 сажень, от последнего места до впадения Хазар-Миша 2 версты 100 сажень; окружность его 9–

8 вёрст. Наибольшая глубина озера 31 саж. Вода в озере пресная и отличается свежим и хорошим вкусом. Температура в средних числах июня, когда экспедиция была на озере, +8° по Реомюру»²⁰.

Учёные с 19 по 24 июня изучали верховья долины Фон до перевала Анзоб и долину реки Ягноб до местности Оби Кули Варсовут. 25 июня они добрались до озера Кули-Калон; 27 июня – в селение Панджруд; 28 июня – в Пенджикент; 29 июня прибыли в Самарканд. Научная цель экспедиции была исполнена.

Военно-рекогносцировочная часть экспедиционного отряда под начальством подполковника Алексея Романовича Деннета, в количестве 203 человек, выступила из Ура-Тюбе 13 мая. Сделав переход в 59 вёрст, через перевал в 11 200 футов, 16 мая она соединилась с основным отрядом Абрамова в селении Оббурдон.

24 мая Деннет двинулся на Ура-Тюбе, через Янги-Саббакское ущелье, к северу, через селение Табушин, на Янга-Саббакский перевал. 26 мая отряд перешёл через перевал высотой 13 278 футов. Когда отряд находился на вершине перевала, поднялся буран. С большим трудом отряд спустился в котловину. В это время было получено известие, что на отряд есаула Уржумцева, посланного вперёд для разведки пути, было совершено нападение – после перевала отряд попал под ружейный огонь и удары камнями. Спешившись, казаки укрылись и открыли огонь. Два казака были сбиты камнями с карниза, один получил огнестрельное ранение, убито 12 лошадей.

Получив 28 мая известие о враждебных действиях местного населения, Абрамов послал Деннету 40 стрелков и 10 казаков под начальством штаб-ротмистра барона Аминова. Деннет взял для рекогносцировки ущелья 70 стрелков. Войдя в теснину, отряд вновь был встречен камнями и выстрелами. Путь через ущелье оказался заваленным камнями, карниз был сбит, продвижение отряда было невозможно. Деннет сделал обратный переход через перевал и 31 мая в селении Таушин соединился с отрядом Абрамова²¹.

Гиссарский бек обещал бекам Верхнего Зеравшана прислать 300 человек для противодействия движению русского отряда. Это заставило Абрамова отказаться от движения к ущелью, где происходила перестрелка. 1 июня Абрамов выступил из селения Таушин обратно в Варзимино и прибыл в Оббурдон.

Из Оббурдона Абрамов послал Аминова в ущелье, выходящее на Ягнау. Аминов преодолел перевал и обследовал часть Ягнауской долины. Деннету Абрамов приказал обойти Янги-Саббакское ущелье с другой стороны и уничтожить напавший на него отряд. 5 июня Деннет перешёл Аучинский перевал и вышел в тыл матчинцам. Внезапное появление русского отряда в тылу неприятеля произвело сильное впечатление на горцев. Опрос жителей позволил получить подробные сведения о местопребывании отряда, напавшего на Деннета 27 мая – они находились в урочище Кумбель, против Янги-Саббакского ущелья: «До какой степени трудны эти перевалы, может служить доказательством переход Ура-Тюбинского рекогносцировочного отряда через Янги-Саббакский перевал. Здесь пришлось не только переносить всю поклажу на руках, но перетаскивать на арканах лошадей, ишаков и рогатый скот. Но, несмотря на все затруднения, представляемые этими перевалами, к ним часто приходится прибегать в горной войне»²².

9 июня Деннет настиг и уничтожил отряд матчинцев. 16 матчинцев были взяты в плен, найдены вещи, принадлежавшие убитым казакам.

Гиссарский бек бежал при приближении отряда Абрамова. Уничтожив сопротивление, Абрамова решил пройти основным отрядом путь к озеру Искандеркуль, картографируя местность. Экспедиция благополучно прибыла к цели путешествия. Пробыв на озере три дня, Абрамов двинулся обратно через заснеженный гиссарский перевал вышиной до 12 тысяч футов, выйдя к Ягнау. Жители Ягнау, недовольные правлением матчинского бека, встречали Абрамова приветливо.

24 июня Абрамова выступил из Фана к Кштуту. На первом же переходе к отряду

прибыл джигит, посланный накануне с почтой в Самарканд. Джигит был ограблен и возвратился в отряд с письмом Абрамову от магианского бека, сообщавшего, что 3 тысячи жителей Кштута вооружились, не слушаются его приказаний, и бек советует отряду, во избежание схватки, вернуться прежней дорогой, через фанские и фальгарские земли. Однако отряд Абрамова продолжил движение на Кштут.

Самая трудная часть дороги через Кштутское ущелье была в его начале, в самом узком месте ущелья, над которым горы возвышались почти отвесно. Зная о предстоящем сопротивлении, Абрамов отправил штабс-капитана Шорохова с 40 стрелками на Куликаланские высоты, окаймляющие ущелье слева, Аминова с 40 стрелками – на гору с правой стороны ущелья. Им приказано было осмотреть ущелье и горы, если в нём находится неприятель – уничтожить его. Основной отряд остановился близ входа в ущелье.

Едва колонна Шорохова начала восхождение, за камнями были замечены вооружённые люди, следившие за отрядом. Подъём на Куликаланские высоты шёл по круче, был чрезвычайно трудным. Шорохов не прошёл и трети пути, когда с гребня был открыт частый ружейный огонь. Подъём на гору с правой стороны ущелья был ещё сложнее, колонна Аминова с большим трудом взбиралась на него. На правой стороне ущелья неприятеля не оказалось, Абрамов отозвал колонну Аминова к резерву.

Когда раздались выстрелы с гребня гор, Абрамов направил на Куликаланские высоты 30 стрелков и один ракетный станок с поручиком Воронцом, приказав стрелять за гребень горы. Это облегчало движение взбравшихся колонн. Абрамов получил известие, что Шорохов ранен, но продолжает наступление. Отдав распоряжение вывести Шорохова из строя, Абрамов послал для командования Гребёнкина, дав ему 40 стрелков и приказав двигаться как можно быстрее. Вызвав на позицию второе орудие и приказав участить стрельбу, Абрамов в сопровождении 20 казаков и 40 стрелков стал взбираться на вершину. Частая неприятель-

ская стрельба и град камней не останавливали казаков, которые под командованием Абрамова атаковали и рассеяли неприятеля. 26 июня отряд прошёл по очищенному от неприятеля ущелью, разбирая многочисленные баррикады.

Абрамов потерял при штурме Кштутского ущелья убитыми пять, ранеными 30 и контуженными два человека. По показаниям пленных, руководили вооружёнными горцами Кштутский Шады-бек и Фархадский Саид-бек. Отряды неприятеля состояли из жителей Магиана, Фархада и Кштута.

По убеждению Абрамова, сопротивление, оказанное жителями Кштута отряду Искандеркульской экспедиции, требовало наказания: «Генерал-майор Абрамов сжёг и разрушил все кишлаки от ущелья, где происходило дело, до нашей границы. По некоторым данным, всего было уничтожено шесть селений. Крепость Кштут была взорвана и сожжена; начальникам отделов предложено было прекратить все сношения с магианским беком, а жителям Магиана воспрещён проезд на базары Зеравшанского округа»²³.

Поставленные перед экспедицией цели были достигнуты. Учёные собрали большое количество экспедиционного материала, описывающего эти малоизвестные высокогорные территории²⁴.

Ориенталист Александр Людвигович Кун уделил внимание особенностям местных диалектов, собрал предания, легенды, обряды и обычаи Верхнего Зеравшана²⁵. Было изучено религиозное, социальное, экономическое положение, традиционный уклад жизни горцев, названия кишлаков, собраны данные о числе жителей²⁶. Полученные сведения записывал секретарь Куна, Мустаджири Самарканди, который вёл дневник²⁷ экспедиции на таджикском языке²⁸.

Описание маршрута экспедиции, с фиксацией топографического положения населённых пунктов, крепостей, фортификационных сооружений, дорог, горных перевалов и троп, приведено в работах топографов Августа Ивановича Скасси и штабс-капитана Николая Петровича Старцева, известного в Туркестане одного из наиболее опытных и искусных топографов, военного топографа

штаб-ротмистра барона Густава Александровича Аминова²⁹. Барометрическими и астрономическими наблюдениями занимался капитан Леонид Николаевич Соболев.

Горный инженер, чиновник особых поручений по горной части при Туркестанском генерал-губернаторе Дмитрий Константинович Мышенков³⁰ и военный инженер Евстафий Григорьевич Воронец³¹ отвечали за геологические изыскания.

Супруги Федченко собрали сведения по топографии, флоре, фауне и орографии, изучали местные ремёсла, сельское хозяйство, политическую систему бекств Кухистана, их административное устройство³².

Капитан Афанасий Давыдович Гребёнкин, знавший диалекты местных языков, записал сведения о земледельческих навыках горцев, опубликовал серию работ, посвящённых развитию ремёсел, сельскохозяйственным культурам, способам орошения земли в горных условиях, о садоводстве и животноводстве³³.

Русские военные востоковеды и учёные, входившие в состав отряда А.К. Абрамова, стали первыми европейцами, побывавшими в бекствах Верхнего Зеравшана. Материалы, добытые ими, имели большую научную ценность, показав важность совместных походов военных и учёных в высокогорные районы Туркестана.

В качестве признания заслуг А.К. Абрамова в деле исследования русского Туркестана в 1870 году он был избран действительным членом Императорского Русского Географического общества. За руководство Искандеркульской экспедицией награждён орденом Св. Владимира 2-й ст. с мечами.

Помимо заявленных причин и целей проведения Искандеркульской экспедиции, были скрытые факторы, на которые до настоящего времени нет однозначного ответа. Действительно ли причиной Искандеркульской экспедиции стали «спорные вопросы», возникшие между бухарским эмиром и неподконтрольными ему беками? Было ли это на самом деле? И почему во внутрибухарские отношения вмешивался начальник соседнего Зеравшанского округа Абрамов? И основной вопрос – имел ли место фактический мятеж

беков против Бухары, или это была выдумка, изобретение предлога для вмешательства?

Боевые действия русской императорской армии в конце 1860-х годов перешли с равнинного на высокогорный участок Туркестана. Предпринятая А.К. Абрамовым Искандеркульская экспедиция познакомила русскую армию с ведением боевых действий в горах, военной тактикой населения, показала, с одной стороны, агрессивность жителей горных бекств, а с другой – их нежелание вступать в открытое боевое взаимодействие с хорошо вооружёнными подразделениями регулярной армии.

Вхождение горных бекств в состав Зеравшанского округа не было результатом Искандеркульской экспедиции Абрамова. Это явилось результатом последующей Шахрисабзской экспедиции 1870 года.

Шахрисабзская военно-научная экспедиция (август 1870 г.)

Летом 1870 года вооружённые отряды шахрисабзских беков продолжали грабить кишлаки на границе Зеравшанского округа. Вооружённое сопротивление русскому отряду А.К. Абрамова, оказанное беками Кштута, Фараба и Магиана во время проведения Искандеркульской экспедиции, стало результатом влияния более сильных шахрисабзских беков. Терпеть такое положение было нельзя. К.П. Кауфман приказал Абрамову овладеть городами Шар и Катаб, выгнать оттуда беков и пригласить бухарского эмира принять страну в число своих владений³⁴. Кауфман решил отвлечь бухарского эмира от стремления вернуть Самарканд, ликвидировав беков Шахрисабза.

Через месяц после окончания Искандеркульской экспедиции, 3 августа 1870 года Абрамов доложил Кауфману о готовности новой Зеравшанской экспедиции, получившей название «Шахрисабзская экспедиция»: «Я выступаю 7-го числа рано утром. Главный отряд следующего состава: 8-й линейный батальон в полном составе, 6 нарезных орудий, 3 батареи, 2 облегчённых орудия конного дивизиона, 6 ракетных станков и 2 сотни казаков. Отряд этот 8 числа прибудет

в Джам; 9 выступит из Джама и 10, спустившись в долину Кашка-Дарья, станет на ночлег в виду Шаря. 11 число будет занято рекогносцировками и необходимыми предварительными распоряжениями по овладению городами; 12-го – занятие городов, если не встретится каких-либо особых препятствий. Вспомогательный отряд из 3-х рот 9-го батальона, 2-х горных орудий, 2-х ракетных станков и полусотни казаков, под начальством подполковника Соковнина, выступит 9 числа, ночевать будет в Кара-Тюбе и 10 числа займёт перевал. Оба отряда будут снабжены провиантом на 10 дней, патронами по 200 на ружьё, артиллерийскими зарядами – в количестве 1,5 комплекта (горный взвод 1 комплект)»³⁵.

6 августа Абрамов сообщил Музаффархану о своих действиях, предпринимаемых с целью «покарать мятежных беков», и просил эмира прислать своих чиновников для передачи им управления оазисом³⁶. По свидетельству бухарского историка Мирзо Сами, инициатива в организации похода в Шахрисабз принадлежала бухарскому эмиру, обратившемуся к Кауфману с просьбой об этом. Музаффар-хана убедили в целесообразности этого шага его советники, утверждая, что «урон с обеих сторон будет на пользу Высокому Государству», т.е. Бухарскому ханству³⁷.

В состав Шахрисабзской экспедиции Абрамов вновь включил А.Л. Куна, которому был поручен сбор документов в горных бекствах. Все документы передавались Кауфману, который, в свою очередь, передавал их в Публичную библиотеку. Благодаря собирательской деятельности А.Л. Куна за девять лет К.П. Кауфман передал в Публичную библиотеку более 300 рукописных кодексов на арабском, персидском и тюркских языках, среди которых книги из библиотек кокандского и хивинского ханов, а также около 4000 документов, отложившиеся под названием «Документы и переписка владельцев среднеазиатских стран, собранные во время экспедиций Искандеркульской, Шахрисабзской и Хивинской»³⁸.

7 августа отряд Абрамова в количестве 1300 человек выступил из Самарканда по дороге к Джаму.

9 августа в Джама экспедиция Абрамова пополнилась отрядом подполковника Соковнина числом 600 человек и выступила к Шахрисабзу: «Я выступил из Джама и прошёл всё ущелье благополучно. По выходе в долину я направился не на Шарь, как предполагал прежде, а прямо на Китаб – дорогой по южному склону шахрисабзских гор <...> 11-го я подошел к Китабу и остановился на прямой Кара-тюбинской дороге в селе Урускишлак, в 2,5 верстах от городской стены против Китаба (Китаб и Шар окружены одной общей стеною)»³⁹.

12 августа Абрамов приказал готовиться к штурму и произвёл рекогносцировку крепостных стен, во время которой защитники крепости открыли оружейный и орудийный огонь, а также выслали из-за стен вооружённые отряды.

13 августа артиллерия открыла огонь по орудиям на неприятельских барбетах и по тем местам в крепостной стене, где было решено пробивать бреши. Обороняющиеся отвечали артиллерийским и фальконетным огнем. Абрамов усилил обстрел крепости, назначив штурм на следующее утро, 14 августа 1870 года: «В 2 часа 45 мин. утра с батарей открыт был усиленный огонь по крепостным верхам и городу, а в 3 часа 30 мин. штурмовая колонна под начальством полк. Михаловского пошла на штурм <...> Под градом пуль, с криком «Ура!» солдаты начали подниматься на стену, кто по лестницам, кто через брешь, и как только взошли, очистили барбет штыками. Затем колонна немедленно двинулась к городу <...> дойдя по стене до построек с большими складами клевера, подожгла их и тем ярко осветила себе дорогу. <...> Неприятель в довольно больших силах собрался на крайний барбет и открыл сильный огонь из орудий по батарее Михаловского. Тогда с батареи послан был капитан Гребёнкин с ротой пехоты сбить неприятеля и очистить барбет. Гребёнкин вошёл за стену чрез брешь, повернул направо, быстро прошёл к барбету и, встреченный орудийным огнём, разогнал неприятеля и сбросил все орудия в ров <...> Узкие улицы запружены были бежавшим неприятелем, с которым происходили

не только перестрелки, но и схватки холодным оружием <...> Михаловский зажёл кругом склады клевера, дал сигнал “всем сбор” и пошёл в город. Подойдя к воротам, которые были заперты, отряд был встречен ружейным огнем с городской стены. Обстреляв картечью и гранатами башенки, защищавшие ворота, и сами ворота, полк. Михаловский приказал атаковать стену и ворота. Стрелки кинулись на «Ура!» левее ворот, под огнём перелезли стену и отворили ворота <...> К 8 часам всё было кончено. Всех вооружённых защитников было до 8 000 человек. Потеря их была весьма значительна, одних убитых в день штурма было до 600 человек. Наша потеря состояла из 19 (1 офицера) убитых, 60 (1 офицер) тяжело и 49 (7 офицеров) легко раненых»⁴⁰.

15 августа Абрамов обследовал захваченные укрепления Даян, Шар и Китаб, встретил беков, назначенных эмиром для управления вновь приобретённым городом.

На следующий день Абрамов заявил жителям Шара, что над оазисом восстановлен прежний порядок: управление передается «законному властелину – эмиру бухарскому».

Кауфман считал, что передача территории Музаффар-хану, сгладив у него горечь утраты Самарканда, усилит стремление к сближению с Российской империей, не вызовет нареканий министерства иностранных дел по поводу «нового расширения пределов империи». Расчет Кауфмана оказался правильным. Эмир не поднимал более вопроса о возврате Самарканда и Катта-Кургана.

Для того чтобы окончательно обезопасить Туркестанское генерал-губернаторство от Джура-бея и Баба-бея, Кауфман потребовал у Абрамова выступить в поход – присоединить бекства Фарабское и Магианское к составу Зеравшанского округа.

16 августа Кауфман отправил канцлеру Российской империи Александру Михайловичу Горчакову специальное послание. Он не упомянул о новом походе Абрамова в пределы Фарабского и Магианского бекств, но выражал надежду, что министерство иностранных дел не проявит недовольства по поводу «неважного военного эпизода»⁴¹ – военного похода Абрамова, приведшего к

передаче управления Шахрисабзским оазисом Музаффар-хану⁴².

Прибыв в Фараб 21 августа, Абрамов не застал войско шахрисабзских беков. Разрушив Фарабскую цитадель, он объявил жителям о присоединении их к Зеравшанскому округу. Никого из воинов не застал он и в Магиане. Разрушив Магианскую цитадель, он также объявил жителям о присоединении Магиана к Зеравшанскому округу. Абрамов преследовал мятежных беков, к 23 августа их войска были рассеяны, правители бежали. Оставив в Фарабе и Магиане военный гарнизон, 25 августа Шахрисабзская экспедиция А.К. Абрамова вернулась в Самарканд.

Опыт привлечения учёных в состав военных экспедиций на примере Зеравшанских военно-научных экспедиций был сочтён удачным. Непосредственно за экспедицией Абрамова последовали Хивинский поход 1873 года и Алайская военно-научная экспедиция 1876 года на Памир под начальством генерал-майора М.Д. Скобелева, в которых приняли деятельное участие российские учёные.

Первые военно-научные экспедиции в верховья Зеравшана явились следствием продвижения русских войск вглубь Средней Азии. Контроль над этими территориями способствовал сокращению междоусобиц, принёс всему региону благополучие, превратил высокогорные бекства из «белых пятен» на географической карте мира в динамично развивающийся регион русского Туркестана.

Примечания

¹ Пирюшмиев Х. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. Душанбе: Российско-Таджикский ун-т, 2009. 687 с.

² Бухара // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. V. 1891. С. 97–108.

³ Национальный архив Узбекистана (НАУ). Ф. КТГГ. Оп. 34. Д. 20. Л. 26.

⁴ Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная тип., 1890. С. 274.

⁵ НАУ. Ф. Л 15. Оп. 1. Д. 37. Л. 241–241об.

⁶ Там же. Л. 243–243об.

⁷ Там же. Л. 242об.–243.

⁸ Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т. IV. СПб.: Военная тип., 1911. С. 80.

⁹ НАУ. Ф. Л 15. Оп. 1. Д. 37. Л. 243.

¹⁰ Там же. Л. 244 об.–245.

¹¹ Хронологический указатель... Т. IV. С. 80.

¹² НАУ. Ф. Л 15. Оп. 1. Д. 37. Л. 249.

¹³ Lehmann, Alexander. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. СПб., 1852.

¹⁴ НАУ. Ф. 715. Д. 40. Док. 25.

¹⁵ Серебренников А.Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1866 год. Ташкент: Издание штаба Туркестанского ВО, 1914. Т. 17; 1864 год. Ч. 2 (Август – декабрь). С. 48–53.

¹⁶ Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана... С. 274–275.

¹⁷ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 12. 1894. С. 553–554.

¹⁸ Военная энциклопедия / под ред. К.И. Велличко. Т. 11. СПб.: Т-во И.Д. Сытина. 1913. С. 36.

¹⁹ Аминов П.А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандеркульской экспедицией в 1870 году. СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1873. С. 4.

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Хронологический указатель... Т. IV. С. 88, 89.

²² Аминов Г.А. Военно-топографические заметки... С. 16–17.

²³ Троцкий В.Н. Извлечение из донесений о действиях в 1870 г. рекогносцировочных отрядов: Ура-Тюбинского и Зеравшанского // Русский Туркестан. Вып. 3. 1872. С. 199–206.

²⁴ Ястребова О.М. Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Восточный сборник. Вып. 6. 2003. С. 77–123.

²⁵ Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А.К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховьев Зеравшана и долины Фондаря // Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию российского востоковедения (г. Худжанд, 23 ноября 2018 года). Оренбург, 2019. 362 с.

²⁶ Хромов А.Л. О дневнике Искандеркульской экспедиции в 1870 г. // Известия АН ТаджССР. Душанбе, 1972. № 2.

²⁷ Муштаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. Душанбе: Ирфон, 1989. 175 с.

²⁸ Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. Москва: Изд-во вост. лит., 1955. Вып. 1. С. 100–102.

²⁹ *Аминов Г.А.* Искандер-Кульская экспедиция 1870 года // Туркестанские ведомости. 1873, № 13–14; *Аминов Г.А.* Съёмка Когистана, произведённая при Искандер-Кульском отряде гг. Старцевым и Скасси под руководством Г.А. Аминова и дополненная расспросными сведениями, собранными ими же в 1870 г. // Ежегодник материалов по статистике Туркестанского края. 1874. Вып. 3.

³⁰ *Мышенков Д.К.* Геологические заметки из дневника по экспедиции к верховьям Заравшана // Туркестанские ведомости. 1870. № 8.

³¹ *Воронец Е.* Искандер-кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапёра) // Инженерный журнал. 1871, № 4–5.

³² *Федченко А.П.* Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зарафшана в июне 1870 г. // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. X. Вып. 1. 1870. С. 4–21.

³³ *Гребёнкин А.Д.* Краткие исторические заметки о бывших бекствах: Ургутском, Магиан-

ском, Фрабском и Кштутском // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 2. 1873.

³⁴ Хронологический указатель... Т. IV. 1855–1894 гг., 1911. С. 89–90.

³⁵ *Троцкий В.Н.* Извлечение из донесений генерал-майора Абрамова об экспедиции в Шахрисабз, в 1870 г. // Русский Туркестан. Вып. 1–3. Москва: Унив. тип. Т. 3. 1872. С. 207.

³⁶ НАУ. Ф. 715. Д. 43. Док. 285.

³⁷ *Мирза Абдал Азим Сами.* Тарих-и Салатин-и Мангитийа (История Мангитских государей). Москва, 1962. С. 98.

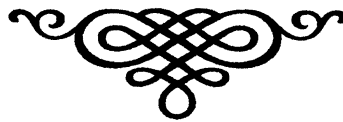
³⁸ Отчёт Императорской Публичной библиотеки за 1876 г. СПб., 1878. С. 168–215.

³⁹ Там же. С. 174–175.

⁴⁰ Копия с рапорта генерал-майора Абрамова командующему войсками Туркестанского военного округа от 31-го августа 1870 г., № 591 // Русский Туркестан. Москва: Унив. тип., 1872. Т. 3. С. 216–217.

⁴¹ НАУ. Ф. 715. Д. 43. Док. 310.

⁴² *Семёнов А.* Покоритель и строитель Туркестанского края, генерал-адъютант К.П. фон Кауфман 1-й // Кауфманский сборник. Москва: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1910. С. XXXIII.

К.П. КАУФМАН ОБ АФГАНИСТАНЕ

Значительная роль в проведении политики Российской империи в Средней Азии и сопредельных с ней странах принадлежит лично туркестанскому генерал-губернатору Константину Петровичу фон Кауфману¹. Об этом свидетельствуют и его письма, являющиеся ценным историческим источником², в том числе и те, которые относятся к периоду второй англо-афганской войны 1878–1880 годов³.

1 марта 1879 года начальник Зеравшанского округа Н.А. Иванов⁴ известил шифрованной телеграммой К.П. Кауфмана о намерении Абдурахман-хана⁵, проживавшего в изгнании в Самарканде, бежать в Афганистан⁶. Абдурахман-хан был вызван в Ташкент, где ему была вручена назначенная субсидия в размере 25 тысяч рублей. 30 ноября он выехал из Ташкента и направился в Самарканд, который покинул 11 декабря. О «бегстве» Абдурахман-хана Кауфман сообщил военному министру Д.А. Милютину⁷ только 19 декабря, и вся последующая переписка, касающаяся этого события, велась лишь «для отвода глаз»⁸, и все «подлежащие оглашению официальные документы того времени совершенно расходились с секретными документами, выражавшими истинный смысл и настроение нашей тогдашней политики в афганском вопросе»⁹.

Одно из более ранних писем К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину «о перспективах развития событий в Афганистане» от 19 ноября 1878 года ранее было опубликовано¹⁰. Ниже публикуется другое письмо К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину от 4 сентября 1879 года с общей оценкой положения дел в Афганистане и политики России в отношении его, обнаруженное в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде Военно-учёного комитета Главного штаба (Ф. 401).

К.П. Кауфман – Д.А. Милютину

С.-Петербург. 4 сентября 1879 г.

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич!

С той поры, как мы уступили место англичанам в Афганистане, место, которое мы могли занимать и оставить его за собою, если бы желали, англичане вполне воспользовались нашим честным отношением к друзьям и врагам, кто бы они ни были, заняли Афганистан если не войсками, то своими агентами, своими чиновниками и начали уже распоряжаться в Афганистане, как в завоёванной стране. Казалось, мы надолго лишены были всякой возможности даже думать о том, чтобы в случае нового разлада с Англией мы могли извлечь какую-либо пользу из нашего положения в Средней Азии. Нам оставалось лишь заботиться о том, чтобы не сделаться жертвою английских интриг, в которых, кстати сказать, они постоянно нас упрекают, несмотря на то, что мы к ним не способны, и которые составляют постоянное, изведенное ими и привычное для них оружие. Соседство подчинившегося Англии Афганистана с Бухарою, Персией и Хивою давало им возможность применить систему интриг, лжи, обманов, подкупов, вооружений из-под руки, посредством продажи торговыми людьми улучшенного оружия – туркменам, бухарцам и пр. Все эти приёмы давно известны, и не стоит их пояснять, но признаюсь, такое положение дел не раз заставляло меня задумываться: у англичан денег много, азиаты легко подкупны, а мы, какие бы ни были благодетели в Азии и как бы ни была сильна наша власть там, можем очень много потерять от ожидаемых мною несомненных успехов англичан на излюбленном их поприще. Столь же откровенно говорю, что,

кроме стремления к ещё большему скреплению дружбы с владельцем Бухары¹¹, между прочим, в виде испрошения высочайшей награды бухарскому эмиру и царского подарка его первому министру, а также усиления бдительности нашей над соседями, я ничего не придумал больше остроумного, чтобы противопоставить англичанам для парализования несомненного в будущем влияния их на наше положение в Средней Азии, а главные надежды мои возлагаю на неосторожность и промахи англичан, которые они, по всем вероятностям, выкажут, вступая в права победителей золотом над афганцами. Ещё более рассчитываю на известную мне ненависть к англичанам афганцев. Ожидания мои сбылись, правда, несколько ранее, чем я ожидал. События в Кабуле, тем не менее, таковы, что ими следует воспользоваться при известном развитии этого дела, чтобы поставить себя в Азии в такое положение, которое было бы менее для нас невыгодно, чем положение, вытекающее из Гандамакского мира¹², и которое могло окончиться потерей обаяния, приобретённого нами долгим трудом, твёрдою, честною политикою нашею в Азии и постоянными там успехами нашего оружия.

Взрыв народного негодования против британцев, выразившийся избиением их агентов, может разыгаться двумя способами: или восстание против английского владычества в Афганистане разовьётся в поголовное вооружение против них, с эмиром Якуб-ханом¹³ или другим лицом во главе, или же быстрое движение в Кабул английских войск, стоящих очень близко к этому городу, и немедленное его занятие не дадут разыгаться народным страстям, остановят дальнейшее развитие восстания, и тогда всё дело на сей раз ограничится наказанием преступников, казнями главных виновников нападения на горсть слишком доверчивых европейцев, и затем всё останется по-прежнему, как решил Гандамакский мир. В последнем случае, конечно, нам не приходится ничего предпринимать, по крайней мере, я не берусь пока ничего представлять, а буду ожидать другого случая или таких обстоятельств, которые укажут, что можем мы предпринять с надеждою на успех, и в чём именно он был бы желателен.

В настоящее время необходимо обсудить, что может произойти от первого случая, т.е. если восстание в Афганистане делается общим или примет большие размеры. Англичанам тогда придётся занимать весь Афганистан своими войсками; они постоянно будут в необходимости завоёвывать Афганистан. Неизбежность завоевания в этом случае и невыгодность для англичан такого положения дел не подлежит сомнению. Исполнение этой задачи потребует и много времени, и много средств. Но я не подвергаю сомнению успешности действий англичан в этом направлении. Вопрос во времени, делается ли это в один год или в два года; но что Англия одолеет врага, то это верно, если не случится в это время какой-либо катастрофы внутри индийских владений, где отношения между английскими властями и подвластным им населением должны быть натянуты.

Если англичане завоюют Афганистан, с огромными, конечно, жертвованиями людьми и деньгами, то после завоевания его они сделаются настоящими владыками в Азии; мы же должны будем смириться перед ними и потеряем то положение, которое мы теперь ещё занимаем в Азии, и которым, если обстоятельства не допустили до сих пор воспользоваться нам, чтобы серьёзно угрожать Англии, то можем ещё надеяться на будущее время, можем ещё воспользоваться случаем, чтобы поставить Англию в зависимость от воли нашего державного монарха.

Если действительно англичанам придётся завоёвывать весь Афганистан, то нам необходимо не допустить их распространять свою власть по сю сторону Гиндукуша. Северный Афганистан с Бадахшаном, Балхом, Маймене, а если можно, то и с Гератом должен быть под нашим влиянием, как южный с Кабулом, Газни и Кандагаром под влиянием и даже, пожалуй, под властью англичан. Достигнуть этого мы бы могли с помощью Абдурахман-хана. Он, я полагаю, не откажется от действий, если ему предложить некоторые средства.

Афганцы – пришлые люди во всём Афганском Туркестане, т.е. по сю сторону Гиндукуша; природные его жители ненавидят афганцев, которые ведут себя там с наглостью азиат-

ских завоевателей. Узбеки, покорённые афганцами, постоянно ожидают либо русских войск, которые избавят их от притеснений их властелинов, либо Абдуррахман-хана, пользующегося огромной популярностью между населением этой страны. Его имя и в южном Афганистане произносится с уважением, но в северном знает его каждый узбек, и оно наводит страх на афганцев, которые оч[ень] ревнуют популярности Абдуррахмана и боятся его. Полагать должно, что появление его, конечно вовремя, в Мазари-Шерифе произведёт переворот в его пользу, и он может сделаться владельцем довольно почтенного ханства, в состав коего войдут: Бадахшан, Кундуз, Балх, Маймене, Андхой и несколько других маленьких владений, все бывшие ханства, порабощённые Афганистаном в последнее тридцатилетие. Было бы, конечно, выгодно включить туда же и Герат, который ни в каком случае не должен входить в состав английских владений, и, если бы не оказалось возможным присоединить его к этому новому государству, то, быть может, окажется возможным признать его независимость с особым ханом во главе или присоединить его к Персии. Абдуррахман-хан может быть поставлен в зависимость от нас, такую же, как и бухарский эмир, но ему надо дать денежные средства для приведения в исполнение этого плана. Надо только суметь воспользоваться обстоятельствами. Во-первых – переговорить с Абдуррахманом, во-вторых, не пропустить удобного времени выпустить его за Аму-Дарью. На это мне нужно высочайшее одобрение.

Мы имеем полное право не допустить англичан до занятия всего Афганистана; мы, по предложению самой Англии и соглашению с нею, признали Афганистан нейтральным. Англия, по своим нуждам, нарушила это условие. Если мы и отправляли посольство наше в Кабул в мае 1878 года, то это было сделано в то время, когда Англия явно стала в угрожающее нам положение, когда она ввела, без права на то, флот свой в Мраморное море и в Босфор, когда она не допустила нас воспользоваться плодами великих подвигов и успехов нашей победоносной армии. Когда же Берлинский договор¹⁴ был заключён, войска наши, приготовленные к движению к Аму-Дарье, возвращены, посольство наше при первой возможности вызвано из Кабула, и английскому правительству объявлено, что обязательства наши о независимости Афганистана входят в прежнюю силу. Во имя этих обязательств мы и вошли в свои границы и предоставили Шер-Али-хана¹⁵ самому себе. Как ни тяжело и невыгодно это было для нас, но мы не отступили от своих обязательств и стоим на почве трактатов. Англия не так поступила: захватив значительную часть афганской территории, она поставила государство это в строго зависимое, в подвластное положение, которое, однако, по взаимному с нами соглашению должно бы было оставаться независимым. По настоящему положению вещей у нас, кажется, руки развязаны для свободного действия за Аму-Дарьёй. Я позволяю себе думать, что вопрос этот мог бы даже быть предметом сделки с английским правительством, когда выяснится вопрос о положении дел в Афганистане, т. е. когда обстоятельства заставят англичан завоёвывать весь Афганистан. Очень может быть, что английское правительство будет довольно сбить с плеч часть тяготы, которая падает на него, если придётся завоёвывать весь Афганистан. Только Герат, несомненно, вызовет спор, а остальная часть северного Афганистана, быть может, не будет особенно интересовать государственных людей Англии. Нам же ни в каком случае нельзя пускать англичан на Аму-Дарью, и что бы ни стоило водворение Абдуррахман-хана, следует на это решиться, иначе с англичанами на р. Аму или их эмиссарами, агентами, с их деньгами и подкупами, наше положение будет невыносимым. Не думаю, чтобы Абдуррахман-хан потребовал много денег для выполнения этого плана; впрочем, до объяснения с ним в этом смысле я не могу говорить о цифре. Если бы его императорскому величеству благоугодно было предоставить мне объяснить это дело, то я не предложу ему лишнего. Быть может, государю императору¹⁶ благоугодно признать полезным лично передать мне свою волю по сему предмету, то время ещё есть, я бы мог приехать в Ялту на один, на два дня¹⁷, и тогда виды его величества были бы мне яснее, и я мог бы действовать с большею уверенностью.

Пользуюсь сим случаем, чтобы засвидетельствовать Вам чувства уважения и преданности, с коими имею честь быть Вашего сиятельства покорнейшим слугою.

К. фон Кауфман 1

РГВИА. Ф. 401 (Военно-учёный комитет Главного штаба). Оп. 5. Д. 616. Л. 59–64об. Автограф.

Примечания

¹ Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882) – инженер-генерал, генерал-адъютант, директор Канцелярии Военного министерства (1861–1865), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.), почётный член Петербургской АН (с 1873 г.). См. о нём: *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон Кауфман – устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899; *Он же.* Рассказы о покойном К.П. фон Кауфмане // Туркестанский литературный сборник в пользу прокажённых. СПб., 1900. С. 208–214; Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М., 1910; Константин Петрович фон Кауфман // Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1913. Санкт-Петербург, 1913. С. 82–83; *Беленчук Л.Н.* Генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман и его просветительская деятельность // Педагогика. 2002, № 1. С. 79–85; *Глуценко Е.А.* Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2003; *Васильев Д.В.* Полпред Российской Империи. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман достойно защищал интересы нашего Отечества // Военно-исторический журнал. 2003, № 3. С. 70–76; № 4. С. 46–49.

² См., например: *Бухерт В.Г.* «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. 2003, № 1 (61). С. 5–21; № 2 (62). С. 8–23; *Он же.* «Если бы я захотел резни, то она была бы». Письмо К.П. фон Кауфмана А.А. Кирееву. 1876 г. // Восточный архив. 2016, № 1 (33). С. 17–22.

³ *Соболев Л.Н.* Англо-Афганская распря (Очерк войны 1879–1880 гг.). СПб., 1880. Т. 1–4. Вып. 1–8.

⁴ Иванов Николай Александрович (1842–1904) – генерал-лейтенант, начальник Аму-Дарьинского отдела (1873–1877), Зеравшанского округа (1877–1883), военный губернатор Ферганской области (1883–1887), туркестанский генерал-губернатор (1901–1904).

⁵ Абдурахман-хан (1844–1901) – эмир Афганистана (с 1880 г.), жил в изгнании в Самарканде (1870–1879). См.: Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. СПб., 1902.

⁶ *Семёнов А.А.* «Бегство» Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан // Кауфманский сборник... С. 3.

⁷ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, профессор Военной академии (с 1845 г.), военный министр (1861–1881), почётный член Петербургской АН (с 1866 г.).

⁸ *Семёнов А.А.* «Бегство» Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан. С. 13.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ См.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии / Сост. Т.Н. Загородникова. М., 2005. С. 199–201.

¹¹ Музаффар-хан (1826–1885) – эмир Бухары (с 1860 г.).

¹² Имеется в виду Гандамакский договор, подписанный в деревне Гандамак (Афганистан) 26 мая 1879 г. эмиром Афганистана Мухаммедом Якуб-ханом и британским дипломатом Пьером Наполеоном Луи Каваньяри, которым завершилась первая фаза второй англо-афганской войны (1878–1880).

¹³ Мухаммед Якуб-хан (1849–1923) – эмир Афганистана (1879–1880).

¹⁴ Имеется в виду Берлинский трактат, заключённый 13 июля 1878 г. державами – участниками Берлинского конгресса.

¹⁵ Шир-Али-хан (1825–1879) – эмир Афганистана (1863–1866 и с 1868 г.).

¹⁶ Александр II (1818–1881) – российский император (с 1855 г.).

¹⁷ Совещание с императором по предложенному К.П. Кауфманом плану происходило в Ливадии 20 сентября 1879 г. (См.: РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 616. Л. 59). Абдурахман-хану в ноябре 1879 г. было выделено 25 тысяч рублей (Там же. Л. 68).

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-33-37

Т.Н. Загородникова

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ. СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ

Михаил Степанович Андреев (1873–1948) попал в Индию в качестве личного секретаря генерального консула Российской империи в Бомбее Александра Александровича Половцова-младшего (1867–1944). Их знакомство произошло в 1896 году, когда А.А. Половцов служил в Министерстве внутренних дел и приехал в Ташкент с инспекцией переселенческого дела в Туркестане и на Кавказе. К тому времени М.С. Андреев, уроженец Ташкента, уже прослыл знатоком местных языков, преподавал в учительской семинарии и в реальном училище, много путешествовал, увлекался археологией, как губка впитывал знания о традициях и быте народов Туркестана. А.А. Половцов, аристократ, близкий к царской семье, человек более чем состоятельный, нуждался как в секретаре-помощнике, так и в секретаре-спутнике.

Вместе они пробыли более десяти лет, много путешествовали. Из Ташкента они вернулись в Петербург, где Андреев познакомился с ведущими востоковедами своего времени С.Ф. Ольденбурггом, В.В. Радловым и К.Г. Залеманом; на зиму поехали в Париж, где Михаил Степанович смог поработать в Восточном отделении Французской Национальной библиотеки. В 1898 году А.А. Половцов стал чиновником МИДа, с 1903 по 1905 год он служил дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе. Они побывали на Памире, приняли активное участие в разрешении памирского вопроса – конфликта местного населения с чиновниками Бухарского эмира. В результате этой поездки появился их совместный труд «Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан», опубликованный позднее в Сборнике Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук (№ IX. СПб., 1911. 41 с.).

В 1906 году А.А. Половцов получил новое назначение – российским императорским генеральным консулом в Бомбее. Это было время подготовки соглашений между Российской империей и Великобританией о разделе сфер влияния в Азии. Российская политика в Европе разворачивалась в сторону создания нового союза – Антанты. Проводник этой новой политики в Индии, генеральный консул А.А. Половцов не должен был встретиться с уезжавшим генконсулом Вильгельмом Оскаровичем фон Клеммом (1861–1938), с именем которого ассоциировалась конфронтация между двумя империями, Большая игра в Центральной Азии. Между отъездом первого и приездом второго генерального консула был специально сделан перерыв в одну неделю, чтобы две политики, как и два консула, не встретились. В это время дипломатическим представительство управлял секретарь генконсульства Сергей Виссарионович Чиркин (1879–1943).

Первым в Бомбей приехал М.С. Андреев, и, хотя он не служил по дипломатической части и не входил в штат генконсульства, именно он встречался с В.О. фон Клеммом и имел с ним беседы. Вероятно, во время этих бесед Вильгельм Оскарович передал ему информацию, в том числе и по имевшимся у него осведомителям, и как с ними связываться. Новая дружественная политика – это одно, а разведка – это другое, и она должна вестись постоянно и непрерывно, хотя впоследствии интересы российского военного ведомства постепенно переместились из северо-западной Индии в Афганистан.

Конечно, эта информация предназначалась для генерального консула А.А. Половцова, но вскоре по приезде он заболел малярией и практически стал неработоспособен, а секретарь С.В. Чиркин уехал в отпуск на родину, поэтому М.С. Андрееву пришлось взять на себя управление генконсульством, в том числе и дела разведки. Этим можно объяснить, откуда человек сугубо штатский, никогда на родине не занимавшийся такого рода деятельностью,

за один год пребывания в стране стал экспертом в этой области и почему у него скопилась столь обширная информация по этим вопросам.

Выписка из секретного донесения Ст. Сов. Половцова

Бомбей, 7 февраля 1907 года, № 7.

Во главе разведочного бюро в Индии стоят три старших офицера, оклад жалования которых определен от 3000 до 7000 рупий в месяц. В подведомственной бюро школе подготовки разведчиков преподаются языки русский¹, персидский, еврейский, берберский, тибетский, афганский, урду, бирманский, китайский, непальский. Экзамены происходят 2 раза в год. Иностранцы в школу не принимаются.

При главном разведочном бюро имеется 4 отделения в Пуне, Лагоре, Рангуне и Мадрасе. Здесь в число приготавливаемых принимают и иностранцев.

Из приготавливаемых этими учреждениями разведчиков берутся лица, сопровождающие офицеров, направляемых в соседние страны Средней Азии. Эти разведчики едут одновременно с офицерами, но отдельно от них, для видимой непричастности. Для таких поездок назначаются люди, отлично знакомые с местностью. Иногда сами англичане при таких поездках переодеваются туземцами. Надо заметить, что офицеры, изучающие восточные наречия, пользуются очень существенными выгодами в отношении жалования и чиновничества², вследствие чего в распоряжении Индийского Правительства есть много офицеров, прекрасно владеющих афганским языком и которых сами афганцы легко принимают за своих.

Можно предполагать, что существует особое секретное соглашение, заключенное ещё при Абдуррахман-Хане³, в силу которого английские разведчики с ведома Афганского Правительства от времени до времени пропускаются в Русские владения.

На первой стр. документа: «На подлинном собственной рукой Его Императорского Величества начертано: “Полезно знать”. Царское Село, 19 марта 1907 г.».

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15. Д. 41. Л. 10–10об. Копия.

Секретно

Об английской разведочной организации в Индии и сопредельных странах

Дело разведки, организованное англичанами в Индии, распадается на две категории: разведку внутреннюю и внешнюю. Для управления Индией, соблюдения спокойствия в стране, а также для принятия соответственных внешних мер этим учреждениям англичанами приписывается весьма важное значение.

Англо-индийское правительство всегда старалось развить и хорошо поставить дело разведки и на этот предмет не щадило ни денег, ни усилий. Умелым использованием своего знания положения вещей в стране и сопредельных государствах, основанного в значительной степени на деятельности упомянутых разведывательных учреждений, только и можно объяснить существование англичан в Индии. Размеры сумм, тратящихся англичанами на разведку, выяснить пока не удалось, но они должны быть очень велики, судя по количеству имеющихся агентов. В Пешаверском округе их, например, имеется более 2000 человек, а в этом году, принимая энергичные меры для подавления восстания, в одном только Пенджабском округе число агентов было увеличено на 1200 человек. В каждом городе Индии находятся отделения этой организации. Состав служащих в них самый разнообразный, но боль-

шей частью ими являются мусульмане и индусы. Их обязанности бывают самого разнообразного свойства. Например, во время прихода и отхода ж.-д. поездов и пароходов их дежурства наблюдают за приезжающими и уезжающими. Если видят приезжающего чужеземца или человека, возбуждающего подозрения, то за ним начинают следить, чтобы установить его личность, местожительство и цель прибытия. О результатах наблюдений немедленно доносится начальству. Если возбуждает подозрение кто-нибудь из отъезжающих, то агент через ж.-д. начальство замечает номер его билета и уведомляет по телеграфу, с описанием примет, станции на пути, и надзор ведётся так, что пассажир обыкновенно его не подозревает. За наблюдением порядка в поезде в один из вагонов садится переодетый агент, едущий с поездом до определённого места, где сменяется другим.

Во время всевозможных проявлений общественной жизни, собраний, пиров и проч. тоже присутствуют агенты, следя за тем, чтобы не проявлялось ничего, противоречащего выработанному строю жизни. О виденном ежедневно доносят рапортами.

Разнообразный элемент в составе агентов объясняется тем, что практикой выработано, что каждый агент может следить успешно за поручаемым ему надзору кругом в общественном или национальном делении только тогда, когда он сам происходит из этого круга. Разнородность состава считается выгодной также и потому, что агенты, происходя из разных мест и различаясь в национальности, будут ревностно следить за деятельностью друг друга и доносить об упущениях или злоупотреблениях, допущенных другими агентами, что при однородности состава, быстро обращающегося в дружную корпорацию, вызвало бы взаимное покровительство действий одного другим и порождало бы произвол, обозляющий население. Благодаря силе такой сложной, но разумной организации не представляется даже надобности в паспортах, и искомое лицо может быть найдено в большинстве случаев довольно успешно.

В производстве внешней разведки, направленной в чужеземные государства, тоже считается важным иметь и в каждое государство, если можно, посылать соответствующих людей. В Афганистан, например, предпочитают посылать афганцев, так как задачи, могущие быть выполненными ими, непосильны другим.

В Персию посылаются индийские шииты, так как персы не будут дружить с суннитами, и сходить с ними успешно могут только единоверцы. В Русский Туркестан посылают и мусульман, и индусов, так как английские подданные, приезжающие сюда по торговым делам, принадлежат к представителям обеих религий, и посланным агентам легче незаметно скрыться среди своих единоверцев, не возбуждая никаких подозрений. Как примеры разведчиков, посланных англичанами за последнее время к нам, можно назвать следующих из английских агентов, которые жили и разъезжали по Туркестану и, неоткрытые никем, вернулись в настоящее время в Индию.

Один из них по имени Ша-Заман, из племени устуриани, разъезжал по краю около года и уехал через Кушку в начале сентября сего года. Другой, Ходжа Абду Саттар, по происхождению самаркандец, живущий уже давно в Пешавере, был послан полковником Дином⁴ в туркестанский край около 2½ лет тому назад и жил у своих братьев в Самарканде. Их четверо братьев, и двое из них живут в Самарканде, а двое других в Пешавере. Из последних двух Абдул-Гафар недавно приезжал в Самарканд, а в настоящее время, вернувшись, находится в Пешавере. Третий из разведчиков – молодой пенджабец, индус, приезжал из Лагора, жил в Ташкенте и давал уроки, кажется, урду. Четвертый Халил-уд-дин-Ахмад⁵, бывший преподаватель хиндустани на восточных курсах в Ташкенте, служащий в Бомбейской полиции⁶.

В Афганистане английская разведка производится очень деятельно. Помимо постоянных агентов среди афганцев, живущих в разных местах Афганистана, англичанами посылаются целый ряд разведчиков из Индии. Последних можно подразделить на три разряда. Два – это разведчики, посылаемые в приграничную полосу Афганистана: 1) из Кветты сэром Мак-Магоном⁷, политическим агентом вице-короля и 2) из Пешавера полковником Дином, каждый

обыкновенно для освещения сопредельного с ним района, но бывают случаи, что разведчики посылаются ими и дальше и с более широкой программой. Полковник Дин (Hon'ble Sir Harold Deane⁸ KCSI⁹) Chief Commissioner и агент генерал-губернатора, прекрасно знает положение дел в Афганистане, отношения его племен и его языки. Он был раньше в Когате Deputy Commissioner, но знания и способности, им выказанные, были скоро оценены, и он быстро был возвышен до настоящей своей должности. Разведка ведётся им очень энергично и при помощи посылаемых агентов, и посредством расспросов прибывающих путников со стороны Афганистана. Для занесений показаний, например, наших хаджей из Русского Туркестана, приезжающих через Афганистан в Пешавер, ведутся особые записи и их расспрашивает специальный агент. Третьим разрядом являются агенты, посылаемые из центральных разведывательных учреждений, обыкновенно прошедшие специальные курсы.

Что же касается до английского специального представителя при Кабульском дворе, в настоящее время одного мусульманина из Тунка, то вряд ли можно предположить, чтобы в его руках была сосредоточена в больших размерах разведочная деятельность, т.к. индийским подданным, помимо всякий раз особого разрешения, жить в Афганистане не разрешается, а Кабульская полиция наблюдает, чтобы никто из афганцев, кроме известных лиц, не ходил к английскому представителю, и держит его изолированно от населения.

В другом положении находятся два английских «почтовых чиновника», тоже мусульмане, один – в Герате, другой – в Кандагаре, поставленные смотреть за проходом английской почты из Мешада через эти два города в Кветту. Англичане, не доверяя сведениям афганцев, придают важное значение получению скорых и верных известий с русской границы, и за одно согласие на назначение этих чиновников эмир получает с англо-индийского правительства по 100 000 английских рупий ежегодно.

Английское правительство прекрасно оценило то обстоятельство, что если полезно знать сведения, хранимые другим государством в тайне, то также важно препятствовать проникновению иностранных агентов в свои собственные секреты. Организация контр-разведки поставлена поэтому англичанами очень хорошо. Денег на этот предмет они тоже не жалеют. Как пример, касающийся нас, можно привести то, что в бомбейской полиции держатся агенты, знающие русский язык, а в почтамте имеется знающий русский язык чиновник для перлюстрации писем, посылаемых по-русски и проходящих через Бомбей.

Подлинный подписал чиновник Андреев

С подлинным верно:

За старшего адъютанта Генерального штаба капитан Муханов

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 41. Л. 15–17. Копия.

Примечания

¹ Об интересе в англо-индийской армии к изучению русского языка писал в столицу секретарь Российского генерального консульства в Бомбее С.В. Чиркин, он это связывал с подписанными в 1907 г. соглашениями с Великобританией о разделе сфер влияния в Азии. См.: Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сб. архивных документов и материалов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 306–308.

² По сведениям поручика В.В. Лосева, закончившего курсы хиндустан в Ташкенте в 1905 г. и побывавшего в Индии на практике в 1905–1906 гг., офицеры англо-индийской армии, изучавшие восточные языки, получали специальные премии: «Начиная с января 1907 года, премии будут выдаваться по такому расчету: за низшую степень знания персидского языка 500 рупий, арабского 800 рупий. За среднюю степень знания урду, хинди, бенгали и урия по 1000 рупий, персидского и арабского по 2000 рупий. За высшую степень урду, хинди и бенгали по 2000 рупий, персидского языка – по

4000 рупий и арабского – 5000 рупий». См.: Отчёт о поездке в Индию 1-ой Туркестанской артил. бригады поручика Лосева // Отчёты о поездке по Индии. Добавление № 9 к Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1908. С. 89.

³ Абдурахман-хан (1844–1901) – эмир Афганистана (с 1880 г.) из династии Баракзаев.

⁴ Дин, Гарольд Артур (Deane, 1854–1908) – английский военный, служивший в англо-индийской администрации: политический агент Малаканда, в 1901–1908 – главный комиссар Северо-Западной Пограничной провинции Индии.

⁵ Халил-уд-дин-Ахмад действительно преподавал на офицерских курсах хиндустани в Ташкенте. Первоначально переговоры о поездке в Россию и о преподавании хиндустани (урду) генеральный консул России в Бомбее вёл с его братом Хаджой Риаз-уд-дином Ахметом, но тот испугался ужасов жизни в России, о которых трубила английская пропаганда, сказался больным и порекомендовал вместо себя младшего брата. В марте 1903 г. Халил-уд-дин-Ахмад приехал в Ташкент. После окончания второго учебного года (1904/05 гг.) начальник курсов И.Д. Ягелло дал ему отличную аттестацию («превосходно продемонстрировал высокий уровень знаний хиндустанского, персидского и английского языков, а также выказал большой опыт в обучении разговорному языку») и ходатайствовал о награждении его «почётным халатом». Генерал-губернатор Туркестана генерал от кавалерии Н.Н. Тевяшев пошел дальше и наградил его малой серебряной медалью на нагрудной ленте «Станислава», а также ему было разрешено посещать в качестве гостя все вечерние собрания и представления в клубе офицеров и присутствовать на военных парадах, располагаясь в предназначенном для иностранцев месте. После окончания следующего учебного года (1905/06) контракт с ним не был продлён, по-видимому, уже возникли какие-то подозрения на его счёт. В апреле 1906 г. он обратился к генерал-губернатору Туркестана с просьбой о зачислении его на службу в качестве учителя или переводчика в Военное министерство или в Министерство иностранных дел. По-видимому, он всё-таки преподавал ещё год на курсах хиндустани, потому что в феврале 1907 г. В.О. фон Клемм, в то время генеральный консул в Мешхеде, по старой памяти рекомендовал его Т.К. Чоккову, чаоторговцу из Коломбо, как человека способного, неплохо говорящего по-русски. Летом того же года он вернулся в Индию через Мешхед и Сеистан.

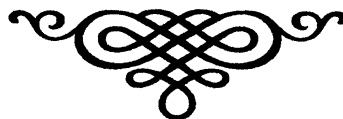
В 1908 г. С.В. Чиркин, исполнявший обязанности генерального консула в Бомбее, предполагал, что Халил-уд-дин Ахмад мог преподавать русский язык в Кветтской военной академии или давать частные уроки английским офицерам в связи с интересом к русскому языку в англо-индийской армии. Подробнее см.: Русско-индийские отношения. С. 113–123, 306–308.

⁶ На полях отчёркнуты строки, где говорится об индийцах, преподававших язык урду или хиндустани в Ташкенте.

⁷ Мак-Магон, Артур Генри (Arthur Henry McMahon, 1862–1949) – колониальный военный администратор, с апреля 1907 по июнь 1909 года с небольшим перерывом был Главным Комиссаром Белуджистана, в Кветте располагалась британская военная база.

⁸ Подчеркнуто, как в тексте документа. Над каждым подчеркнутым именем собственным стоит V (галочка).

⁹ Knights Commander of the Order of the Star of India – рыцарь-командор ордена Звезда Индии.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-38-46

Вальдемар Шмидт

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БУРОВ В ВОСТОЧНУЮ АФРИКУ

Тема истории переселенческого движения буров в колониальные владения кайзеровской Германии в Восточной Африке представляет несомненный интерес, прежде всего в плане привлечения ранее совершенно не известных архивных материалов федерального архива Германии по данной проблеме, а также материалов периодической печати, в той или иной степени освещавших этот исторический факт. Возникновение миграции буров было вызвано их поражением в англо-бурской войне, чем воспользовались колониальные круги Германии.

Рассмотрена также деятельность колониального ведомства кайзеровской Германии и колониальной администрации восточноафриканских колоний по вопросу переселения буров из различных областей Южной Африки: Натала, Трансвааля, а также Родезии и их использования прежде всего в экономических целях для укрепления немецкого колониального господства в Восточной Африке. Архивные материалы раскрывают особенности переселения буров-мигрантов в Восточную Африку, показывая отношение к этому процессу колониальных кругов Германии и ведомственных служащих колоний.

Надо отметить, что тема германского колониализма в Африке неоднократно привлекала интересы научной общественности. Большая часть колониальных владений кайзеровской Германии, возникших в 1884 году, находилась на африканском континенте.

К началу XX века кайзеровская Германия владела одной из значительных колоний Восточной Африки. Она занимала площадь 995 000 кв. км, почти вдвое больше территории Германской империи. В кайзеровской Германии до 1914 года существовало ошибочное мнение, что страна нуждается в колониях, хотя на самом деле это было не совсем так. Практически все колониальные владения Германской империи требовали значительных субсидий, но немецкий финансовый капитал, впрочем, так же, как и эмигранты, предпочитали страны Восточной Европы и Америки, а не свои колонии.

Несмотря на широкий спектр в исследованиях колониального прошлого немецкой Восточной Африки и всесторонний охват проблем, сегодня ещё имеются вопросы, которые не получили должного освещения в научных исследованиях. К числу таких малоизученных вопросов относится проблема проведения переселенческой политики колониальным ведомством Германской империи в эти владения. Тема переселения буров практически не разрабатывалась, основной комплекс исследований приходится на период начала XX столетия. Помимо этого, спектр проблем и вопросов, связанных с переселением буров в колониальные владения Германии в Восточной Африке, очень широк и, следовательно, требует более тщательного анализа.

Исследователи относительно подробно изучили деятельность колониальных учреждений и их мероприятий по привлечению европейского элемента для колонизации и переселения в восточноафриканские колонии. В результате возраставшего интереса к африканским колониям со стороны европейских государств между ними разгорелась борьба за их обладание. Однако массовое проникновение европейцев на Африканский континент начинается в самом начале XIX века, когда в ходе Наполеоновских войн в 1806 году Англия захватила голландскую Капскую колонию, что в свою очередь способствовало развитию внутренней миграции на Африканском континенте. Надо отметить, что в 1884–1889 годах Германия обрела колонии не только в Африке, но и в северном Китае, а также в Тихоокеанском регионе. В результате расшире-

ния колониальных захватов Германия являлась четвёртым европейским государством, после Великобритании, Франции и Голландии, имеющим колониальные владения¹.

К началу XX века немецкие колонии в Восточной Африке стали приобретать более заметное значение в экономической жизни Германии. Развитие торгового оборота между метрополией и колонией требовало всё больше человеческих ресурсов для производства товаров, пользовавшихся спросом на внутреннем рынке Германии².

Однако включение Восточной Африки в колониальные владения кайзеровской Германии сопровождалось возникновением определённых трудностей при их освоении.

Несмотря на быстрый рост колониальных приобретений Германией, внутри страны имелись противоречия относительно сути колониальной политики. Данные противоречия во многом определялись взглядами Отто фон Бисмарка на значимость проведения Германской империей широкой колониальной экспансии. Еще в 1883 году, выступая в рейхстаге, Бисмарк заявил, что «как долго я буду рейхсканцлером, Германия не будет стремиться проводить колониальную политику»³.

Правда, взгляды канцлера на колониальную политику резко изменились уже в 1884 году. Основной причиной, побудившей его изменить курс, явилось усиление влияния Англии во внешнеполитических делах. Однако, несмотря на изменение взглядов Бисмарка, в правящих кругах Германской империи имелось огромное количество скептиков, которые своими действиями тормозили рассмотрение в рейхстаге важнейших колониальных вопросов, обосновывая свою позицию высказыванием Бисмарка, сделанным им в 1883 году. Такая нерешительность в решении по проблеме колониальной экспансии не могла в конечном итоге не сказаться на вопросах заселения уже приобретённых Германской империей колониальных владений.

Существующая значительная фактологическая база даёт представление о развитии и динамике процессов колонизации, мероприятиях колониального ведомства по вопросам переселенческой политики, контингентах переселенцев, а также типах переселенческих хозяйств. В многочисленной колониальной литературе, издававшейся в кайзеровской Германии перед Первой мировой войной, освещались различные полемические вопросы, связанные с переселенческими мероприятиями колониального ведомства страны.

Помимо этого, значимую роль для более углублённого исследования темы играют архивные документы фонда колониального ведомства, хранящиеся в федеральном архиве Германии. Обширные материалы этого фонда охватывают различные аспекты колониальной политики Германии. В основном в нём сосредоточены различные документы ведомственного характера, отражающие особенности мероприятий колониальных учреждений в проведении колониальной политики в приобретённых колониях, а также материалы, связанные с переселенческим вопросом в колониях.

Переселение европейцев в Восточную Африку перед началом Первой мировой войны носило очаговый характер, то есть европейцы могли переселяться только лишь в подходящие в климатическом отношении регионы колонии. Пригодным регионом для европейского переселения в восточноафриканские колонии перед Первой мировой войной был не только северный район Килиманджаро – Меру, но также южные части колонии Иринга и Нейлангенбург, которые, по мнению колониальных властей, вполне подходили для европейских переселенцев по климатическим условиям.

Переселенческая политика Германии в Восточной Африке являлась одной из острейших проблем в её колониальных мероприятиях перед началом Первой мировой войны, хотя к 1914 году восточноафриканские колонии Германии относились к числу самых населённых европейцами колоний. Но на начальном этапе переселенческой политики имелись определённые трудности при использовании европейских переселенцев. В частности, переселенческая политика во многом зависела от различных факторов, к числу которых следовало бы отнести как экономические, так и климатические, а также политические.

1. К экономическим факторам, которые тормозили поток переселенцев в восточноафриканские владения прежде всего из Германской империи, относится выделение и распределение среди переселенцев земельных участков, а также их качество.

2. Медленный рост переселенческого движения в восточноафриканские колонии объяснялся также и тем, что климат не всех регионов вновь приобретённой колонии подходил для европейцев.

3. Одним из факторов, тормозящих развитие потока переселения в Восточную Африку, являлось то, что до начала Первой мировой войны в этой крупнейшей колонии Германии не существовало нормальной сети дорожных коммуникаций, что в свою очередь осложняло продвижение и освоение переселенцами её территорий.

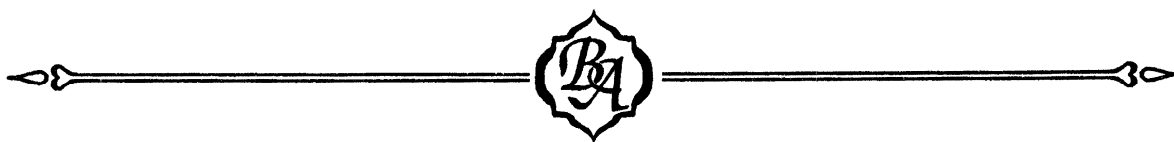
4. К политическому фактору, осложнявшему переселение прежде всего имперских немцев, можно отнести соперничество между Англией и Германией в этом регионе⁴.

К началу 1900 года в немецких колониях в Восточной Африке насчитывалось 1 500 европейских переселенцев. Инициатором быстрого экономического освоения вновь приобретённых владений в Восточной Африке на основе европейского переселения был губернатор этой колонии Эдуард фон Либерт. По плану Либерта быстрее освоение этой крупнейшей колонии Германии было возможно лишь при условии планомерной колонизации этих территорий европейцами, прежде всего переселенцами из Германии или же других стран Европы. Помимо этого, в план губернатора Либерта по вопросам колонизации и переселения был включен пункт, что наряду с созданием крупных хозяйств предлагалось создание также и мелких переселенческих хозяйств.

Идеи губернатора нашли поддержку и отклик в Германии, прежде всего среди имперских немцев, которые хотели эмигрировать из Германии. В основном к этой группе принадлежали выходцы из среднего сословия⁵. Идея Эдуарда фон Либерта о возможности переселения европейцев в восточноафриканские колонии основывалась на выводах, сделанных им по материалам ряда исследовательских экспедиций. Эти экспедиции имели своей целью выяснение и исследование особенностей и возможностей для переселения европейцев в определённые регионы восточноафриканской колонии. Неслучайно Либерт в книге «Die deutschen Kolonien und ihre Zukunft», опубликованной в 1906 году в Берлине, писал: «В результате исследований Коха было доказано, что в высокогорных районах Восточной Африки, где не господствует малярия, могут селиться немецкие переселенцы с семьями»⁶.

Основываясь на результатах исследований экспедиций, губернатор Восточной Африки способствовал созданию специальных опытных хозяйств в районе западной Узамбары (опытное хозяйство Квай) и в районе Уее (опытное хозяйство Дабага), целью которых являлось выяснение природно-климатических условий, пригодных для развития европейского переселения. Несмотря на то, что предложения Либерта нашли отклик в среде простых немцев, принадлежащих к среднему сословию, они не привлекли должного интереса ни в правительственных, ни в колониальных кругах Германской империи. В воспоминаниях по этому поводу бывший губернатор Восточной Африки Эдуард фон Либерт указывал на основные причины медленного роста европейского переселения в колонию, объясняя это тем, что руководство процессом было централизованным, и все основные вопросы, связанные с развитием колонии и вопросами переселения в её пределы, решались в Берлине. В частности, Либерт писал, что «Восточная Африка с конца 1896 года уже двенадцать лет находится под нашим управлением, но все действия в колонии и связанные с ней вопросы определяются Берлином, и многие важные вопросы решаются некомпетентными служащими, которые Африку не видели и не знают сложившихся здесь отношений»⁷.

Данное высказывание бывшего губернатора Восточной Африки во многом демонстрирует общую тенденцию проведения переселенческой политики в одну из самых значительных колоний кайзеровской Германии. С другой стороны, позиция правящих кругов Германии в отношении переселения в эту колонию объяснялась также и тем, что они были больше оза-

бочены выделением денег для расширения освоения вновь приобретённых территорий, чем вопросами привлечения определённых групп населения Германской империи к переселению.

Если рассмотреть динамику роста численности европейского переселенческого населения восточноафриканской колонии перед началом Первой мировой войны, среди которого, несмотря на трудности, немецкие переселенцы занимали значительное место, то становится ясно, что переселение в эту колонию Германии шло очень медленно и неравномерно, а также во многом зависело от политического влияния Германии и его упрочнения в этом регионе. Кроме имперских немцев, в переселенческом движении в Восточную Африку участвовали также и другие европейские народы: греки, итальянцы, российские немцы, буры, немецкие колонисты Палестины, швейцарцы.

Ниже приведённая таблица показывает общую динамику роста численности европейского переселения в Восточную Африку по годам⁸.

Годы	Количество европейских переселенцев
1894	750
1900	1139
1905	1873
1911	4026
1914	5500

Среди общего количества европейских переселенцев к 1914 году в восточноафриканских колониях большинство принадлежало немцам, которые из общего числа составляли 4100 человек, из них 3011 мужчин и 1089 женщин с детьми⁹. В основном перед началом Первой мировой войны поток переселения в восточноафриканские колонии Германии шёл в их северные районы, которые были более благоприятны в климатическом отношении для развития европейских переселенческих хозяйств. Процесс переселения европейского элемента в колониальные владения Германии в Восточной Африке можно разделить на следующие этапы.

1. Период с 1900 по 1904 год характеризуется как период переселения и укрепления фермерских хозяйств буров в северных регионах Восточной Африки;

2. Период с 1906 по 1909 год – это период развития переселенческого движения российских немцев – выходцев с Кавказа – и создание ими земледельческих хозяйств в северных регионах восточноафриканской колонии;

3. Период с 1909 по 1913 год – это период переселения в Восточную Африку немецких колонистов из Палестины.

Последователем идей губернатора фон Либерта по вопросу расширения притока и развития переселенческого движения в колонию стал вновь назначенный губернатор Восточной Африки граф Адольф фон Гетцен. Именно в период губернаторства Гетцена начинается приток буров на территорию восточноафриканской колонии. Переселение буров было обусловлено их поражением в англо-бурской войне, которое и послужило толчком к их внутренним миграциям на территории африканского континента.

Первые переселенцы-буры на территории Восточной Африки появились в 1902 году для ознакомления с экономической ситуацией и земельными отношениями в немецкой колонии в Восточной Африке. В этот период в Дар-эр-Саламе состоялась встреча губернатора Восточной Африки Адольфа фон Гетцена с представителями буров. Именно после этой встречи у губернатора возникает идея использования буров как основного переселенческого контингента для северных регионов колонии и на их основе создания в этом регионе прочных переселенческих хозяйств, преимущественно ферм.

В письме от 22 января 1902 года в колониальное отделение при министерстве иностранных дел губернатор Восточной Африки Адольф фон Гетцен писал, что ознакомился с памятной запиской Шутце, в которой автор высказывает мысль о возможности переселения буров в Восточную Африку. О личности Шутце Гетцен писал, что он происходит из хорошей семьи, имеет образование техника и работал в переселенческом предпринимательстве в Юго-Западной Африке, а позднее переселился в Трансвааль, где также работал техником. Во время войны Англии с бурскими республиками был в плену у англичан, освобождён после окончания войны. Что касается докладной записки, то она имеет большое значение для рассмотрения возможностей переселения буров в Восточную Африку¹⁰.

Докладная записка «Немецкая Восточная Африка и южноафриканские буры. К вопросу о переселении в немецкие колонии» была написана Теобальдом Шутце в 1901 году. В ней автор отмечал, что «нужно принять во внимание тот факт, что в результате полного уничтожения южноафриканского поголовья скота и всеобщей экономической разрухи страны в результате войны возрождение обычной жизни буров затруднено или практически невозможно, что побуждает их к большой миграции и поискам возможностей переселения»¹¹. Далее Шутце подчёркивал, что определённая часть буров из бурских республик стремилась найти возможность переселиться в Родезию, но там не очень оптимистично относились к новому прибытию переселенцев. Поэтому Родезия как территория для переселения буров была исключена из их переселенческой программы. Шутце предлагал определённую часть переселившихся в Юго-Западную Африку буров использовать для переселенческих мероприятий в Немецкой Восточной Африке. В записке Шутце высказывал идею об их использовании как контингента для организации фермерских хозяйств в восточноафриканской колонии.

Позднее в письме от 9 декабря 1902 года ведомственного служащего округа Танга подчёркивалось, что вопрос переселения семей буров в восточноафриканскую колонию находит сопротивление в кругах колониального управления. По его мнению, это сопротивление со стороны ведомственных служащих основывается на том, что именно климатические условия не будут способствовать успешному предприятию по вопросу переселения буров, поэтому у них нет уверенности, что создание фермерских хозяйств на основе переселения буров поспособствует экономическому развитию региона и будет служить примером для немецких переселенцев¹².

28 октября 1902 года на запрос губернатора Восточной Африки Гетцена относительно переселения буров в Восточную Африку пришёл ответ из немецкого генерального консульства в Претории. Как сообщал немецкий консул в Претории Бирман, он провёл беседы с Шутце по вопросам общего положения буров и об их желании к переселению. Бирман писал, что, по мнению Шутце, среди буров можно найти хороших хозяев, которые готовы к переселению в Восточную Африку, но, как отмечал консул, для переселения буры нуждаются в материальной поддержке, так как большая часть их средств потеряна.

К письму генеральный консул прилагал записку Теобальда Шутце «О практических мероприятиях по переселению буров в Немецкую Восточную Африку». В этой записке Шутце писал, что «успешному переселению буров в Восточную Африку мешало прежде всего враждебное отношение Англии в Южной Африке к этому переселению»¹³. По мнению Шутце, хорошим переселенческим материалом для переселения в Восточную Африку являлись сельские жители восточной низменности Цоутпансберга и северо-восточной части Трансвааля, где климат был схож с климатом Восточной Африки. Однако Шутце отмечал, что немецкое правительство, представленное в Претории немецким консульством, играет роль посредника в вопросах переселения буров в восточноафриканскую колонию, но только для избранных личностей, к которым имеется интерес у немецких колониальных властей. Как отмечал Шутце, такая позиция в проводимых переселенческих мероприятиях приобретает ярко выраженный политический характер.

5 февраля 1903 года ведомственный служащий Штульман, представлявший губернатора Восточной Африки Гетцена во время его отпуска, сообщал в отделение колоний при министерстве иностранных дел Германии: «Переселенцы-буры из Родезии покинули территорию колонии, причиной послужило то, что климатические условия, а также экономические отношения для создания прочного переселенческого поселения мало соответствовали их представлениям. Буры-переселенцы из Наталя, которые хотели создать свои переселенческие поселения в районе Килиманджаро, до сих пор не дали колониальному управлению колонией никаких сведений». В это же время, как сообщал Штульман, в колонию прибыли буры во главе с Йобертом из Эрмело (Трансвааля) с рекомендательным письмом от консула из Претории, с просьбой о возможности выделить этой группе буров участки для переселения в колонию¹⁴.

В разговоре с бурами Штульман предложил главе делегации осмотреть территорию между озером Виктория и Килимантинде, а именно район Шаши – Унуамвези, Иссансу – Ифиоме, а также район Кондао – Иранги, которые считал более пригодными в климатическом отношении регионами, а также более подходящими для переселения в связи с деятельностью железной дороги. Однако 30 апреля 1903 года Штульман в письме в колониальное отделение при министерстве иностранных дел сообщал, что «группа буров во главе с Йобертом в количестве шести человек, которая предприняла попытку ознакомления с северными районами колонии для возможности в последующем создания переселенческих поселений, неожиданно вернулась в Южную Африку»¹⁵.

11 мая 1903 года губернатор Восточной Африки Адольф фон Гетцен сообщал в колониальное ведомство, что «предпринята также попытка служащим округа Лангенбург Цехе, в связи со строительством дороги Нясса – Танганика, переселения буров в этот район»¹⁶. 16 июня 1903 года немецкий консул в Претории Бирман сообщал об ознакомительной поездке для выяснения ситуации, сложившейся среди буров, и возможности их использования для переселенческих мероприятий в Восточную Африку. Как писал Бирман в донесении в колониальное отделение при министерстве иностранных дел Германии, в период с 21 по 23 мая 1903 года он имел разговор с 80 представителями буров, имевших интерес к переселению в Восточную Африку. В ходе поездки немецкий консул Бирман посетил район Цоуптансберга и сообщал, что положение буров в округе очень плачевное, так как их фермы и дома разрушены или уничтожены. Консул отмечал, что среди буров этого округа имеется желание переселиться в Восточную Африку при условии, если колониальная администрация выделит земельные участки для развития фермерских хозяйств¹⁷.

14 ноября 1903 года губернатор Восточной Африки Гетцен отправил письмо в колониальное отделение при министерстве иностранных дел, в котором указывал, что вопрос о переселении буров неоднократно обсуждался в прессе. Гетцен отмечал, что, по сообщению немецкого консула в Претории Бирмана, среди буров в округе Цоуптансберга имеется большое число желающих переселиться в Восточную Африку. Он убедительно просил колониальное отделение о разрешении организовать переселение буров в Восточную Африку¹⁸.

К письму от 14 ноября 1903 года губернатор Гетцен прилагал отчет немецкого консула в Претории Бирмана о его поездке по Южной Африке с целью ознакомления с экономической ситуацией среди буров и возможностью их переселения в восточноафриканскую колонию. Как сообщал Бирман, к числу буров, желающих переселиться в Восточную Африку, прежде всего относятся малоимущие слои. Поэтому он предлагал, чтобы первоначально в Дар-э-Салам приехали доверенные лица от буров для получения сведений от губернатора о наличии земли для организации переселенческих участков.

В начале 1904 года Гетцен рассмотрел заявление Переселенческого комитета буров о возможности их планового переселения и выдачи им земельных угодий в северных районах Восточной Африки. После подписания соглашения между Переселенческим комитетом буров и губернатором Восточной Африки им были выделены земельные участки, ко-

торые были свободны и не принадлежали резервату, специально организованному для племен масаи¹⁹.

В 1904 году по инициативе губернатора Адольфа фон Гетцена в районе Моши создается первое переселенческое поселение буров, в основном беженцев из Южной Африки. В этом районе в трёх пунктах – Энгаре Омотони, Олдонью Самбу и Энгаре Нанюки возникли бурские переселенческие поселения²⁰. Причем буры составили значительную часть европейцев в этом регионе²¹. Губернатор Гетцен, принявший это решение о переселении буров в восточноафриканские колонии, прекрасно понимал, что переселенцы будут представлять нежелательный элемент для правительственных и колониальных органов. Однако Гетцен был уверен, что будет найден компромисс, так как он считал, что идея переселения исходила от буров, которые хотели переселиться в Восточную Африку по собственной инициативе.

Проводимая губернатором Гетценом политика в отношении переселения буров в северные регионы Восточной Африки была подвергнута острой критике в Германии, так как, по мнению колониальных кругов, она вела к передаче лучших земельных участков иностранцам. В этой связи Гетцен писал, что он рассматривает критику проводимой им политики как определённый успех, так как эта критика означает повышение значимости африканских колоний. Помимо этого, Гетцен считал, что переселение буров в колонию могло бы послужить определённым стимулом для немецких переселенцев из Германии. Гетцен также считал, что переселение буров приведёт к определённому успеху в колониальных мероприятиях, так как, по его мнению, в течение десяти лет в восточноафриканские колонии должны были переселиться ещё 90% буров.

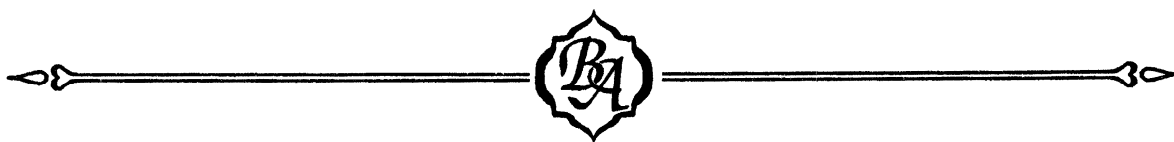
В начале 1906 года в журнале «Zeitschrift für Kolonialpolitik, Kolonialrecht und Kolonialwirtschaft» была опубликована статья, в которой анализировалась ситуация с переселением буров. «Вопрос о заселении восточноафриканской колонии на основе бурского переселения в широком масштабе основательно обсуждается в колониальных кругах. И во взглядах на саму проблему переселения буров как основного элемента при колонизации восточноафриканских колоний нет единого мнения, что на практике означает, что при рассмотрении этого вопроса в губернаторстве по управлению восточноафриканскими колониями нет единого мнения относительно самой проблемы переселения буров»²².

Важным аспектом проводимой колониальным ведомством переселенческой политики в восточноафриканской колонии являлось наличие водных ресурсов, что в свою очередь сыграло определённую роль в развитии фермерских хозяйств буров в северных районах Немецкой Восточной Африки. Несмотря на то, что буры составляли значительную часть европейского населения в северных районах колонии, они рассматривали этот регион не как место для постоянного проживания, а как пункт на пути дальнейшего переселения в британскую Восточную Африку.

Переселившиеся в Восточную Африку буры в меньшей мере были пригодны для занятия земледелием, и в основном в созданных ими переселенческих поселениях они занимались скотоводством. Поэтому при организации переселенческих поселений колониальное управление колонией учитывало необходимость создания переселенческих хозяйств буров в регионах с климатическими условиями, схожими с Южной Африкой, откуда в основном шёл поток переселения в северные районы Восточной Африки²³.

В результате проводимой губернаторством восточноафриканских колоний политики в северные районы колонии было переселено 300 семей буров и было организовано 30 фермерских хозяйств. Однако развитие фермерских хозяйств было затруднено тем, что практически каждую неделю на фермы буров нападали местные племена масаи, угонявшие скот²⁴.

Идею использовать переселенцев-буров в колониальных мероприятиях Германии в северных районах колонии поддерживал также руководитель округа Танга Мейер²⁵. По мнению Мейера, фермерские хозяйства буров могли способствовать упрочнению экономической позиции Германии в этом регионе. Мысли, высказанные Мейером, нашли поддержку в работе

Пфайля «Wirtschaftliche Entwicklung in Deutsch-Ostafrika», в которой он писал, что «для немецкой колонизации северных регионов колонии имеет важное значение каждый европейский переселенец, как в смысле денежного капитала, так и в смысле рабочей силы, так как мы не можем пока использовать в северных регионах колонии немецких переселенцев, поэтому мы должны признать значимость и приветствовать прибытие бурских переселенцев в этот район»²⁶. Мнение Пфайля также подтверждается сообщением миссионера Фоккеля о значимости бурского переселения в восточноафриканские колонии, о котором он писал: «О новых переселенцах в наши колонии можно услышать и прочесть различные мнения. В начале переселения были высказаны положительные мнения, дающие надежду на скорейшее экономическое освоение региона за счёт буров, но уже в это же время появились и противоположные высказывания, направленные против их переселения. При этом переселении, на мой взгляд, нужно ценить буров, так как они переселяются не на определённое время, не для того, чтобы заработать денег и вернуться обратно на Родину, а для того, чтобы здесь остаться. И в будущем нужно от них ожидать, что они смогут стать преданными подданными Германской империи»²⁷.

Позиция Мейера по поводу широкомасштабного заселения северных регионов колонии не нашла поддержки в колониальном управлении немецких колоний. Причиной отклонения проекта Мейера о развитии фермерских хозяйств буров в северных регионах восточноафриканских колоний явились также отношения Германии с Англией и их противоречия в колониальных вопросах, которые играли немаловажную роль в проведении переселенческой политики немецким колониальным ведомством. Кроме этих противоречий, немецкие колониальные власти в Восточной Африке понимали, что при дальнейшем росте переселения буров в колонию Германии в Восточной Африке лучшие земли в северных регионах могут оказаться в руках буров, а не будущих немецких переселенцев. Буры-переселенцы, осевшие в северных регионах восточноафриканской колонии, помимо скотоводства также занимались и пахотным земледелием, в результате чего они получили в наличие больше земли, чем могли обрабатывать. Для одной бурской фермы выделялось 1000 га земли, которую они практически не могли обработать самостоятельно и нуждались в использовании наёмной рабочей силы. 14 апреля 1905 года «Kölnische Zeitung» отмечала, что «сообщения из немецкой Восточной Африки относительно переселения и организации переселенческих хозяйств буров различны, так как организация переселенческих хозяйств буров в северных регионах колонии идёт не совсем успешно»²⁸.

Однако массовому переселению буров в северный регион и плану губернатора Гетцена противостояли определённые колониальные круги, которые рассматривали данный регион как район для переселения прежде всего имперских немцев. Изменение политики в отношении переселения буров в Восточную Африку произошло при следующем губернаторе этой колонии фон Рехенберге, который из политических оснований ввёл ограничение на переселение буров. Его позиция была обусловлена тем, что, по мнению определённых представителей колониальных кругов Германии, в условиях всё более обострявшихся англо-германских отношений буры представляли не совсем надёжный контингент в переселенческих мероприятиях Германии в Восточной Африке. С другой стороны, они не могли рассматриваться как переселенческий материал ещё и потому, что с появлением их фермерских хозяйств они стали составлять серьёзную конкуренцию вновь возникавшим немецким фермерским хозяйствам²⁹. Надежда колониальных властей на улучшение экономического состояния за счёт фермерских хозяйств буров в Восточной Африке оправдалась лишь частично³⁰.

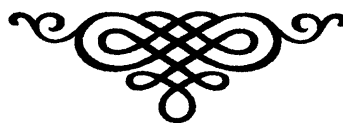
Исходя из создавшегося положения, колониальные власти были вынуждены пересмотреть вопрос о развитии фермерских хозяйств буров, и некоторые фермерские хозяйства вновь подверглись новым земельным переделам³¹. По этому поводу 28 мая 1907 года было опубликовано распоряжение губернатора, в котором говорилось: «Крупные фермы буров должны быть распроданы или отданы для распаивания»³².

В завершение хотелось бы отметить, что в последующем в распорядительных документах появились настойчивые указания колониальной администрации о том, чтобы местные колониальные органы позаботились о сохранении лучших земель для немецких переселенцев, а не отдавали все лучшие земли переселенцам-бурам.

Примечания

- ¹ *Conrad S.* Deutsche Kolonialgeschichte. München 2008, S. 11.
- ² *Rohrbach, Paul.* Die deutschen Kolonien. Dachau 1914, S. 29–38.
- ³ *Greichen, Gisela.* Deutsche Kolonien: Traum und Trauma. Berlin 2007, S. 9.
- ⁴ *Schulze, Joachim H.* Die Besiedlung der deutsch – afrikanischen Kolonien mit Weißen. Grundsätzliches in Gegenwart und Zukunft, in: «Geographischer Anzeiger» 40. Jahr. Heft 17/18, (1939), S. 396.
- ⁵ *Karstedt O.* Der Weiße Kampf um Afrika. Deutschland in Afrika. Bd.2. Berlin 1938, S. 119
- ⁶ *Liebert, Eduard von.* Die deutschen Kolonien und ihre Zukunft. Berlin 1906, S. 50.
- ⁷ *Liebert, Eduard von.* Aus einen bewegten Leben. Berlin 1929, S. 111.
- ⁸ *Weigt, Ernst.* Europäer in Ostafrika. Klimabedingungen und Wirtschaftsgrundlagen, in: «Kölner Geographischer Arbeiten». Heft 6/7. Köln 1953, S. 48.
- ⁹ *Elmayer-Vestenbrugg, Rudolf von:* Unsere Kolonien. Leipzig 1938, S. 107.
- ¹⁰ Bundesarchiv. Berlin – Lichtenfelde. Auswärtige Amt. Kolonial – Abteilung. Akten: «Lokale Einwanderung nach Deutsch – Ostafrika. » (далее BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 9)
- ¹¹ BArch. R 1001. Bd. I. Bl.11
- ¹² BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 24-26.
- ¹³ BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 30–34.
- ¹⁴ BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 35.
- ¹⁵ BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 41.
- ¹⁶ BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 42.
- ¹⁷ BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 64.
- ¹⁸ BArch. R 1001. Bd. I. Bl. 67.
- ¹⁹ *Mehrtner, Wilhelm.* Unter drei Gouverneuren. <16 Jahre Dienst in deutschen Tropen.> Breslau 1938, S. 177.
- ²⁰ Deutsches Kolonial – Lexikon. (Hrsg.) Schnee, Heinrich. Bd. II. Leipzig 1920, S. 550.
- ²¹ *Leue, A.* Die Siedlung am Meru. <Deutsch – Ostafrika>, in: «Schriften zur Förderung der inneren Kolonisation». Heft № 13, S.1.
- ²² Zeitschrift für Kolonialpolitik, Kolonialrecht und Kolonialwirtschaft. VIII. Jhr. (1906), S. 89–90.
- ²³ *Samassa, Paul.* Die Besiedlung Deutsch – Ostafrikas. Berlin 1909, S. 51.
- ²⁴ Evangelisch – lutherisches Missionsblatt. (1906), № 17. Leipzig 1906, S. 425.
- ²⁵ Förster: Die Siedlung am Kilimandjaro und Meru, in: «Koloniale Abhandlungen» Heft 12. Berlin 1907, S. 7.
- ²⁶ Pfeil: Wirtschaftliche Entwicklung in Deutsch – Ostafrika. Berlin 1907, S. 124.
- ²⁷ Evangelisch – lutherisches Missionsblatt. (1906), № 4. Leipzig 1906, S. 89–90.
- ²⁸ «Kölnische Zeitung» vom 14.04.1905, № 388.
- ²⁹ *Heilborn, A.* Die deutschen Kolonien. (Land und Leute). Leipzig 1908, S. 26–27.
- ³⁰ *Rohrbach, Paul.* Das Deutschtum über See. Karlsruhe 1931, S. 345.
- ³¹ *Müllendorff, Prosper.* Ostafrika im Aufstieg. Essen 1910, S. 161.
- ³² *Fleischmann, Max.* Die Verwaltung unserer Kolonien und die Fortschritte des letzten Jahres, in: «Jahrbuch über die deutschen Kolonien». 1.Jhr. (1908), S. 92.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-47-53

М.В. Монгуш

ПОСЛАННИКИ ДАЛАЙ-ЛАМЫ XIII НА ПРИЕМЕ У НИКОЛАЯ II: ИЗУЧЕНИЕ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА

Недавно мы натолкнулись на интересный документ, хранящийся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 1. 366 л.). Это воспоминания русского военачальника, участника русско-турецкой войны 1877–1878 годов, дипломата, начальника канцелярии Императорского Двора генерал-лейтенанта Александра Александровича Мосолова (1854–1939). Представитель старинного дворянского рода, он практически всю жизнь вращался в высших кругах Российской империи, был участником и свидетелем многих судьбоносных исторических событий. На должность начальника канцелярии Императорского Двора он был назначен в 1900 году и проработал на ней семнадцать лет. После октябрьского переворота в ноябре 1917 года бежал в Румынию; затем обосновался во Франции; с 1933 года жил в Болгарии, где написал свои воспоминания.

Документ называется «А.А. Мосолов. Отрывки из “Воспоминаний” 1900–1917 гг.» Это многостраничный машинописный текст на тонкой бумаге, на русском и французском языках, который легко читается и удивляет обилием интересных, порою шокирующих фактов и деталей, пока остающихся малоизвестными для широкого читателя. По сути это сборник, состоящий из разных фрагментов, тематически очень разнородных, которые по тем или иным причинам не вошли в опубликованный вариант воспоминаний автора. Среди них наше внимание привлекли воспоминания А.А. Мосолова, связанные с торжественным приёмом тибетской делегации от Далай-ламы XIII, устроенным Николаем II в Петергофе 23 июня 1901 года.

Следует заметить, что всего за несколько дней до этого в императорской семье произошло важное событие: 18 июня 1901 года на свет появилась четвёртая дочь Анастасия.

Кстати, об этом А.А. Мосолов также подробно пишет в своих воспоминаниях.

В настоящей статье речь пойдёт о встрече Николая II с посланниками из Тибета. Этот фрагмент воспоминаний так и называется: «Чрезвычайное Посольство Далай-ламы». Однако прежде чем перейти к изучению этой части документа, считаем необходимым совершить краткий исторический экскурс в русско-тибетские отношения, чтобы лучше понять то, о чём, собственно, говорится в архивном источнике.

Проникновение тибетского буддизма в Россию

В истории российско-тибетских отношений чрезвычайно важную роль сыграл тибетский буддизм. Первое его проникновение в Россию датируется XVI–XVII веками, когда кочевые племена Западной Монголии – так называемые ойраты, или калмыки – приехали на Волгу. Ойраты приняли тибетский буддизм в XIII веке. Они получили оригинальные полномочия от «красношапошников» – лам из школ Сакья и Кагью. Во время их пребывания в Поволжье из-за сложной политической ситуации в Тибете они главным образом трансформировались в Гелугпа – школу Далай-лам¹.

В XVII веке тибетский буддизм распространился в Бурятии – сюда он проник через местных уроженцев, которые получили духовное образование в Тибете, главным образом в гелугпинских монастырях, и затем принесли учение Будды в свою страну².

Царские власти были довольно терпимы по отношению к буддистам. В 1741 году в соответствии с указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм был признан одной из религий Российской империи. В том же году было узаконено существование на тер-

ритории России 11 буддийских храмов и 150 лам при них. Позже религиозные центры – буддийские монастыри, т.е. бурятские *дацаны* и калмыцкие *хурулы*, появились в разных областях Бурятии и Калмыкии. В течение короткого времени большинство бурят и калмыков были обращены в буддизм. В этот период началось институциональное оформление буддизма в России.

В 1764 году императрица Екатерина II Великая заложила основу для укрепления позиций буддизма в России. Она издала указ о создании главного поста для буддистов Восточной Сибири и Забайкалья – Пандита Хамбо-ламы. До этого момента все буддисты пребывали под духовным руководством иностранных, главным образом монгольских и тибетских иерархов. Этот указ стал вторым важным шагом в становлении буддизма как одной из государственных религий Российской империи. В том же году бурятский первосвященник Дамба Доржо Заяев стал главой всего буддийского духовенства с титулом Пандито Хамбо-лама.

Таким образом, к моменту встречи Николая II с посланниками Далай-ламы XIII в 1901 году у России уже были сложившиеся отношения с Тибетом, теократическим государством, сыгравшим большую роль в истории и культуре народов Центральноазиатского региона.

Позже, после утраты влияния маньчжурской династии Цин в Центральной Азии, в 1914 году Российская империя аннексировала Туву, регион, расположенный восточнее Байкала и севернее Монголии. Тува вошла в состав Енисейской губернии на правах протектората. Население Тувы также исповедовало тибетскую форму буддизма³.

С тех пор традиционными буддистами в России являются калмыки, буряты и тувинцы. Их исторические контакты с Тибетом и духовным лидером этой страны Далай-ламой не прекращаются по настоящее время.

Чрезвычайное Посольство Далай-ламы

Возвращаемся непосредственно к архивному документу. В нём описывается, как за год до визита тибетской делегации в Петер-

гоф к императору в Ливадийский дворец в Крыму приезжал посланник Далай-ламы XIII лама Агван Доржиев, чтобы, как пишет А.А. Мосолов, «разведать, угодно ли будет Государю принять посольство Далай-ламы».

Здесь следует сказать несколько слов об Агване Доржиеве (1853–1938). Это был бурятский лама, имевший российское подданство. В 18 лет он отправился в Тибет для усовершенствования буддийского образования и в возрасте 35 лет получил учёную степень доктора буддийской философии (лхарамба) в одном из крупных монастырей Лхасы. Как раз в это время тибетцы выбирали семь учёных-лхарамб, чтобы возложить на них ответственность за буддийское образование Далай-ламы XIII, которому на тот момент было 12 лет. Так одним из учителей Далай-ламы Тибета стал Агван Доржиев – дипломат, просветитель, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии. Среди его близких друзей были крупнейшие российские востоковеды В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, Ф.И. Щербатской, В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, князь Э.Э. Ухтомский, художники Н.К. Рерих и В.П. Шнейдер.

До приёма тибетской делегации в 1901 году в Петергофе Агван Доржиев проделал немалую подготовительную работу. В документе описывается вторая миссия Доржиева в России: ещё в 1898 году он побывал в Петербурге с целью установить дипломатические отношения между Россией и Тибетом и получил первую аудиенцию у Николая II. Второй раз он встретился с царём 30 декабря 1900 года. Тогда ему была обещана русская протекция в отношении Тибета при условии, что в Лхасе будет действовать секретное консульство России. В результате дипломатических переговоров был найден компромисс, который устраивал обе стороны: открытие русского консульства в китайской провинции Сычуань (в г. Да-цзян-лу) и тибетского представительства в Петербурге.

А.А. Мосолов пишет в своих воспоминаниях именно об этой миссии: «Целью приезда тибетцев было испросить Е.В. (Его Величество. – М.М.) о принятии под своё высокое

покровительство Тибета. Чрезвычайное Посольство было принято в торжественной аудиенции 23-го июня с церемониалом, подобающим восточным гостям. Государь приехал во дворец с полным дежурством, в числе которого я был ещё в качестве флигель-адъютанта. Государь получил много подарков Далай-ламы, выставленных в отдельном зале. Е.В. интересовался Тибетом как страной, расширяющей влияние России на Азию. Государь, всегда ревниво относившийся к Дальнему Востоку, миссией Посольства был чрезвычайно доволен⁴.

К сожалению, в документе отсутствует список членов тибетской делегации. А.А. Мосолов даже не уточняет их количество. Однако с уверенностью можно предположить, что среди них находился Агван Доржиев, ведь, собственно, он и был инициатором этого мероприятия.

Среди российских участников мероприятия были супруга Александра III, мать Николая II, государыня императрица Мария Федоровна (1847–1928) со своей фрейлиной, графиней Аглаидой Васильевной Голенищевой-Кутузовой (1853–1920); брат и сестра Николая II – Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) и Великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960); министр Императорского Двора, барон Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927); обер-церемониймейстер Василий Александрович Гендриков (1857–1912); гофмаршал, граф Павел Константинович Бенкендорф (1853–1921); обер-гофмейстер, князь Георгий Дмитриевич Шервашидзе (1847–1918). Дежурство на приёме было представлено также генерал-адъютантом, адмиралом Дмитрием Сергеевичем Арсеньевым (1832–1915), генерал-майором, князем Виктором Сергеевичем Кочубеем (1860–1923) и автором воспоминаний, флигель-адъютантом Александром Александровичем Мосоловым⁵.

«Как всегда при приёме подобного посольства, вслед за отбытием Государя тибетцам предложили в одном из залов дворца угощение, так называемый “дастархан”», – пишет А.А. Мосолов. Он также отмечает, что стол был накрыт с учётом вкусовых предпочтений восточных гостей⁶.

Последствия тибетской миссии 1901 года

Вскоре материал об этом приёме был опубликован в популярном еженедельном журнале для семейного чтения «Нива». Новости о начале прямых сношений между Тибетом и Россией вызвали раздражение у англичан, издавна имевших свои притязания к Тибету.

Хотя российские власти подчёркивали, что визит представителей Тибета носит сугубо культурный и религиозный характер, в Британской Индии в это не поверили. Пошли слухи о заключении между Николаем II и Далай-ламой XIII некоего секретного договора. Даже появилась сплетня о том, что тибетская миссия якобы привезла русскому государю от Далай-ламы священную подушку. Они это комментировали так: русский государь, однажды проезжая через Сибирь, был принят в буддийском храме, где будто бы получил посвящение в буддизм. На этом основании Далай-лама считает Николая II как бы под покровительством Будды и поэтому послал ему эту священную подушку. В ответ государь послал Далай-ламе полное облачение архиерея⁷.

Его Императорское Высочество, Великий князь Андрей Владимирович (1879–1956), усомнившись в этом факте, попросил А.А. Мосолова внести уточнения. «Я, со своей стороны, мог только ответить, – пишет флигель-адъютант, – что помню, как передавал Кабинету Его Высочества предложение министра Двора об изготовлении облачения для высшего духовенства, но не могу утверждать, что это было для Далай-ламы, или же по какому-либо другому случаю»⁸.

Докладывая Великому князю Андрею Владимировичу о проблемах в российско-британских отношениях, возникших после приёма тибетской делегации, А.А. Мосолов писал, что англичане «послали в 1904 году огромный военный отряд, который преодолел невероятные препятствия, понёс большие потери и перебил немало тибетцев, чтобы дойти до Лхасы, но остался с носом, так как Далай-лама бежал в Ургу. Дойдя до Лхасы, англичане всё же убедились, что мораль-

ное значение Государя среди тибетцев было огромное, и ненависть к англичанам ещё *большая*»⁹.

Здесь речь идёт о британской экспедиции, которая состоялась в 1903–1904 годах. По факту это было военное вторжение в Тибет; интервенция осуществлялась с помощью британской индийской армии. Энергичный и властный вице-король Индии¹⁰, лорд Джордж Натаниэл Керзон (1859–1925), улучшив удобный момент, наглядно доказал Тибету настойчивое упорство английской политики в этом регионе. Россия, единственная держава, которая могла поддержать Тибет, оказалась в сложном положении из-за войны с Японией и не могла предложить тибетцам какую-либо помощь. Хотя военные пытались уговорить императора оказать Тибету помощь оружием и выделить Далай-ламе эскорт из казаков-буддистов, Николай II эти идеи отверг. Тогда российские дипломаты начали убеждать Лондон сохранить статус-кво Тибета.

Тем временем верховный правитель Тибета Далай-лама XIII обратился письменно к начальнику британской миссии, полковнику Фрэнсису Янгхасбенду (Ионгхезбенду) (1863–1942) с просьбой остановить движение в сторону Тибета и оставить монастыри и монахов в том покое, который определён свыше. Однако эта просьба не была услышана англичанами. Узнав об их приближении, Далай-лама в сопровождении нескольких лиц покинул свою столицу, чтобы не видеть врага и не вступать с ним ни в какие переговоры. Вскоре он прибыл в Ургу, столицу Монголии, где остановился в главном буддийском монастыре Гандан.

Более подробное описание этого события мы находим у русского путешественника, военного географа, исследователя Монголии, Тибета и Синьцзяна П.К. Козлова (1863–1935). Приводим его с некоторыми сокращениями: «26 июля 1904 года, в два часа ночи, Далай-лама, верховный правитель Тибета, оставил свою столицу и в сообществе лишь самых преданных лиц: Сойбон-хамбо, Чотбон-хамбо, Эмчи-хамбо (врача), Агвана Доржиева и восьми человек слуг-оруженосцев поспешно направился к северу, по

обычной дороге монгольских паломников. Что же вынудило главу буддийской церкви экстренно оставить Лхасу? — Английская военная экспедиция полковника Ионгхезбенда, авангард которой уже появился в долине реки Брамипутры... Первые дни Далай-лама следовал, соблюдая инкогнито, но затем... он уже не скрывал себя перед народом. Последний, предчувствуя недоброе, повергся в уныние и горько плакал... С приезда Далай-ламы в Ургу монголы, буряты, калмыки неудержимо устремились на поклонение Его Святейшеству и наводнили собою Богдо-курень и его окрестность. Обаяние Далай-ламы росло с каждым днём; монастырь Гандан, где основался тибетский владыка, приобрёл большую популярность. Жизнь в Урге забила ключом. Ургинские храмы днём и ночью призывали молящихся. Все только и говорили о великом Далай-ламе; местные обитатели, казалось, утратили всякий другой интерес»¹¹.

Урга на время пребывания в ней Далай-ламы XIII превратилась в своего рода монгольскую Лхасу.

П.К. Козлов в то время находился как раз в Урге: он был специально командирован Русским географическим обществом для встречи с Далай-ламой и изучения общей обстановки в регионе. Его первая встреча с правителем Тибета состоялась 1 июля 1905 года в три часа дня. Свои впечатления о нём учёный записал так: «Далай-лама... являет собою молодого изящного тибетца, с тёмными глазами, с лицом, слегка попорченным оспой и носящим следы великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствие сильно нарушено политикой англичан; он сделался нервным, раздражительным». Далее он пишет, что после двух-трёх встреч с Далай-ламой у него установились с ним наилучшие отношения, благодаря которым учёный мог свободнее наблюдать за всем, что происходило вокруг тибетского правителя, и оценить, как он относился к монголам, в особенности к приезжавшим из разных уголков Монголии монгольским князьям.

О времяпровождении тибетского правителя П.К. Козлов пишет следующее: «Спит

Далай-лама немного: встаёт с утренней зарёй, ложится в полночь, а то и позже... Весь день у него наполнен занятиями светскими и религиозными. Помещается он в небольшом красивом монастырском флигеле, разделённом на два этажа. В верхнем этаже у Далай-ламы рабочий кабинет и спальня, в нижнем – приёмная. Весь штаб при нём исчисляется в пятнадцать человек тибетцев, наполовину принадлежащих к чиновничьему духовному званию. Днём, почти безотлучно, при нём состоят два министра и столько же секретарей; ночью, в роли “няни” – симпатичнейший старичок Сойбон-хамбо и три юных тибетца в качестве приближённых слуг-охранителей. Двор свой Далай-лама держит в большой строгости».

Русский учёный высоко оценил деятельность главы буддийской церкви. Будучи отличным проповедником, мыслителем и глубоким философом в области буддийских знаний, он в то же время в светских делах – незаменимый дипломат, заботящийся о благе народа. «Ему недостаёт лишь европейской утончённости, – пишет П.К. Козлов. – Со времени вступления на престол верховный правитель Тибета уже успел ознаменовать свою деятельность следующими явлениями: отменой смертной казни, обузданием чиновничьего произвола, поднятием народного просвещения». При этом П.К. Козлов неоднократно отмечал, что во время обычных разговоров лицо Далай-ламы, как правило, хранит величавое спокойствие, но, как только вопрос начинает касаться англичан и их военной экспедиции в Тибет, оно тотчас же меняется – становится грустным, глаза опускаются, и голос, обычно звучавший приятно, плавно и спокойно, становится неровным¹².

Как уже упоминалось выше, в декабре 1903 года полковник Ф. Янгхасбенд со своим военным отрядом вторгся в Тибет. Захватывая один город за другим, он двинулся к Лхасе. Британские войска вошли в тибетскую столицу в августе 1904 года и разбили здесь свой лагерь.

Это было весьма непростое время. Вторая половина XIX – начало XX века проходили под знаком «Большой игры», суть которой

заключалась в геополитическом соперничестве между Россией и Великобританией. Россия стремилась на юг, чтобы обрести доступ к торговле в Азии; Британия, получая львиную долю своих богатств в азиатских колониях, старалась ещё больше расширять сферы своего влияния, чаще прибегая к военной силе, чем к дипломатии. Тибет в это время находился под китайским протекторатом. Империю Цин в Лхасе представляли политические резиденты – амбани (тув. амбын-нойоны). На этом фоне у Тибета, с одной стороны, имелось желание вырваться из-под китайского влияния; с другой стороны, появился большой риск попасть под власть Британии, чего тибетцам категорически не хотелось.

Появление на дипломатической арене представителя Далай-ламы XIII, бурятского ламы А. Доржиева заметно изменило ситуацию в пользу России, поскольку он активно выступал за сближение Лхасы и Санкт-Петербурга. С его подачи в самом тибетском обществе Российская империя стала рассматриваться как могущественный покровитель Тибета, имеющий там свои интересы.

Однако китайские власти тоже не бездействовали. Они объявили об отстранении Далай-ламы XIII от управления Тибетом и назначили главой страны «своего» ламу Таши. Тот подписал с британцами соглашение, предусматривавшее, в частности, установление невыгодных для Лхасы границ с Сиккимом, оккупацию англичанами части территории Тибета, запрет Далай-ламам иметь любые сношения с иностранными государствами без разрешения на то британской администрации.

В 1906 году Россия начала переговоры с Великобританией о судьбе азиатских стран. В итоге в августе 1907 года было подписано соглашение, сохранявшее над Тибетом китайский сюзеренитет. Официальные Лондон и Санкт-Петербург гарантировали друг другу, что больше не будут вмешиваться в дела Лхасы. Китай тут же воспользовался предоставленными ему правами и в 1909–1910 годах оккупировал Тибет. Далай-лама снова бежал, на этот раз в Индию. Однако из-за взятых на себя обязательств ни Лондон, ни

Санкт-Петербург не могли оказывать ему помощь.

После падения империи Цин в 1913 году духовный лидер Тибета вернулся в Лхасу, и вплоть до 1951 года его страна оставалась де-факто независимой.

Однако заключенное в 1907 году соглашение между Великобританией и Россией породило так называемую тибетскую проблему: Китайская Народная Республика, провозглашенная 1 октября 1949 года, сочла необходимым и правомерным включить территорию Тибета в свой состав. Это привело к массовому восстанию тибетцев в марте 1959 года, которое длилось целый год. Восставшие тибетцы и местное тибетское правительство выступили за восстановление независимости и против политики китаизации Тибета. Ситуация с тех пор кардинально не менялась.

Таким образом, изученный нами архивный документ открывает малоизвестные страницы в истории международных отношений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века. Оригинальный источник – воспоминания очевидца и участника описываемых событий, начальника канцелярии Императорского Двора А.А. Мосолова – показывает присутствие Тибета в российской внешней политике, а также характеризует особенности российско-тибетских отношений и взглядов России и Великобритании на тибетский вопрос. Установление отношений между Россией и Тибетом и тибетская миссия в Петергоф в 1901 году были прежде всего связаны с основными тенденциями российской политики в отношении Азии, являвшимися частью «Большой игры», англо-русского соперничества в регионе.

В конце фрагмента воспоминаний под названием «Чрезвычайное Посольство Далай-ламы» А.А. Мосолов приводит следующий факт: вскоре после тибетцев в Петергоф приехал марокканский султан Абдул аль-Азис (1878–1906), и «приём его не многим отличался от приёма тибетского посольства» (л. 101). Видимо, султан тоже, как и тибетцы, искал поддержки у Николая II, поскольку он с самого начала царствования (с 1894 г.) вёл борьбу с непокорными шейха-

ми и претендентами на престол, а также испытывал постоянное давление со стороны Франции, усилившей свои колониальные притязания. Это было время, когда крупные империи делили между собой сферы влияния, а мелким и зависимым странам-сателлитам ничего не оставалось, как заручаться поддержкой сильных государств.

После визита тибетской делегации Агван Доржиев остался в Петербурге в качестве официального представителя Далай-ламы XIII. Он стал одной из ключевых фигур в истории российского буддизма XX века. Позже он инициировал строительство в Санкт-Петербурге первого в Европе буддийского храма «Гунзэчойнэй», что в переводе с тибетского означает «источник святого учения Всесозидающего». Его строили в течение шести лет, с 1909 по 1915 год. Деньги на строительство собирались из разных источников: самые крупные пожертвования внесли сам А. Доржиев, Далай-лама XIII, ургинский Богдо-гэгэн VIII, верующие из Бурятии и Калмыкии и отдельные российские учёные – тибетологи и буддологи.

Первое богослужение в нём состоялось 21 февраля 1913 года в честь 300-летия династии Романовых. В 1916 году храм закрылся из-за сложной политической обстановки в стране и на долгие годы был предан забвению. Лишь в 1989 году благодаря усилиям местных буддистов и при поддержке общественности он был зарегистрирован как центр для возрождения монашеской общины в его стенах. В 1990 году первую службу в храме провёл тибетский Кушок Бакула Риппоче (1917–2003). С тех пор храм является действующим, в его стенах обучаются послушники из Бурятии, Калмыкии и Тувы.

Таковыми оказались последствия тибетской миссии 1901 года в Петергофе, о некоторых деталях которой мы узнали из воспоминаний начальника канцелярии Императорского Двора А.А. Мосолова.

На рубеже XX–XXI веков российско-тибетские отношения, как и 120 лет назад, вновь переживают сложные времена. Тибетская проблема в Китае, корнями уходящая в англо-русское соглашение 1907 года, до сих пор остается не решённой.

Примечания

¹ Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.; *её же*. Калмыки: религия и её этническая специфика // Буддизм России. СПб., 1998. № 29–30. С. 51–55.

² Пубаев Р.В., Санжиев Г.Л. 250-летие буддизма в Бурятии и России // 250-летие официального признания буддизма в России / Тезисы докладов научной конференции 16–17 июля 1991 г. Улан-Удэ: БИОН СО АН СССР, 1991. С. 3–7; Цыремтилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. 162 с.; Чимитдоржиев Ш.Б. К вопросу о начале распространения буддийской религии в Бурятии // 250-летие официального признания буддизма в России. С. 15–20.

³ Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новоси-

бирск: Наука, 2001. 200 с.; Монгуш М.В. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. 2016, № 1. http://www.tuva.asia/journal/issue_29/8494-mongush-mv.html

⁴ ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 1. Л. 100.

⁵ Там же. Л. 145.

⁶ Там же. Л. 100, 145.

⁷ Там же. Л. 146–147.

⁸ Там же. Л. 147.

⁹ Там же.

¹⁰ Лорд Керзон стал вице-королем Индии в 1898 г. Он пытался вступить в переговоры с духовным лидером Тибета, но тот вернул его письмо назад, даже не распечатав.

¹¹ Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 50.

¹² Там же. С. 50–53.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-54-55

В.В. Беляков

ПРОДЛЕНИЕ КОНЦЕССИИ СУЭЦКОГО КАНАЛА

Суэцкий канал соединил Средиземное и Красное моря в 1869 году. Концессия на право управления Суэцким каналом была утверждена на 99 лет – до 1968 года. Однако через 40 лет работы канала, в 1909 году, Общество Суэцкого канала предложило продлить концессию ещё на 40 лет – до 2008 года. Поскольку Египет с 1882 года контролировала Великобритания, Общество Суэцкого канала обратилось к ней с этим предложением. Однако англичане сочли, что этот вопрос касается только Общества и Египта. Решить его могло, по установлению правительства, не парламент, а общее собрание Законодательного совета. Оно отвергло продление концессии, потому что это означало бы закрепление колонизации Египта. Англичане же сочли результат голосования крайне неудачным опытом первого самостоятельного решения. Об этом свидетельствуют следующие документы российского консульства в Каире.

1

Его Прев[осходитель]ству С.Д. Сазонову

Каир, 6-го апреля 1910 года

Милостивый государь Сергей Дмитриевич¹,

В первых числах апреля состоялось второе заседание Общего собрания по вопросу о заключении Хедивским² правительством конвенции с Компанией Суэцкого канала. В донесении моём от 25-го марта с. г. № 21 я упоминал уже, что Правительство предоставило окончательное разрешение этого вопроса общему собранию Законодательного совета, дав ему на этот раз широкую власть Парламента. Понятно всеобщее ликование местной печати по этому поводу; решение Правительства рассматривалось как заря самостоятельной политической жизни, как начало конституции. Вместе с тем националистические газеты уже заранее предприняли участие конвенции, против которой они так страстно ратовали в течение нескольких месяцев. По их мнению, раз представителям нации дают право решить этот вопрос, иного решения, как отрицательное, состояться не может.

Благодаря всем этим обстоятельствам в последнем заседании Общего собрания царя крайне нервная атмосфера. Речь министра юстиции Заглул-паши³, блестящим образом защищавшего проект конвенции, почти не слушали, а речи других министров были прерываемы и остались скомканными и недослушанными. Член Законодательного совета Измаил Паша Абаза⁴, всё более обрисовывающийся как руководитель оппозиции, отвечал министрам крайне резко и потребовал немедленного перехода к голосованию. Из 66 членов Общего собрания только один имел мужество высказаться за заключение конвенции, крушение которой было встречено шумным восторгом всех присутствующих. Местное население и туземная печать ликовали, а на улицах устраивались шествия и демонстрации.

Пронесшийся в первый же день слух, что министерство подаст в отставку, не подтвердился; местная печать стремилась доказать, что в этом не представляется надобности, так как парламентские функции не принадлежат общему собранию, уполномоченному самим Председателем Совета министров решить лишь один данный вопрос. Туземцы находят отставку министерства излишнею ещё и потому, что, по их мнению, министры защищали проект конвенции лишь по обязанности службы и в сущности, как египтяне и патриоты, не могут не порадоваться тому, что правительство отвергло сделку, унижительную для Египта и невыгодную как в политическом, так и в финансовом отношении.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства...⁵

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Консульство в Египте». Оп. 820/1. Год 1910. Д. 154. Л. 99–100. Черновик.

2

Его Прев[осходитель]ству С.Д. Сазонову

Каир, 6-го апреля 1910 года.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Беседуя на днях с сэром Эльдоном Горстом⁶, я спросил его, как относится он к отклонению египетским правительством проекта конвенции с Компанией Суэцкого канала, которая была разработана главным образом советником министерства финансов г[осподи]ном Гарвей⁷ и пользовалась явным сочувствием здешнего великобританского представителя.

Горст снова подтвердил мне своё убеждение, что конвенция эта представляла несомненные выгоды для египетского правительства. Но, по его мнению, опека Англии над оккупируемой ею страной, обязанная указать последней на преимущества того или другого шага, отнюдь не должна идти дальше и никоим образом не может навязывать Египту сделки, кои последний считает для себя невыгодными. Поэтому, заметя настроение местных элементов против конвенции, Англия всецело оставила вопрос на обсуждение хедивского правительства, которое, не желая брать на себя столь важное решение, прибегло в свою очередь к представляющему в данном случае общественное мнение общему собранию.

Этот первый опыт конституционализма представляется Горсту крайне неудачным. Отсутствие серьёзного обсуждения, непонимание собственной выгоды, страстность, внесённая в дело, узкий патриотизм и подчинение посторонним влияниям – всё подтвердило полную незрелость Египта для самостоятельной политической жизни.

Сэр Эльдон Горст лишь сожалеет, что под влиянием узко понимаемого патриотизма Египет отверг самый для него выгодный выход из настоящих финансовых затруднений, тем более что стране едва ли удастся обойтись без нового займа, и условия последнего будут во всяком случае не легки.

Проявление Египтом своей политической незрелости будет, по мнению Горста, иметь лишь то значение, что в ней убедится Европа и что раздававшиеся время от времени из среды оппозиции английского парламента голоса за конституцию в Египте и за дарование вольностей туземцам должны будут отныне замолкнуть.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства...

АВПРИ. Фонд «Консульство в Египте». Оп. 820/1. Год 1910. Д. 154. Л. 105–106. Черновик.

Примечания

¹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927, Ницца) – министр иностранных дел России (1910–1916).

² Хедивское правительство – от слова «хедив», титул наместника Египта.

³ Саад Заглул-паша (1859–1927) – министр юстиции Египта в 1910 году, премьер-министр в 1924 году.

⁴ Абаза, Исмаил-паша – найти не удалось.

⁵ Смирнов Алексей Александрович (1857–1924) – чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Египте (1905–1924).

⁶ Джон Эльдон Горст (1861–1911) – английский государственный и политический деятель, генеральный консул Великобритании в Египте (1907–1911).

⁷ Видимо, это англичанин в правительстве Египта.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-56-60

А.Ш. Кадырбаев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО АТТАШЕ Л.Г. КОРНИЛОВА В ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ (1907–1911)

Большой интерес для исследователей представляет деятельность военного атташе Российской империи, или военного агента, по терминологии того времени, – будущего генерала и главкома русской армии во время Первой мировой войны Лавра Георгиевича Корнилова. Он, тогда полковник, в 1907 году получил важное назначение на военно-дипломатическую должность в российском посольстве в империи Цин, где и находился до февраля 1911 года.

Корнилов как никто другой соответствовал этой должности. Ещё до командировки в Китай он получил всесторонний многолетний опыт на стезе секретных операций российских спецслужб как «офицер по особым поручениям» при Туркестанском генерал-губернаторе. Так тогда называли офицеров военной разведки.

Корнилов был знаком с ситуацией в пограничных с Русским Туркестаном владениях Цинской империи под названием Кашгария, или Восточный Туркестан, ныне известных также под китайским названием Синьцзян. В 1899 году по заданию российского правительства он во главе разведгруппы из семи человек тайно побывал там с разведывательными целями. Путешествие было смертельно опасным, так как в случае задержания цинскими властями они были бы объявлены иностранными шпионами и публично казнены. Их бы сварили на площади в казане с бараньим жиром. Корнилов и его люди наносили на карту неизвестные ранее науке реки, горные вершины, отмечали стратегические объекты, налаживали связи с местными цинскими чиновниками и организовывали агентурную сеть российских спецслужб.

Люди Корнилова предпринимали все зависящие от них меры, чтобы не попасть в поле зрения цинских властей. Но наблюдения со стороны британской разведки избе-

жать не удалось. Британский консул Маккартни постоянно информировал разведывательный департамент штаба британской армии в Индии об известных ему передвижениях русской группы.

Восемнадцать месяцев небольшой отряд из семи человек во главе с капитаном Корниловым обследовал пустыни и оазисы Восточного Туркестана, недоступные ранее путешественникам районы Тянь-Шаня вдоль границ Ферганы, Семиречья, Индии и Тибета. Неделями и месяцами по обожжённому солнцем и ветром краю передвигался маленький караван, возглавляемый «сухощавым крепким человеком», заносившим на карту все изгибы гор и рек и отмечавшим все капризы природы. У Корнилова была специальная инструкция, где определялись поставленные перед ним задачи, и прежде всего «сбор точных и обстоятельных сведений военно-политического характера о Кашгарии вообще и Сарыколе, в частности, а равно сбор тех же сведений о всех сопредельных с Кашгарией странах, причём имеете обратить особое внимание на деятельность везде там англичан и других»¹.

Русских разведчиков в Кашгарии интересовало буквально всё – местные глинобитные крепости и укрепленные пункты (Кашгар, Яркенд, Сугун, Байлур и др.); цинские вооружённые силы, их комплектование и организация; провиантские магазины и санитарные части; административное устройство, подати и повинности; численность, размещение и деятельность населения (земледелие, огородничество, садоводство, шелководство, скотоводство, рыболовство, горный промысел, ремёсла и пр.); степень религиозности и воинственности людей, населявших этот край; температура воздуха в разное время года и фауна; леса, горы (Тянь-Шань, Алай, Заалайский хребет, Кунлунь, Сарыкольский хребет, Карако-

рум), пустыни, солончаки и болота; реки, озёра и ключи. Особенный интерес представляли пути сообщения: с Памира, из Ферганы, из Семиречья, дороги внутри страны и в сопредельные территории. В этой экспедиции Корнилов продолжает совершенствоваться в восточных языках и наречиях², не забывая и о географических изысканиях. Он собственноручно составил план главного города Восточного Туркестана и его крепости Кашгара.

Результатом его успешной деятельности стала книга о Восточном Туркестане, изданная в 1903 году в Ташкенте³ и получившая высокую оценку в академических кругах России, в частности, известного историка-востоковеда академика В.В. Бартольда⁴. По данному региону эта книга и поныне является чуть ли не самым подробным страноведческим исследованием. Особенно внимательно изучали книгу англичане...

За результаты своей экспедиции в Кашгарии, отражённые в этой книге, автор был награждён орденом Святого Станислава III степени и стал действительным членом Русского императорского географического общества.

Во время русско-японской войны 1904–1905 годов Л.Г. Корнилов воевал с японцами в чине подполковника штаб-офицером при управлении 1-й стрелковой бригады на территории Китая, в Маньчжурии, где получил ранение. Во время Мукденского сражения в 1905 году бригада Корнилова прикрывала отход российской армии и попала в окружение. Возглавив арьергард, Корнилов штыковой атакой вывел бригаду из окружения, за что был произведён в звание полковника, а также награждён орденом Святого Георгия IV степени и именован Георгиевским оружием⁵. Так что он был знаком с Дальним Востоком не понаслышке. Кроме того, Корнилов владел китайским языком, а не только тюркскими, в то время преобладавшими в Восточном Туркестане. Всё это сыграло важную роль в его назначении российским военным агентом в цинском Китае, который переживал тогда очень напряжённое время – эпоху реформ и назревания Синьхайской революции...

Место работы Корнилова не ограничивалось Пекином, где находилось российское посольство. Его служба в Китае была многогранной и насыщенной событиями, так как в это время цинское правительство предпринимало попытки реформ, в первую очередь, в армии и на военно-морском флоте, что находилось под неустанным надзором русского правительства. Л.Г. Корнилову постоянно приходилось совершать поездки по стране, писать справки и отчёты. Он знакомился с повседневной жизнью и бытом китайцев, стремился понять особенности уклада и менталитет недостаточно знакомого ему великого народа. Он проводил время в поездках по стране, экспедициях в самые удалённые её уголки – Монголию, Илийский край и уже знакомую ему Кашгарию. Обо всём увиденном он писал многочисленные донесения-отчёты, которые отправлял в Генеральный Штаб и МИД Российской империи. Эти материалы сохранились в фондах РГА ВМФ⁶.

Л.Г. Корнилов отмечал перемены, происходившие в китайском обществе, в системе государственного управления, в вооружённых силах. В связи с этим он стремился показать, что теперь соседом России является не «спящий и курящий опиум гигант», но модернизирующееся государство, которое в перспективе могло бы стать или важным экономическим и военным партнёром Санкт-Петербурга, или новой угрозой.

Помимо выполнения стратегических задач, он не забывает и свои повседневные обязанности, помогая прибывавшим на китайскую землю российским офицерам-путешественникам. Интересно отметить, что здесь он познакомился с некоторыми в будущем известными политическими деятелями. Это, например, барон Карл Густав Маннергейм, будущий президент Финляндии, тогда полковник русского Генерального штаба и исследователь Центральной Азии, обогативший востоковедную науку своими открытиями и находившийся в 1906–1908 годах в научной экспедиции в Китае⁷. Это Чан Кайши, будущий генералиссимус и глава Китайской республики, тогда молодой офицер, направлявшийся на военную учёбу в

Японию, с которым Корнилов имел длительные беседы на приёмах в императорском дворце и российском посольстве...

Л.Г. Корнилов осматривал цинские войска, ознакомился с функционированием государственного и военного аппарата цинского Китая, его служб и ведомств. В рапорте от 24 марта 1908 года военный агент Корнилов сообщал, что, хотя в Китае появилось много новых боевых кораблей, тем не менее его флот все ещё далек от современных требований: «Насчитывая таким образом 66 вымпелов, китайский флот с первого взгляда представляет довольно внушительную силу, но на самом деле это не так: типы судов, входящих в состав флота, весьма разнообразны; многие суда, обладая весьма малым ходом, не представляют никакой ценности как современные боевые корабли»⁸.

Он познакомился с деятельностью китайского войскового гарнизона в Цицикаре, где находился с 4 по 6 июня, а также с военной школой и составил её подробное описание, о чём свидетельствует его отчёт от 10 июля 1909 года. Корнилов сообщает о мерах, которые цинское правительство собиралось предпринять для увеличения морской военной мощи Цинской империи, а также о деятельности японцев в Китае, в частности, в его пограничных с Россией районах⁹.

Заметное место в его отчётах и донесениях в Санкт-Петербург занимала флотская тематика, в которой он также хорошо разбирался, что делает ему честь, поскольку он был офицером сухопутных войск.

Л.Г. Корнилов приводит в своём рапорте очень интересный факт, характерный для политики цинского правительства, которое стремилось получить финансовую помощь от зарубежных китайцев для модернизации военно-морского флота. Летом 1907 года два лучших китайских крейсера были направлены с визитом в Гонконг (Сянган), в то время бывший колонией Великобритании на территории Китая, вьетнамский Сайгон, ставший колонией Франции, столицу королевства Сиама Бангкок, британскую колонию Сингапур и на остров Яву (под властью Нидерландов) с целью продемонстрировать китайцам-эмигрантам «флаг Дракона» и собрать с них по-

жертвования на реформирование флота. Самый торжественный приём этой эскадре был оказан в колонии Нидерландов Батавии на Малайско-Индонезийском архипелаге, но собрать планируемую сумму всё же не удалось¹⁰.

Тем не менее, как считал Корнилов, «наряду с реформами в деле администрации страны и создания новой сухопутной армии китайское правительство обратило за последнее время серьёзное внимание на морскую оборону страны»¹¹.

К числу наиболее активных сторонников реформ, в частности, модернизации и развития флота Л.Г. Корнилов относил одного из самых влиятельных политических деятелей цинского Китая того времени Чжан Чжидуна, взглядам и деятельности которого в рапорте российского военного агента была дана очень высокая оценка¹².

В других рапортах Л.Г. Корнилов представлял подробные отчёты и описание мероприятий цинского правительства по укреплению военно-морского флота и подготовке его личного состава, сообщал о приморских укреплениях и фортах Китая, военных гаванях и морских портах, его верфях и доках¹³. Так, в рапорте от 24 марта 1908 года сообщалось о корабельном составе цинского флота и распределении его по эскадрам. Вероятно, подобного рода рапорты-отчёты Корнилов как военный атташе писал каждый год, о чём свидетельствует его рапорт от 9 мая 1909 года о состоянии военно-морских сил империи Цин к началу 1909 года¹⁴.

Л.Г. Корнилов предупреждал российское правительство, что державы Запада и Япония старались использовать интерес цинского правительства к модернизации своего военно-морского флота для усиления своего влияния на Китай. По его информации, ещё в 1908 году в Китай прибыл представитель британских судостроительных компаний капитан Гук, который привёз китайской стороне предложения о постройке кораблей в Великобритании. Когда об этом узнали в других странах, так как цинское правительство уведомило об этом Германию, Австро-Венгрию и Японию, из города Триест на Адриатическом море, где располагались судостро-

фи Австро-Венгерской империи, прислали предложение от австро-венгерских властей о постройке военных кораблей для империи Цин. Об этом стало известно Корнилову, переправившему в Санкт-Петербург данную информацию, которая показала, как страны Запада вели борьбу за влияние на Китай¹⁵¹⁴.

Интересны собранные Корниловым документы, например, документ от 25 апреля / 5 мая 1909 года о проекте цинского вице-короля Маньчжурии об учреждении флотилии канонерских лодок на пограничных с Россией реках Амур, Сунгари, Уссури, Тумен-Ула и формировании в этих районах особых подразделений цинской армии, так называемых речных войск¹⁶.

Объектом пристального внимания Л.Г. Корнилова были преобразования и изменения в системе организации и управления военно-морских сил цинского Китая, а также их штаты и назначения на командные должности. Об этом свидетельствует его рапорт от 3 января 1911 года, из которого очевидно то значение, что придавало военно-морскому флоту цинское правительство после того, как 21 ноября 1910 года морским министром был назначен представитель правившей в Китае маньчжурской династии Цин – принц Цзай-сюнь¹⁷.

Изданная в 1911 году Корниловым в штабе Иркутского военного округа книга «Вооружённые силы Китая» подводила итоги его наблюдений: «Реорганизация государственного строя Китая, начатая 20 лет тому назад императором Гун Сюем... в последнее время пошла с удвоенной быстротой. Реформы намечены и производятся во всех отраслях государственной жизни, но наиболее осязаемые результаты достигнуты пока в области военного дела в области создания и переустройства вооружённых сил Империи»¹⁸.

Деятельность Лавра Георгиевича в Китае получила высокую оценку не только правительства России, но и иностранных держав: за время своего пребывания на дипломатической службе в Китае он был награждён не только российскими, но и британскими, французскими, германскими и японскими наградами. Но, вместе с тем, его служба на

дипломатическом поприще не прошла без конфликтов – он серьёзно поссорился с главой российского посольства, недовольным его, как казалось послу, излишней самостоятельностью и нарушениями дипломатического этикета.

Всё это вылилось в определенное «двоевластие» военного атташе и посла и закончилось летом 1910 года отставкой Корнилова с поста военного агента и его отъездом в Россию. Своё возвращение он, по собственной инициативе, превратил в новое пятимесячное путешествие через Монголию и Восточный Туркестан, где «проинспектировал» китайскую пограничную стражу и заметил настороженное отношение местных властей Монголии, обладавшей статусом автономии в Китае, к его центральным властям. Это имело большое значение для дипломатии России в регионе, благодаря поддержке которой Монголия добилась этого статуса.

Блестящим завершением китайской эпопеи полковника Л.Г. Корнилова можно считать доклад на тему «Военные реформы в Китае и их значение для России», прочитанный им в Генеральном Штабе Российской армии¹⁹. За службу военным атташе в Китае Л.Г. Корнилов был удостоен ордена Святой Анны II степени.

На этом, можно сказать, закончился этот яркий этап жизни Л.Г. Корнилова, если не считать его последующее пребывание в Маньчжурии командиром отряда российского Корпуса пограничной стражи, охранявшего Китайско-Восточную железную дорогу, хотя здесь разведывательной и дипломатической деятельностью ему уже не пришлось заниматься.

Таким образом, в материалах РГА ВМФ и РГВИА, основанных на донесениях российского военного агента или, говоря современным языком, военного атташе полковника Л.Г. Корнилова, служившего в цинском Китае в аппарате российского посольства в Пекине, отражены события на Дальнем Востоке в 1907–1911 годах. Хотя полковник Л.Г. Корнилов находился на посту российского военного агента сравнительно небольшой отрезок времени, всего пять лет, его заслуги перед Отечеством как на поприще ди-

пломатии и военной разведки, так и в области изучения Китая и его национальных окраин трудно переоценить. Он оставался верен себе, отдавая все свои силы, опыт и знания на службу России, о чём и свидетельствуют материалы российских архивов.

Примечания

¹ Вооружённые силы Китая в Кашгарии. Ташкент. Изд. Штаба ТуркВО, 1902. Вып. XXXII–XXXIII.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 6. Д. 149. Л. 39–60. Краткий отчёт о поездке по Северной Монголии и Западному Китаю.

³ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Тип. Штаба Туркестанского военного округа. Ташкент, 1903.

⁴ Бартольд В. [Рецензия] Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края; Корнилов Л. Кашгария или Восточный Туркестан // Записки Восточного Отделения императорского Русского Археологического общества. Том XV. 1092–1903. СПб., 1904. С. 0131–0137.

⁵ Рунов В. Легендарный Корнилов. М., 2014; Бондаренко В.В. Лавр Корнилов. М., 2016 (серия «Жизнь замечательных идей»); Севский В. Генерал Корнилов. Р.-на-Дону, 1919.

⁶ Россия и Китай в документах Российского государственного архива Военно-морского флота (конец XVII – начало XX в.). М., СПб., 2023. С. 190, 193, 194, 196, 200.

⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 1902. Подлинник, 99 фотографий. Фотографии северных провинций Китая, выполненные во время путешествия полковника барона К.Г. Маннергейма.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3872. Л. 12–17. Рапорт военного агента в Китае полковника Л.Г. Корнилова о составе китайского флота и распределении его по эскадрам. Копия.

⁹ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3879. Л. 2–4об. Копия. Сведения об осмотре военным агентом в Китае полковником Л.Г. Корниловым в период с 4 по 6 июня войск в Цицикаре, в т. ч. школы с её подробным описанием; о мерах, которые планируется выполнить для увеличения морских сил Китая, а также о деятельности японцев, в т. ч. в приграничных районах с Россией (из рапорта командующего Амурской флотилией капитана 1 ранга А.А. Кононова).

¹⁰ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3880. Л. 4–24. Подлинник (отсутствует первая страница). Рапорт военного агента в Китае Л.Г. Корнилова о состоянии китайского флота и мерах по его усилению. К рапорту прилагаются извлечения из устава общества по сбору пожертвований на флот среди китайцев, проживающих на острове Ява.

¹¹ Там же. Л. 14об.

¹² Там же. Д. 3880. Л. 4–21.

¹³ Там же. Д. 3878. Л. 1–9.

¹⁴ Там же. Д. 3872. Л. 20. Рапорт военного агента в Китае полковника Л.Г. Корнилова о состоянии китайского флота к началу 1909 г. Фрагмент подлинного рапорта.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3873. Л. 2–3об. Письмо морского агента в Японии и Китае старшего лейтенанта А.Н. Воскресенского начальника Морского генерального штаба А.А. Эбергарду о пребывании в Китае, ознакомлении с рядом документов, собранных военным агентом в Китае полковником Л.Г. Корниловым, в т. ч. о проекте вице-короля Маньчжурии об учреждении флотилии канонерских лодок на реках Амур, Сунгари, Уссури и Тумен-Ула и образовании особого рода так называемых речных войск в этих районах. Подлинник.

¹⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3885. Л. 5–8. Рапорт военного агента в Китае полковника Л.Г. Корнилова о преобразовании китайского Морского комитета в Морское министерство, его штатах и назначении 21 ноября 1910 г. на должность морского министра принца Цзай-сюня, который возглавлял Морской комитет. Копия.

¹⁸ Корнилов Л.Г. Вооружённые силы Китая. Иркутск, 1911.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8474. Военные реформы Китая и их значение для России.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-61-68

Н.А. Мышов

«СРЕДИ ПЛЕМЁН НЕНАВИСТЬ К АНГЛИЧАНАМ... ПЕРЕДАЁТСЯ ИЗ РОДА В РОД...»

16 апреля 1921 года в Москве на Казанском вокзале было, как всегда, многолюдно. Однако даже при таком скоплении народа обращало на себя внимание обилие людей в морских бушлатах. Они грузились в отдельно стоящий эшелон. Погрузкой руководили высокий военмор и молодая красивая женщина. Это были бывший командующий Балтийским флотом Фёдор Раскольников¹ и его жена, бывший комиссар Морского Генерального штаба Лариса Рейснер². По слухам, все они направлялись в Афганистан.

Среди провожающих был замечен В.В. Маяковский. Н.С. Гумилёв, прощаясь с Л.М. Рейснер, якобы сказал, что его сердце и шпага с ними. А поэт О.Э. Мандельштам хотел непосредственно принять участие в афганском вояже, но ему было отказано, поскольку личный состав миссии был укомплектован бывшими моряками-кронштадтцами³. Многие из них, окружавших в тот момент Раскольникова, прибыли на вокзал непосредственно из застенков ВЧК, куда они попали по обвинению если не в участии в подавленном Кронштадтском мятеже, то, по крайней мере, в сочувствии его участникам⁴.

Даже сам Раскольников, герой Гражданской войны, незадолго до восстания снятый с должности и находившийся на Юге России, был обвинён руководством Петрограда в развале военно-морского флота на Балтике и попустительстве мятежникам. Лидер питерских коммунистов Г.Е. Зиновьев не мог простить боевому моряку поддержку им позиции председателя РВСР Л.Д. Троцкого в партийной дискуссии о профсоюзах. Спас его только сильнейший кадровый голод молодой Республики, выходявшей из дипломатической изоляции, в которой она находилась в период Гражданской войны.

Сразу же после подавления Кронштадтского мятежа были установлены дипломатические отношения с Персией. Велись ус-

пешные переговоры о заключении договора между РСФСР и Турцией. Налаживались контакты с Афганистаном⁵.

Молодой и энергичный эмир Амануллахан, сменивший прежнего пробритански настроенного эмира, стремился проводить независимую внешнюю политику своей страны и выступал сторонником внутренних реформ, которые позволили бы укрепить внешнеполитическую позицию Афганистана. В этом он получил поддержку Советской России, которая признала его суверенные права, что позволило начать переговоры о заключении советско-афганского соглашения. И уже 28 февраля 1921 года в Москве состоялось подписание договора между Россией и Афганистаном, а 13 августа 1921 года советско-афганский договор был ратифицирован. Согласно этому документу каждая из договаривавшихся сторон признала государственную независимость другой стороны. Теперь они должны были обменяться дипломатическими представителями⁶.

Лучше всего на должность советского посла в Афганистане на тот момент подходил Ф.Ф. Раскольников. Его кандидатура устраивала всех, поскольку, с одной стороны, давала возможность Л.Д. Троцкому спасти своего сторонника от возможных репрессий, а, с другой стороны, позволяла Г.Е. Зиновьеву безболезненно убрать из Питера своего противника, продолжавшего пользоваться авторитетом на Военно-Морском Флоте.

Назначение Раскольникова на должность полномочного представителя (полпреда) РСФСР получило полное одобрение Наркомата по иностранным делам в лице наркома Г.В. Чичерина и его заместителя Л.М. Карахана. Их основным доводом в поддержку было то, что их «ведомству катастрофически не хватало образованных партийцев, знающих иностранные языки, Раскольников

же – человек с двумя высшими образованиями, знал французский, немецкий, английский, в университете к тому же изучал восточные языки...»⁷.

Всё это непростое для Раскольниковва время рядом была его жена Лариса Рейснер. Она буквально ни на минуту не оставляла его, морально поддерживая и помогая в налаживании советско-афганских отношений. С ним она поехала в Афганистан.

В Кабул советская миссия прибыла в июне 1921 года. Причём практически вторую половину пути ей пришлось преодолеть верхом, что было не просто для бывших моряков⁸. Но все дорожные неудобства были компенсированы доброжелательным приёмом, который оказали советской делегации, и в частности Федору Раскольникову и его жене, эмир Афганистана Аманулла-хан и его окружение, прежде всего министр иностранных дел Махмуд Тарзи. И это несмотря на то, что за полгода до этого в начале января 1921 года в Кабул прибыла миссия Генри Доббса – чрезвычайного уполномоченного Великобритании, в задачи которого входило вбить клин между РСФСР и Афганистаном. С этой целью он пытался использовать факт победы Советской власти в Бухаре и самого бухарского эмира, бежавшего в марте 1921 года на территорию Афганистана с 10-тысячным войском и 18 подводами драгоценностей⁹.

Доббс требовал удаления советской миссии из страны, обещая взамен содействие в заключении договора о признании Англией независимости Афганистана. При этом он использовал подкуп афганской элиты¹⁰. Разворачивая антисоветскую работу в Афганистане, британская дипломатия стремилась обезопасить свои колониальные владения в Индии. Английское правительство пугала идея мировой революции, с которой широкоуничтожительно выступал Лев Троцкий, чьим сторонником на тот момент являлся новый советский дипломат. Британцы стремились превратить Афганистан в своеобразный буфер, подобный тому, который страны Запада создали в Европе из приграничных с РСФСР государств. Он также рассматривался ими как плацдарм для различного рода

враждебных действий против Советского государства и дружественных ему стран.

Поэтому сразу же по прибытии в Кабул советский дипломат постарался довести до сведения Амануллы-хана и его свиты позицию советского правительства, изложенную в инструкции Наркоминдела РСФСР. В ней декларировалось: «Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у Вас другой; у нас одни идеалы, у Вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодеятельности наших народов... Мы не вмешиваемся в Ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самодеятельность Вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии Вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать Вашему народу такой программы, которая ему чужда в нынешней стадии его развития»¹¹. Исходя из этих принципов, Федор Раскольников и начал строить отношения с афганским правительством.

В этом ему большую помощь оказала Лариса Рейснер. Не имея возможности непосредственно воздействовать на ход дипломатических переговоров, она на правах супруги посла познакомилась с любимой женой эмира и его матерью и завязала с ними тесные дружественные отношения. Поскольку обе эти женщины играли важную роль в жизни кабульского двора, то через них она смогла не только получать ценную информацию обо всех придворных интригах, но и влиять на политическую обстановку в Кабуле¹². Она установила «связи с офицерами британской армии» из окружения Доббса. Возможно, по этим каналам поступила в советское полпредство информация о готовящемся заговоре против Амануллы-хана, о котором Раскольников своевременно предупредил афганского руководителя¹³. После этого инцидента доверие эмира к советскому дипломату значительно возросло, и баланс сил в Афганистане стал, как отметил в конце 1922 года нарком Г.В. Чичерин, постепенно «нарушаться» в советскую сторону¹⁴.

Таким образом, совместными усилиями супружеской чете удалось расстроить планы

английской дипломатии по дискредитации советской внешней политики в Афганистане и добиться значительных успехов на этом поприще. Уже 11 августа 1921 года Лойяджирга (Совет старейшин афганских племён) одобрила советско-афганский договор, вступивший в силу и ратифицированный через три дня эмиром. 1 сентября афганское правительство заявило об отказе от подрывной пропаганды в пределах РСФСР и Туркестанской Советской Республики. Летом 1922 года Аманулла-хан призвал афганцев, участвовавших в набегах басмачей на советскую территорию, вернуться к домашним очагам, угрожая жестоко расправиться с ослушниками¹⁵.

Однако по мере того, как отношения между двумя соседними государствами налаживались и жизнь советской дипломатической миссии всё более и более приобретала рутинный характер, в семье Раскольниковых стал назревать кризис. Два незаурядных энергичных человека, Фёдор Раскольников и Лариса Рейснер не могли существовать в условиях размеренного быта и покоя. Как только исчезло ощущение новизны в восприятии восточной экзотики и ослаб накал дипломатических баталий, ими овладели скука и тоска по Родине, где по-прежнему шёл «последний и решительный бой». Особенно тяжело переживала оторванность от активной общественно-политической деятельности Лариса Рейснер. Энергия, кипевшая в ней и толкавшая её на подчас безумные поступки, искала выхода. Не спасали даже занятия литературой, на которые прежде не хватало времени. Размеренное течение жизни и убаюкивающий покой Востока вызывали раздражение и досаду. Все это приводило к нелепым семейным сценам. Ситуация ухудшилась после её неудачных родов¹⁶. В конце концов весной 1923 года буквально верхом на коне она сбежала в Россию, откуда прислала мужу письмо с предложением о разводе.

В течение всего периода пребывания в Афганистане супружеская чета Раскольниковых вела активную переписку с Л.Д. Троцким. Особенно донимала его своими письмами Лариса Рейснер. В бумагах секретариата

председателя РВСР – РВС СССР, отложившихся в фондах Российского государственного военного архива, сохранились многочисленные к нему её обращения, как частного, так и творческого характера. В них она вспоминала бурные события Гражданской войны, делилась своими впечатлениями о восточной экзотике, сетовала на застой и рутину афганской жизни, умоляла отозвать её в Россию, чтобы она могла вернуться к активной творческой работе¹⁷.

Публикуемый отрывок дневника, который Л.М. Рейснер направила Л.Д. Троцкому, долгое время находился на закрытом хранении и впервые вводится в научный оборот. Он лёг в основу последующей книги очерков «Афганистан», который Лариса Рейснер выпустила по возвращении в Советскую Россию. Она стала частью творческого наследия писательницы, в которое вошли такие произведения, как «Фронт», «Железо, уголь и живые люди», «В стране Гинденбурга». Письмо было написано в декабре 1922 года и в некотором роде стало пророческим. Фразой «А Вы тогда будете жить на острове Св. Елены» эта «мятежная женщина» предсказала изгнание Троцкого из Советской России, подобно тому, как Наполеон был сослан на остров Святой Елены, где закончил свой жизненный путь.

Этот документ даёт яркий срез жизни афганского общества, показывает накал дипломатического противостояния, которое наблюдалось тогда между РСФСР и могучей колониальной империей, каковой в то время была Великобритания.

Документ дан в авторской редакции с учётом рабочих правок, внесённых Л.М. Рейснер по замечаниям Л.Д. Троцкого.

Отрывок из афганского дневника Л.М. Рейснер. 1922 г.

18 декабря. Кабул¹⁸.

Посылаю Вам, Лев Давыдович, отрывок из моего кабульского дневника. Это – кусочки битого стекла, пёстрые и яркие *только если*¹⁹ на них ложится свет горячего солнца.

Между прочим, когда я буду великой женщиной и знаменитой писательницей, я ни разу не отвечу ни одной строчкой на Ваши дружеские письма, даже, если их будет целых пять. А Вы тогда будете жить на острове Св. Елены и при том в дискуссионном порядке.

И ещё одно. Спасибо Вам за речь на Коминтерне. Хоть наш домик в горах довольно часто шатается и дрожит от настоящих, а не дипломатических землетрясений и притом очень сильных, мы себя почувствовали прочно и как-то обоснованно. Приятно знать, что и другие держатся на вулкане.

I²⁰

Из Индии пришли племена на зимнее кочевье, гоня перед собой спокойных горных быков, ослов и верблюдов, гружённых домашней утварью и палатками. Среди голодных ремесленников Кабула они выглядят, как герои. Высокого роста, прекрасно сложенные, с профилем греческих богов, позолоченным солнцем Индии – они носят чёрные волосы до плеч, ровно подстриженные над лбом и на висках. У каждого за плечом винтовка, обернутая пёстрым чехлом. Это – оружие отнято у англичан где-нибудь в лесной засаде или во время непрерывных восстаний, воспаляющих границы. Среди племён ненависть к англичанам также передаётся из рода в род, как благородная македонская кровь, текущая в их жилах. При виде автомобиля сэра Доббса, посла, они поднимают вверх своё оружие и молча потрясают им над головой: в течение ста лет с лишним независимый и воинственный народец защищается без поддержки извне, без надежды на победу, от нашествия регулярных армий и карательных экспедиций.

Здесь в Кабуле племена являются гостями, которых боятся и которыми дорожат. Кочевникам отдают на время их стоянки старинный дворец и сад императора Бабура, первого из Великих Моголов. У его глиняных ворот по вечерам можно видеть²¹ ... женщин с открытым лицом, гордым, неподвижным, кованым из меди. Никто не смеет оскорбить хотя бы взглядом этих бесправных цариц нищего разбойничьего стана. По

дорогам они встречаются верхом на ослике, в красных шароварах и чёрном плаще, невозмутимые и прекрасные. Рядом идёт муж, направляя животное и поддерживая стан своей азиатской Марии, у которой на руках спит смуглый маленький Вишну. Она не носит чадры, и фанатическое мещанство базара и мечети не смеет оспаривать гордый обычай, установленный горцами. Байрам (праздник) совпадает с приходом племён, и оно празднует его три дня неистово и одурённо. Через город идут вооружённые толпы²² ... с барабанами и флейтой, приводящей в неистовство своим мотивом крови и пляски, ... *выйдя*²³ за город²⁴ ... два танцора начинают вакханалию. Во главе племени, рядом с музыкантами, они вращаются то в одну, то в другую сторону без перерыва и меняя направление с поразительной плавностью. За ними молодые люди *несутся*²⁵ легкими высокими прыжками, подымая оружие с каким-то сладострастным криком. Поля, с которых только что снят хлеб, как бы покрыты тлеющими углями. Везде скрип ярма и топот волов, и нежный скрип водяных мельниц, перетирающих зерно в жемчужную пыль.

Племя останавливается в тени шелковистых ив и начинает танец жатвы, войны и осени. Мужчины становятся в три ряда, барабан усиливает свой сухой треск. Со всех соседних полей на этот зов бегут жнецы: они несутся прыжками с ножом или копной пшеницы в руках. Старик руководит священным танцем – по его слову цепь смыкается в круг, юноши раскачиваются из стороны в сторону с опущенной головой. Чёрные их волосы при каждом движении взлетают, как языки чёрного огня. Они кружатся с обнаженными ножами, изображая битву или пожар. Они побеждают или, прижимая руку к мнимой ране, показывают смерть с хохотом, с мстительным рычанием, подбрасывая тело, которое до последнего вздоха послушно воле. Они делают всё более быстрые и сладострастные движения. Это – жнецы на снопах золотого хлеба берут своих жен, готовя будущий урожай. Барабан завершает всё протяжным воплем, и женщины, столпившиеся на краю дороги, неприступной

чёрной толпой молча смотрят на мужчин, которые лежат как бы у их ног, в пыли, охваченные мистической спазмой, изнеможением, молитвенным обмороком.

После этого праздника поля пустеют, ночи принимают ледяной – горы железный отенок. Озимые хлеба, которые с поразительной скоростью затягивают плоские пашни своим зелёным сукном, не могут остановить смерть лета. С гор, от ледников на долину движутся непонятные студёные грозы с молниями, завернутыми в снежные пелены, с клубами тумана. Утром он течёт через морозные края гор, переполненных им, как чаша. Брызжит холодный дождь, голодные орлы спускаются к самой земле, и листья падают с шумом, одинаковым во всём мире.

II

Солнечно – может быть в последний раз. В саду светло, как во дворце от тысячи синих оконцев, вырезанных в листе. Ещё пахнет яблоками, ещё шелестят листья – трава пьёт воду и ветер. Небо синее от снега, которого напиталось, глубже от метелей, растаявших где-то под самым его сводом. Дрозды купаются в тёплой пыли и разлетаясь открывают бело-чёрные детские веера, спрятанные под крыльями. Все вершины трепещут, раскачиваются и шепчут, полные говорливых птиц, ...²⁶ их шумной драчливой любви. Это какая-то китайщина, вышитая, выточенная и утончённо раскрашенная: стволы, переплетённые, причудливые, узловатые. Кудри краснеющих листьев, стрелы поющих и летающих птиц, нескончаемая синева, тепло и равномерное повышение неба.

III

Английский посол сидит на трибуне, недалеко от Эмира и спокойно улыбается ...²⁷ неопределённо-чёрному взгляду, который так часто на нём останавливается – скрытый азиатский взгляд. Рядом члены его миссии: рыжий ирландец, сухой с неправильной фигурой – мистер Арчибальд. Из-под белого шлема видны жёсткие усы, жёсткие глаза, светлые и безразличные ко всему от вчерашнего виски. Все они держатся неприну-

ждённо, среди всеобщего настороженного внимания. Их серые костюмы, как бы покрытые пылью всех дорог, которыми Великобритания шла в Азию – тускло выделяются среди гобеленов Дели и Мадраса, которыми убраны потолок и стены. Там вышиты серебряные слоны с лицами мудрецов и магов, там птицы качаются на светлых шёлковых ветвях, и голубое небо древнего Индостана заплетено потоками цветов. Сэр Генри вдруг становится прям, почти чопорен, почти страшен – но ...²⁸ делает две приветливых рытвины вокруг рта, несколько тающих морщинок ... у²⁹ холодных глаз. Затем, выждав минуту, он снимает шляпу и кланяется послу Советской России. Никто за ним не наблюдает, о, нет. Эмир, приложив бинокль к глазам, увлечён скачками. Чёрные муллы и судьи сидят отдельной толпой и как-то безжалостно наблюдают народ – и народ дивится книжникам. Богатейшие купцы не шевельнутся в своих парчовых халатах – ведь, весь базар видит их рядом со знатью. Трепещут зелёные, жёлтые, огненные флаги сердаров – ах, деньги, иногда, приносят большое счастье. Купцам слышится мелодическое течение золота в криках толпы, в окриках стражи, в каждом слове благородных соседей. Несколько вельмож и министров беспечны, непринуждённые, разговорчивы – это те, которые приняли секретную субсидию сэра Доббса и теперь испытывают вечный страх. И все-таки, ...³⁰ трибуна, не глядя, видит только этих двух людей, обменявшихся поклоном. Вдруг брат Эмира, выродец, единственный мужчина этой семьи, имеющий права на престол и оставленный в живых – раздражается визгливым смешком: точно он дотронулся до горячего железа – так эта чужая ненависть обожгла и раздражила его слабые нервы. Двор не замечает этой выходки. Эмир весел. Он шутит, держит пари, жадно выигрывает и теряет с неохотой. Ему приводят жеребцов-арабов, цвет кабульской конюшни. Они дрожат от благородного избытка сил, косят прекрасными глазами, похожими на человеческие, наставляют уши, выгнутые, сильные, маленькие, ...³¹ как на античных статуях. С подбострастной улыбкой на них одевают при-

зы, их ласкают; опальные старики, потеряв чувство меры, ищут взгляда царственных животных. Испуганный, назойливым жестом, конь встаёт на дыбы, раздувает, как цветы, свои розовые ноздри и ржёт с отвращением. Его уводят.

Сэр Генри несколько озадачен: никогда ещё «Его Величество» публично перед всем народом не был с ним так ласков. Его балуют, его выделяют. Посол привык опасаться излишней любезности восточных людей – но его успокаивает сухой и раздражённый вид русского посла. В восторге окончательно побеждённый Доббс подымает на руки маленькую дочь Эмира – ему нравятся её громадные глаза, жёсткие длинные кудри, изумрудная шубка. Он идёт дальше и заговаривает с бухарским послом, ...³² большевиком и плохим мусульманином. Все это, не взирая на соседство свергнутого Бухарского эмира, который принуждён сидеть рядом с представителем своей взбунтовавшейся метрополии, и целый Кабул наслаждается этим зрелищем. Бухарский посол – бывший мулла, а ныне расстрига, известный своими восточными нравами, что особенно комично при ханжеской мине, которую он сохранил по привычке. Революция шутит иногда презлые шутки: здесь на окраине мира её великая власть сказала в том, что бывший ... *поп*³³ сманил у ... *бывшего царька*³⁴ всех его Адонисов кофейного цвета.

Сэр Доббс улыбается сдвинутым бровям высокого эмигранта и его ...³⁵ лицу, ... *искажённо*³⁶ политической и иной ...³⁷ не менее естественной ревностью. Едва заметно пожимая плечами, он как бы говорит: «Милый мой, учись ладить с врагами. Смотри, как я великолепен. Меня ненавидят и всё-таки осыпают любезностями. И кроме того ты дурак, не сумевший удержать свою власть».

Сэр Доббс не любит Кабул, где ему пришлось жить под вечным домашним арестом, выходя из дому не иначе, как под охраной нескольких солдат с примкнутыми штыками. Но сегодня! Право-же он был несправедлив к этому прекрасному городу. Горы сияют вечными снегами, небо полно тепла, опавшие листья, земля, одежды, пропитанные пряными запахами, дают острый, ори-

гинальный, возбуждающий букет. Сэр Генри незаметно погружается в мечту. Он видит себя победителем: большевики, в результате его мудрой политики, изгнаны из Афганистана. Они снимают флаг с высокой мачты своего посольства, противный красный флаг – укладывают в чемоданы гнусную литературу – и караван трогается, звеня бубенчиками, подымая облака пыли. А вот и другая картина – заседание верхней палаты, доклад министра иностранных дел о большой дипломатической победе, рукоплескания, интервью, пэрство и, наконец, орден, испускающий лучи славы и милостей. Чёрт возьми, хорошо жить на свете! В порыве доброты посол даже поставил десять золотых на коричневого старого слона, расписанного мрачными арабесками – но проиграл. Молоденькая слониха, выкрашенная в красный цвет, изогнула крохотный пурпурный хвостик и, пользуясь мудрой уступчивостью семьи, пришла первой. На её спине восторжествовал седой старичок в высокой остроконечной шапке. Но что такое десять золотых перед пэрством и орденом! Сэр Генри ссыпал червонцы в протянутую руку эмира с обворожительной легкостью, подумавши при этом: «Милый, ты мне дашь гораздо больше».

Солнце достигло зенита, бросило вниз ливень отвесных лучей и пошло к закату. Фокусники успели показать все свои штуки: проглотили шары и выплюнули свертки шерсти; купцы допили свой чай в пёстрых ларях, обсуждая цены на виноград и каракуль, сыщики на велосипедах прорезали толпу во всех направлениях, генералы стрелой пролетели по полю к своим выстроенным полкам, народ получил тысячу тумачков от скороходов, разгоняющих толпу перед знатными лицами. Словом, трёхдневный праздник независимости стал приближаться к своему концу. Но как раз в это время толпа раздвинулась и появились «племена». Они пришли, чтобы танцевать перед эмиром свой знаменитый национальный танец. Среди них особенным искусством выделился подросток барабанщик, дирижёр и музыкант воинственного балета. Худой, с откинутой назад характерной греческой головой, он

подходил по очереди то к одному, то к другому ряду танцующих, трепеща всем телом в такт неистой плясовой, глаза он щурил и это как бы опустило на лоб и веки выражение иступленного полусна, сладострастной дремоты. Он улыбался блаженно и бессмысленно, но с напряжением, точно у птицы, уснувшей на лету, потерявшей сознание от глубины и высоты неба, но продолжающей плыть на мерных и сильных крыльях.

Окончив свой танец, племена сели в круг, и началось пение национальных песен, которые хор громогласно повторял за певцом: песен, посвящённых ненависти к Англии, борьбе с Англией, угрозам против Англии, прославлению независимости, религии и большевиков. Сэр Доббс не смутился – радость русских, злорадство двора и тысячной толпы, даже неистовое сочувствие эмира скользнуло по его закалённым нервам, оставив самую незначительную царапину. Просто ему стало стыдно за свою недогадливость, за несколько слишком искренних выражений лица, которые теперь предавались всеобщему посмеянию. Черты его одеревенели и глаза стали снимать аккуратные фотографические снимки с певцов³⁸, откладывая их в памяти туда, где до поры, до времени сохранялись образы Ганди, братьев Али и нескольких неподкупных панисламистов. Правда, песни племён были очень дерзки, и огромная толпа народа упорно старалась прочесть на лице англичан результат этих оскорблений. Но едва ли прочла бы³⁹ что-нибудь на их равнодушной маске, если бы сэр Генри вдруг не узнал оружие, которым во время пляски и пения размахивали племена. Это были винтовки английского образца, офицерские револьверы и кобуры. Смерть плясала перед ним, смерть его соотечичей, друзей, может быть близких. И в течение часа ещё сэр Доббс испытал невыразимые мучения. Ему хотелось вскочить, позвать полицию, одеть наручники, временами это желание возмездия и немедленной казни превращалось в настоящее головокружение. А племена в своём народном гневе бросали ему в лицо эпические строфы: «Мы сотрём Вас с лица земли, мы вернём свои земли и жилища. На свете есть, слава Богу, русские,

которые нам помогут». Он слушал, и когда ревер оканчивался, аплодировал вместе с другими, не позволяя дрожать своим рукам.

В тот же вечер сэру Доббсу было объявлено, что англо-афганский договор подписан; договор невыгодный и непрочный, выпрошенный Англией у своего вчерашнего вольноотпущенника. Это была большая и радостная весть. Но глядя мутными глазами в своё виски сэр Генри не обнаружил никакого восторга. В этот дурной час ему грезилась золотая Индия, охваченная пляской огня. И на маленьком барабанчике был надет шлем, серый френч и ботфорты его самого, сэра Генри Доббса, пэра и кавалера нескольких имперских орденов.

Да, вот какие бывают праздники в Кабуле.

Лариса Рейснер

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 13. Л. 45–53. Подлинник. Машинопись. Черный шрифт.

Примечания

¹ Кольцов П.С. Федор Раскольников. М.: Политиздат. 1990. С. 18–19.

² Пржиборская Г.А. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия. 2008. С. 375–376.

³ Кольцов П.С. Федор Раскольников. С. 18–19.

⁴ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997. С. 19–20.

⁵ История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) М. – Ленинград: ОГИЗ, 1945. С. 108–109.

⁶ Там же. С. 109–110.

⁷ Савченко В.И. Отступник: драма Федора Раскольникова. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 193.

⁸ Кольцов П.С. Федор Раскольников. С. 21–24.

⁹ Там же. С. 16–29.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Никулин Л.В. Люди и странствия. Воспоминания и встречи. М., 1962. С. 109; Кольцов П.С. Федор Раскольников. С. 26. Радек К.Б. Лариса Рейснер // Луначарский А.В. и др. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 315.

¹³ *Порецки Э.* Тайный агент Дзержинского. М., 1996. С. 70; *Савченко В.И.* Отступник. С. 212–213.

¹⁴ *Кольцов П.С.* Федор Раскольников. С. 162–163.

¹⁵ История дипломатии. Т. 3. С. 110–111.

¹⁶ *Порецки Э.* Тайный агент Дзержинского. С. 70; *Савченко В.И.* Отступник. С. 212–213.

¹⁷ Отечественные архивы. 2003. № 3. С. 85–93.

¹⁸ Вписано от руки.

¹⁹ Зачёркнуто слово «когда», вписано «только если».

²⁰ Вписано от руки.

²¹ Зачеркнуто слово «их».

²² Зачеркнуто слово «мужчин».

²³ Зачеркнуто слова «они идут», вписано «выйдя».

²⁴ Зачеркнуто «и».

²⁵ Зачеркнуто слово «несутся».

²⁶ Зачеркнуто «и».

²⁷ Зачеркнуто слово «тому».

²⁸ Зачеркнуто слово «лицо».

²⁹ Зачеркнуто слово «возле», вписано «у».

³⁰ Зачеркнуто слово «вся».

³¹ Зачеркнуты слова «с подобострастной улыбкой».

³² Зачеркнуто «с этим».

³³ Зачеркнуто слово «мулла», вписано «поп».

³⁴ Зачеркнуты слова «Эмира Бухарского, попавшего в изгнание», вписаны «бывшего царька».

³⁵ Зачеркнуто слово «искажённому».

³⁶ Зачеркнуты слова «и старанием скрыть это», вписано «искажённому».

³⁷ Зачеркнуто слово «более».

³⁸ Вписано от руки.

³⁹ Вписано от руки.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-69-74

Ю.Н. Тихонов

НОВЫЙ АРХИВНЫЙ ИСТОЧНИК О СОВЕТСКО-АФГАНСКОМ СПОРЕ ИЗ-ЗА КРЕПОСТИ КУШКА В 1922 г.

В истории международных отношений XX века значительный след оставили ошибки глав государств, партий, а также лидеров различных этнических и религиозных группировок. К ним смело можно отнести многие решения большевиков и их лидера В.И. Ленина¹, которые на десятилетия осложнили ситуацию в Центральной Азии. «Кушкинский вопрос» в советско-афганских отношениях 1920–1930-х гг., реанимированный неосмотрительным обещанием Ленина в ноябре 1919 года в письме к афганскому эмиру Аманулле-хану² «восстановить справедливость, поправленную бывшими правительствами русских царей», относится именно к таким «ошибкам вождей»³.

В советское время этот эпизод старательно замалчивался, и лишь в наше время началось его объективное освещение⁴. Всестороннее изучение вопроса о возможной передаче советской стороной пограничной крепости Кушка Афганистану в начале 1920-х годов из-за различных ограничений в отечественных архивах произойдёт не скоро, но большая часть этой работы сделана, и можно надеяться, что расширение документальной базы позволит отечественным востоковедам сделать новые открытия по данной теме.

Ленинское «полуобещание» было умело использовано афганской стороной для выдвижения вновь своих претензий на оазис Пенде с крепостью Кушка, являвшейся фактически ключом российской обороны всего Туркестана. Отдавать столь важный стратегический пункт и объект советское правительство не хотело, но не могло об этом открыто заявить Аманулле-хану. Как позднее, в сентябре 1921 года писал нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин⁵ Ленину, негласно в Москве в конце 1919 года было принято решение, что «специальная комиссия в Ташкенте найдёт какие-либо куски территории, которые можно было бы отдать Афганистану без вреда для Туркестана»⁶. Однако афганцам нужна была Кушка...

Выдвигая явно завышенные претензии на возврат «афганских земель», Аманулла-хан смог настоять на том, чтобы статья о том, что «Россия соглашается передать Афганистану принадлежащие ему в прошлом столетии земли пограничного района» вошла в первый советско-афганский «Договор о дружбе» 1921 года⁷. Правда, полпред Я.З. Суриц⁸ и Чичерин включили в статью IX данного договора положение о «принципах справедливости и свободного волеизъявления народов, их населяющих», а оазис Пенде вообще прямо не упоминался. Благодаря этой дипломатической хитрости решение пограничного вопроса было отсрочено на неопределённое время. Однако именно оно работало против афганских планов в Средней Азии, так как силы Красной армии в Туркестане регулярно увеличивались.

Осознавая это, Аманулла-хан в конце сентября 1921 года встретился с новым советским полпредом Ф.Ф. Раскольниковым⁹ и в жёсткой форме поставил вопрос о передаче Кушки Афганистану. Этот шаг вызвал оживлённое обсуждение в различных центральных ведомствах РСФСР.

В ходе развернувшейся дискуссии появился публикуемый ниже доклад военного секретаря (военного атташе) советского полпредства в Кабуле Э.М. Рикса¹⁰ о передаче Кушки Афганистану. Формально написанный на имя Раскольникова, этот документ явно был предназначен для командования РККА и руководства НКВД, куда в срочном порядке и был отправлен советским полпредом. Доклад убедительно обосновывал важность крепости Кушка для обороноспособности Туркестана, даже если планы большевиков осуществить «наступательное движение на юг» (одним словом, в Индию. – Ю.Т.) были пересмотрены.

В конечном итоге, окончательное решение о Кушке Политбюро ЦК РКП(б) приняло 27 февраля 1922 года. Оно фактически исправило ошибку Ленина, хотя его имя в протоколе заседания и не упоминалось. Решение соратников Ленина гласило: «Поручить т. Чичерину сообщить Туркбюро, РВС Туркфронта¹¹ и представителю РСФСР в Афганистане, что, согласно старому решению, Политбюро считает, что Кушка не может быть уступлена»¹².

Текст документов публикуется по современным правилам орфографии с сохранением стилистики того времени.

Доклад Э.М. Рикса. 10.02.1921 г.

Военный секретарь
при Полномочном Представительстве
РСФСР в Афганистане
10 февраля 1922 г.
г. Кабул

ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ
РСФСР В АФГАНИСТАНЕ

Будучи вполне солидарен со всем изложенным в докладе Главнокомандующего всеми вооружёнными силами Республики от 12-го ноября 1921 года за № 10580¹³, считаю своим долгом представить на Ваше усмотрение некоторые взгляды, быть может, упущенные из вида при составлении названного доклада по поводу передачи афганцам крепости КУШКА.

Допускаю вполне, что наше наступательное движение на юг и юго-восток, может быть, прекратилось на долгое время и в КУШКЕ как в операционной базе необходимости не представляется, я в то же время не могу согласиться на передачу её Афганистану, правительство которого никогда не заслуживало полного доверия и которое вело двусмысленную политику даже в моменты наилучших дружеских взаимоотношений благодаря идеям панисламизма, распространённым среди лиц, стоящих у власти, с одной стороны, и стремлениям к расширению своей территории, с другой, чем отчасти объясняется возникновение Англо-афганской войны в 1919 году¹⁴, и, наконец, науськиваниям Англо-индийского правительства, которое всячески будет наталкивать афганцев на мысль о лёгкой возможности воспользоваться нашими территориями в Туркестане и Закаспии.

Имея это в виду, КУШКА как опорный пункт и готовая операционная база является в наших руках наилучшим аргументом, отрезвляющим слишком самоуверенных афганских политиков, и благодаря ей мы всегда можем угрожать одной из лучших провинций Афганистана¹⁵ и нанести ему быстрый и чувствительный удар, если таковой продиктован обстоятельствами, что будет иметь поразительный эффект на Востоке. Этих преимуществ от КУШКИ отнять нельзя, особенно сейчас, когда исключена возможность использовать железнодорожную ветку Каган – Термез.

Претендуя сейчас на КУШКУ, афганцы будут настаивать на передаче им территории до Сары-Язы и в лучшем случае согласятся на ограничиться с положением, занятым перед Таш-Кепринским боем¹⁶, т.е. на передачу им Кушкинского района вместе с Пендинским оазисом, в каковых районах они сейчас, в ожидании плебисцита, ведут усиленную агитацию в свою пользу, пользуясь для этого духовенством, перебежавшими джемшидами и могуществом презренного металла. Надо полагать, что эти районы для производства плебисцита в их пользу ими достаточно подготовлены, ибо иначе они не настаивали бы на этом с такой уверенностью. В то же время они очень боятся упустить время, во-первых, чтобы не расходовать лишних средств в продолжительный срок на задабривание туркменских баев, мулл и хезаринских и джемшидских ханов, и, во-вторых, боясь улучшения быта населения в названных районах, которое тогда, конечно, отвернётся от них.

Совершив передачу Кушкинского района и Пендинского оазиса, мы после этого не будем иметь до МЕРВА ни одного опорного пункта и совершенно оголим часть Закаспийской железнодорожной линии, которая будет находиться под постоянной опасностью порчи и прерыва движений в песках Закаспия, что очень рискованно в случае осложнений с Афганистаном.

Допустим даже, что нами где-нибудь у Сары-Язы или Иолотана будет найдено соответствующее место для создания опорного пункта для прикрытия Мервского плацдарма и Закаспийской железной дороги, то для создания и технического оборудования его, даже до степени Кушки с железнодорожными мастерскими, радиотелеграфом и прочими сооружениями, придётся израсходовать огромные суммы, что является сейчас, вероятно, очень обременительным для нашей казны. Одновременно с лишением себя мало-мальски оборудованного опорного пункта мы отдаляем более чем на сто вёрст нашу операционную базу, чем опять-таки обеспечим афганцам более устойчивое положение Герата и в дальнейшем даём им возможность быть более наглыми при своих требованиях.

Остаться же вполне пассивными и не оборудовать операционной базы заблаговременно мы не можем, ибо нельзя упустить из вида, что вообще при вооружённых столкновениях в Азии нам ни в коем случае нельзя действовать оборонительно, а напротив, необходимо быстро и решительно наступать, ибо нашу оборону сочтут за слабость, а следствием этого число наших врагов несомненно сильно увеличится, и нам, пожалуй, придётся израсходовать больше войск на охрану тыла и коммуникационных линий, чем вообще при ведении наступательной войны, к чему примером могут служить история наших походов в Средней Азии и англичан в Индии.

Азиаты по своей натуре были и будут очень чувствительны ко всякому эффекту. В случае наступления мусульманской армии население будет всемерно ей помогать и поддерживать.

Что же касается КУШКИ как крепости, я вполне согласен, что со времени постройки железнодорожной ветки КАГАН – ТЕРМЕЗ её стратегическое значение сильно понизилось, но всё-таки оно имеется, так как мы можем, как я уже сказал, отсюда угрожать одной из лучших провинций Афганистана, которой афганцы едва ли пожелают с лёгким сердцем рисковать. В глазах азиата КУШКА имела и имеет значение крепости. В данном же положении, принимая во внимание материальную часть афганской артиллерии, КУШКА может вполне оправдать своё назначение как опорного пункта. При наличии в КУШКЕ лёгкой и тяжёлой полевой артиллерии, имея своим противником афганцев без иностранной помощи и поддержки, мы можем и начальный период войны держать крепостную ограду вне досягаемости афганской артиллерии, которая до сих пор имеет лишь трёхдюймовые орудия производства Кабульского завода, стреляющие чёрным дымным порохом, имея предельную дальность выстрела, немногим превышающую три версты. Орудия более крупных калибров на заводе не выделывают, так же как и бездымного пороха для орудий. Бездымный кордитный ружейный порох¹⁷ выделывается в незначительном количестве. Добавлю к тому, что афганская армия не имеет инженерных войск как таковых.

Если же афганцы получают вооружение и поддержку от других иностранных государств, то доставка орудий крупных калибров в начале войны сильно затянется, ибо доставить их с северо-западной границы Индии или через Сеистан до Герата приблизительно потребует от одного до полутора месяцев, что даёт и нам возможность доставить в КУШКУ более солидную артиллерию и усилить соответственным образом её инженерную оборону. Провоз же афганцами в достаточном количестве огнестрельных припасов едва ли представляется лёгкой задачей для афганского правительства при ограниченности средств у афганской казны как на покупку их, так и на транспорт.

Относительно возможности обхода КУШКИ со стороны Баля Мургаба и Меручака на Таш-Кепри надо смотреть с двух сторон – будем ли мы наступающей стороной или же мы будем обороняться. Если мы при возникновении конфликта перейдём в наступление, что мы и долж-

ны сделать, по моему мнению, то как КУШКА, так и Таш-Кепри для нас одинаково важны. КУШКА как база для отряда, который мы должны выставить для охраны фланга войск, оперирующих от КУШКИ против Герата, от возможных нападений со стороны Меймене. Если же мы будем принуждены обороняться, то, во-первых, КУШКА привлечёт на себя значительную часть афганских сил, уменьшая этим в значительной степени силы, могущие быть посланы в обход её к Таш-Кепри, а следовательно, мы можем с теми подкреплениями, которые придут через Мерв, гораздо легче отодвинуть обошедшие КУШКУ афганские войска и восстановить связь с КУШКОЙ. Если же присылка подкреплений затянется, КУШКА при некотором усилении нынешнего её гарнизона может оказать сопротивление до прихода подкреплений из России через Оренбург или через Кавказ, принимая во внимание, что мужское население посёлков будет мобилизовано для охраны крепости. Не осаждают КУШКИ афганцы не могут, ибо при обходе её лишь со стороны Таш-Кепри мы будем иметь возможность сообщаться с ней через Серахс, откуда могут быть в том случае доставлены подкрепления, и уже после прихода их самостоятельно оперировать против тыла обошедших афганских войск, чем лишим их большой доли свободы действий и уверенности за свой тыл.

Коснусь вопроса о праве афганцев на КУШКУ и смежные с ней районы. Не будучи вполне осведомлён в этом вопросе и не имея под рукой соответствующих источников, я не могу вполне компетентно высказаться по этому вопросу, но насколько я знаю, ни КУШКА, а тем более Пендинский оазис никогда не принадлежали Афганистану, за исключением небольшого периода с мая 1884 года, когда неожиданно без всякого права афганские войсковые части заняли Пендинский оазис, и до 18-го марта 1885 года. 18-го марта после Таш-Кепринского боя Пендинский оазис был очищен афганцами и остался нейтральным до окончания работ пограничной разграничительной комиссии и в 1887 году окончательно перешёл к нам, причём, как компенсация за Пендинский оазис Афганистану был передан принадлежавший до этого Персии Зюльфагар, т.е. афганцы получили уже раз компенсацию за Пендинский оазис: оазис, никогда не принадлежавший им, а теперь желают получить его без каких-либо веских доказательств о праве на то. Мне кажется, должны представить нам достаточно веские исторические документы о принадлежности Пендинского оазиса когда-либо им в 1883–1884 гг. Все эти земли являются скорее персидскими, нежели афганскими. По описанию Мак-Грегора¹⁸, офицера английского генерального штаба, посетившего в 1875 году Гератскую провинцию, границы Афганистана в то время простирались до хребта Парапамизских гор, а наш инженер путей сообщений Лессар¹⁹, посетивший в апреле 1884 года Бадхыз, нашёл, что джемшиды в то время не признавали власти гератского генерал-губернатора и что предельным пунктом афганской власти является город Кусан, что вполне согласуется и с указаниями Мак-Грегора. Насколько известно, туркменские сарыки, населяющие Пендинский оазис, пользовались в 1855 году полной независимостью, и не афганскому правительству в то время было под силу подчинить себе воинственных туркмен. В это время Герат был почти что полунезависимым. Лишь со времени афганского эмира Абдуррахмана²⁰ афганцы начали подчинять себе хезарейцев и джемшидов, с какой целью было произведено несколько экспедиций, и несомненно под влиянием Англии в 1884 году они старались распространить своё влияние дальше на север. Поэтому Персия имела бы больше прав на Кушкинский район, чем Афганистан, и мы не можем раздавать бывшие персидские земли Афганистану.

Если же вообще из политических видов представляется необходимым предоставить что-либо Афганистану, то, пожалуй, менее вредным для наших интересов была бы передача небольшой полосы в Памирском районе или же в каком-либо другом месте.

Более подробные данные о принадлежности Кушкинского района и Пендинского оазиса в особом докладе были представлены Полномочным Представительством за № 84-1186 от 10-го октября 1921 года²¹, полученные в Ташкенте 24-го ноября.

Военный секретарь

Э. Рикс

Российский государственный военный архив. Ф. 110. Оп. 7. Д. 14. Л. 73–79. Машинописный текст. Подлинник. Подпись – автограф.

Примечания

¹ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – создатель большевистской партии и Советского государства. В 1917–1924 гг. глава правительства РСФСР и СССР. Инициатор образования в 1919 г. Коминтерна.

² Аманулла-хан (1892–1960) – эмир (с 1926 г. король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с РСФСР договор о дружбе. Провёл ряд прогрессивных реформ, которые вызвали сопротивление как реакционных сил, так и простого населения, которое страдало от увеличения налогового гнёта. В условиях нарастающего внутривосточного кризиса в стране пытался удержаться у власти при военной помощи СССР. В 1929 г. вынужден был отречься от престола из-за мощного восстания в стране. Эмигрировал в Италию. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1899–1922. М., 2017. С. 309.

⁴ Панин С.Б. «Вопрос о передаче Кушки Афганистану отпадает»: территориальные проблемы в контексте ранних советско-афганских отношений // Вопросы истории. 2023. № 4 (2). С. 4–29. Данная статья известного российского востоковеда является на настоящий момент наиболее полным трудом, освещающим роль «кушкинского вопроса» при первых контактах между Советской Россией и Афганистаном. При этом отдельные её положения являются дискуссионными. Разумеется, значительная часть документов из центральных архивов Российской Федерации не была доступна автору.

⁵ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. Участвовал в подписании Брестского мира в 1918 г. В 1918–1930 гг. был наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник 1-го конгресса Коминтерна. 1922 г. – возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. 1925–1930 гг. – член ЦК ВКП (б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. на пенсии.

⁶ Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): Сборник документов / Составитель и автор предисловия Ю.Н. Тихонов. М., 2019. С. 466.

⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 553.

⁸ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1918–1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922–1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923–1934 гг. – посол в Турции. В 1934–1937 гг. – посол в Германии. С 1937 г. – советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКВД. В 1946–1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

⁹ Раскольников (наст. фамилия Ильин) Фёдор Фёдорович (1892–1939) – советский военный и партийный деятель, дипломат. Член ВКП(б) с 1910 г. 1917 г. – член Петроградского ВРК и комиссар при Морском генеральном штабе. 1918 г. – зам. наркома по морским делам, член РВС Восточного флота и РВСР, командующий Волжской флотилией. В 1919–1920 гг. – командующий Волжско-Каспийской флотилией и Азербайджанским флотом. 1920–1921 гг. – командующий Балтийским флотом. Советский полпред в Афганистане с 16.7.1921 г. по 6.2.1924 г. До 1928 г. зав. Восточным отделом ИККИ (под псевдонимом Петров). До 1930 г. – член коллегии Наркомпроса РСФСР и начальник Главного управления по делам искусств. В 1930–1938 гг. – советский полпред в Эстонии (1930–1935), Дании (1933–1934), Болгарии (1934–1938). Невозвращенец. В 1939 г. убит (?) в Ницце.

¹⁰ Рикс Эдуард Мартынович (1880 (?) – конец 1940-х гг.) – дипломат и востоковед. 1909 г. – младший офицер 10-го Туркестанского стрелкового полка. В 1911 г. закончил Ташкентскую офицерскую школу восточных языков: изучил персидский, пушту и английский языки. В июле этого года командирован в Керки, Келиф и Термез для изучения восточных языков. 1912 г. – поездка в Тегеран и Мешхед. 1913 г. – с оценкой «отлично» сдал экзамены на военного переводчика; прикомандирован к штабу Туркестанского ВО. Первую мировую войну 1914–1918 гг. закончил в звании полковника. С 1919 г. второй, с 1924 г. первый секретарь советского полпредства в Афганистане. 1929 г. – поверенный в делах СССР в Афганистане. 1930–1935 гг. – советник полпредства в Кабуле. С 1936 г. –

консультант 1-го Восточного отдела НКВД. В 1937 г. репрессирован. В годы Великой Отечественной войны освобождён из заключения. Вернулся в Москву.

¹¹ РВС Туркфронта – Революционный военный совет Туркестанского фронта.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 273. Л. 2.

¹³ Данный документ не публикуется.

¹⁴ Третья англо-афганская война 1919 г. – война Афганистана за независимость от Великобритании. Благодаря мощному восстанию приграничных пуштунских племен афганская армия смогла не допустить наступления англо-британских войск вглубь Афганистана и создать угрозу прорыва афганских сил в долину р. Инд.

¹⁵ Речь идет о Гератской провинции Афганистана.

¹⁶ Таш-Кепринский (Кушкинский) бой – бой русского отряда под командованием генерала А.В. Комарова с афганскими войсками у высоты Таш-Кепри в ходе установления границы между Афганистаном и Российской империей. Потерпев поражение в этом бою, афганцы отказались от своих претензий на стратегически важные туркменские земли в районе Кушки. В 1887 г. был подписан окончательный протокол о российско-афганской границе.

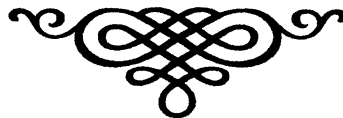
¹⁷ Порох, изготовленный из нитроцеллюлозы.

¹⁸ Мак-Грегор, Чарльз Меткаф (1840–1887) – британский военный колониальный деятель. Службу начал в Индии, где дослужился до генерал-майора и начальника штаба англо-индийских войск. Участник второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. После войны возглавил разведывательную службу Британской Индии. По делам службы много путешествовал, посетив Китай, Эфиопию, Иран, Афганистан. Автор фундаментального труда «Оборона Индии».

¹⁹ Лессар Павел Михайлович (1851–1905) – российский военный инженер, дипломат и востоковед. В 1880–1884 гг. работал инженером-путейцем в Закаспийском крае. С 1884 г. перешел на службу в МИД. В 1890–1895 гг. был политическим агентом в Бухарском эмирате. 1896–1900 гг. – советник российского посольства в Лондоне. До 1905 г. являлся посланником в Китае.

²⁰ Абдурахман-хан (1844–1901) – афганский эмир из рода Баракзаев. С 1880 г. правил в Афганистане. Проводил политику централизации страны. Превратил Афганистан в «закрытую» страну, чтобы не допустить роста британского влияния.

²¹ Данный документ не публикуется.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ «ЕВРОПЕЕК» СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1920-е ГОДЫ

Изучая гендерную историю советской Средней Азии, отечественные и зарубежные исследователи обращали внимание только на мусульманок, упуская из виду европейских переселенцев. Не существует специальных работ или публикаций источников, рассказывающих о раскрепощении среднеазиатских «европеек» в 1920-е годы, об этом можно найти лишь отрывочную информацию.

«Европейцы» – важное собирательное понятие для истории дореволюционной, советской и постсоветской Средней Азии. Оно объединяет людей со схожим мировоззрением, культурными практиками, ценностями и идеалами, а также владеющих русским языком на уровне родного. В Средней Азии под европейцами понимали/ют различные национальные группы: русских, поляков, украинцев, белорусов, армян, грузин, немцев и другие христианские народы, а также евреев, татар-мусульман и корейцев. Иначе говоря, все некоренные народы, которые под влиянием различных потрясений XIX–XX столетия оказались на территории Среднеазиатского региона. В конце 1920-х годов европейцы составляли меньшинство населения – около 10%¹, но при этом они были активны, инициативны и консолидированы, что позволяло держать под контролем социально-политическую ситуацию в регионе.

Цель настоящей публикации – рассказать о раскрепощении европеек в рамках гендерной модернизации Средней Азии в 1920-е годы. Прежде чем переходить к анализу документа, который публикуется ниже, предлагаю ознакомиться с социально-политическим контекстом и историей среднеазиатских европеек в конце 1910-х – начале 1920-х годов, опираясь на их воспоминания и автобиографии.

Из воспоминаний активистки Т.Д. Троицкой известно, что в 1915 году ташкентские европейки объединились в «Союз солдаток»². Под «солдатками» понимали жён призывни-

ков и вдов солдат, ушедших в ряды русской армии во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Руководительница союза Евдокия Петровна Смотровая вспоминала, что подобные объединения появились во многих городах, но централизованное управление отсутствовало³.

В противовес «Союзу солдаток» как организации «буржуазной» 1 мая 1917 года по инициативе коммуниста Ивана Осиповича Тоболина (1885–1941) был создан «Союз домашних прислуг»⁴. Его появление стало шагом к защите трудовых прав многочисленных неквалифицированных работниц. Согласно статистике, в дореволюционной России 80% женщин трудились в сфере обслуживания⁵. До октября 1917 года «Союзом домашних прислуг» руководили эсерки Пашель и Александра Яковлевна Болгова. Затем они перешли в ташкентский «феминистский» «Женский интеллигентский союз», который возглавлял священник Андреев; кроме них, членами его были меньшевичка Лакина, предпринимательница Агафья Петровна Ерошина, Иванова и Стекольников⁶. После Октябрьской революции туркестанское правительство запретило деятельность «Женского интеллигентского союза», поскольку его участницы агитировали европеек вступать в женские «батальоны смерти» для отправки на фронты Первой мировой⁷.

В Пишпек (Бишкеке) в феврале 1917 года появился женский «Союз 17 года», который в октябре сменил название на «Трудовая женщина»⁸. В задачи союза входило «сделать из женщин независимого в материальном отношении человека и полезного гражданина общества. Путем лекций, бесед, диспутов поднять женщину в умственном отношении, заинтересовав политической жизнью страны»⁹. Руководительницей союза являлась Вера Александровна Соколова, но вскоре она тяжело заболела и по этой причине сошла с ума¹⁰. Активистка Любовь Чаа-

даева в своих воспоминаниях указывает, что она вместе с подругой Марией Антиповной Турапиной поддержали начинания В.А. Соколовой, открыв при организации сапожную и швейную мастерские, а также столовую¹¹.

По воспоминаниям активистки Матрëхиной, в феврале 1917 года в городе Джетысу проходили женские митинги¹². В мае появилась неформальная женская организация (название её не сохранилось), объединявшая до 300 женщин, половина из которых были мусульманками. Женщины старались принести пользу обществу, проводя субботники и помогая солдатам¹³. Интеллигентки-европейки пытались организовать «Феминистский союз», но ничего не вышло, поскольку они не смогли найти поддержки среди женщин. В то же время Матрëхина предложила создать «Союза инвалидов и вдов», что в условиях войны было актуально, а социальная направленность могла привлечь сочувствовавших и нуждавшихся. «Союз инвалидов и вдов» просуществовал до 1919 года, потом был реорганизован в «Союз трудящихся женщин», при котором открыли ткацкую, швейную и сапожную мастерские¹⁴.

Как известно из автобиографии активистки Анастасии Ивановны Малогиной (1880–?), она переехала в Коканд в 1898 году вместе с мужем, которого отправили служить в Туркестанский край из Воронежской губернии Волуйского уезда села Куликово¹⁵. В Коканде А.И. Мологина начала работать прислугой, потом трудилась в военном лазарете прачкой до 1911 года¹⁶. После демобилизации мужа А.И. Мологину уволили из лазарета, она решила брать бельё на дом и ходить стирать по вызовам¹⁷. В 1916 году А.И. Мологина устроилась на кокандский мыловаренный завод предпринимателя Контаровича. Под влиянием демократических свобод Февральской революции коллектив завода создал профсоюз рабочих. А.И. Малогину избрали делегаткой на съезд по установлению 8-часового рабочего дня (на съезде присутствовало 60 женщин и 20 мужчин)¹⁸.

По итогам съезда А.И. Мологина предъявила Контаровичу резолюцию о 8-часовом рабочем дне и требование улучшить быт

тружеников, в ответ на что вместе с 20 женщинами была уволена¹⁹. При этом мужчины, участвовавшие в съезде и подписавшие резолюцию, уволены не были. Чтобы морально и материально поддержать женщин, потерявших работу, А.И. Мологина создала «Союз солдаток», при котором появились швейная мастерская и столовая²⁰. После Октябрьской революции А.И. Мологина начала строить политическую карьеру, вступив в партию большевиков, а также стала агитировать за раскрепощение женщин Коканда. Во время вооружённой борьбы за власть зимой 1917/18 года между ташкентскими советами и кокандской антибольшевистской *Туркистон мухторияяти* (Туркестанской автономией) А.И. Мологина сражалась вместе с красными гарнизонами за установление советской власти в Коканде. В 1919 году её выбрали делегаткой на партийный съезд Коммунистической партии Туркестана (КПТ), на котором она прошла в состав ташкентского городского совета (ташгорсовета)²¹.

Похожая история произошла с активисткой Евдокией Прокофьевной Колесовой (1882–?). Из её автобиографии известно, что в 1907 году она приехала в Коканд вслед за мужем, которого отправили в Туркестанский край на военную службу из Уфимской губернии Двонейской волости села Двоней. После Февральской революции один из местных коммунистов предложил Е.П. Колесовой организовать «Союз делегаток», к которому согласились присоединиться приблизительно 200–300 европейек²². Появился ли этот союз – неизвестно, видимо, нет, поскольку Е.П. Колесова вошла в другую организацию – «Союз прислуг и прачек» (ещё до переезда она работала прачкой), который по функциям она считала похожим на профсоюз²³.

В 1917 году в туркменском городе Мерв активистки Алфёрова, Мещерякова, Аласковская и Копейкина организовали «Женский союз», при котором они открыли школу ликвидации неграмотности, столовую и детские ясли²⁴. Деньги на создание союза и вспомогательные объекты женщины получили из пожертвований. Когда Мерв заняли белогвардейцы, «Женский союз» был ликвиди-

рован, но его участницы вели тайную агитацию среди европейцев за власть Советов. После того как в 1920 году Красная армия отбила Мерв у белогвардейцев, «Женский союз» возобновил работу²⁵.

После Октябрьской революции раскрепощением в РСФСР, а затем и СССР стали заниматься отделы по работе среди женщин (*женотделы*). Их прототип – Комиссия по агитации и пропаганде среди женщин при ЦК РКП(б) появилась в Москве в 1919 году под руководством Инессы Фёдоровны Арманд (1874–1920), а затем и в столице Туркестанского края – Ташкенте. Первой руководительницей ташкентской комиссии стала коммунистка (с 1905 года) Ида Исааковна Финкельштейн (1880–1961), ей помогали москвички Марченко и Дворкина, а также Макарова и Образцова из Самары и несколько ташкентских татарок²⁶.

В 1920 году Комиссию по агитации и пропаганде среди женщин реорганизовали в московский и ташкентский центральный отдел по работе среди женщин (московский и ташкентский ЦО). Руководительницей московского стала Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952), а ташкентского ЦО – полячка Берта Эммануиловна Бендецкая (1898–1970?)²⁷. Туркестанские женотделы зачастую появлялись не на пустом месте, а на фундаменте дореволюционных женских организаций. Так, например, произошло в Пишпекке с союзом «Трудовая женщина»²⁸, в Джетысу с «Союзом трудящихся женщин»²⁹ и с мервским «Женским союзом», который начал работать, согласно воспоминаниям активистки Нарожной, как женотдел с 1921 года³⁰. Активистки дореволюционных женских организаций Туркестана стали сотрудницами женотделов, например, А.И. Мологина, Е.П. Колесова и другие, чьи воспоминания и автобиографии, написанные в 1925 году, процитированы выше.

В 1921 году был разработан проект раскрепощения среднеазиатских женщин³¹. В соответствии с ним целями раскрепощения среди мусульманок назывались: ликвидация «религиозных и бытовых предрассудков», повышение уровня политической грамотности, труд на государственных пред-

приятиях, просвещение и улучшение правового положения³². Среди европейцев целью раскрепощения провозглашалась борьба с «колониаторством»³³.

В проекте нет пояснений, что это значило, зато удалось найти развёрнутое определение, которое дал ответственный секретарь Среднеазиатского бюро (Средазбюро) ЦК РКП(б) Исаак Абрамович Зеленский (1890–1938) в феврале 1925 года на учредительном съезде коммунистической партии Узбекской ССР: «Среди некоторой части членов нашей партии есть такой взгляд, что говорить о советской власти, о настоящей советской власти, т.е., о власти бедняков, середняка-крестьянина, о власти рабочего класса, о власти пролетария здесь, в Средней Азии, по меньшей мере, смешно. Есть среди некоторой части наших товарищей, членов партии, определённое мнение, что здесь создать советской власти нельзя, что здесь народ тёмный, неграмотный, что хозяйственные отношения здесь сложились таким образом, что нет экономической основы для того, чтобы создать здесь советы, что наша задача здесь заключается в том, что мы должны развивать хлопковые посевы, должны закупать сырьё, надо этот хлопок и сырьё вывозить, надо соблюдать по возможности гражданское спокойствие в стране, но не больше. А мысли о том, чтобы строить советы, отложить до другого времени.

Нет, товарищи, более вредного, более недопустимого, более колониаторского отношения к вопросам народов Средней Азии, такое отношение к этому недопустимо. Колониаторство заключается не в том, что люди говорят правду в глаза, а в том, что туземное крестьянство может взять власть в свои руки и удержать эту власть. Как нежно и сладко с вами ни говори, но, если человек говорит: “страна недостаточно грамотна, темна, батрак не активен, и поэтому нет возможности строить советскую власть” – не верьте ему, – это есть настоящее и подлинное колониаторство. Колониаторство есть неверие в силу туземного крестьянства, в его способности к организации, к борьбе»³⁴.

В контексте гендерной модернизации 1920-х годов «колониаторство» нужно по-

нимать как скепсис сотрудниц женотделов и местных европейцев в отношении возможностей преодоления коренным населением культурной отсталости, религиозности и связанных с ней «бытовых пережитков и предрассудков», которые, сковывая мусульманок, не позволяли им интегрироваться в советскую политическую систему, общество и экономику.

Напротив, европейки были открыты к сотрудничеству с государством, помогали женотделам и пользовались теми возможностями, которые те предоставляли. Например, в 1923 году в Полторацке (Ашхабаде) появились частные артели, организованные европейками, которые работали на собственных швейных машинках³⁵. Женотделы после создания артелей предлагали женщинам вступить в отраслевой профсоюз³⁶, и, как правило, в них записывались европейки. По данным на 1923 год в Туркестанской автономной советской социалистической республике (ТАССР) насчитывалось 78 640 членов профсоюзов, из которых лишь 16,8% были представителями коренного населения³⁷. По состоянию на 1925 год женщин в среднеазиатских профсоюзах насчитывалось 1 368 человек, из которых всего 133 являлись мусульманками³⁸.

28 января 1926 года в Ташкенте открылась табачная фабрика «Уртак» («Товарищ»), которая стала первой подобной в Узбекской ССР. На торжественном открытии выступал председатель Средазбюро ЦК ВКП(б) и местного отдела Всесоюзного центра совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Ударов, который сказал следующее: «Новая табачная фабрика кладет начало развитию промышленности в Средней Азии. Фабричная машина не только делает товар, она воспитывает новых борцов и строителей социализма, особенно из коренного населения и особенно женщин»³⁹. В 1926 году сотрудницами ташкентского ЦО Чернышёвой, Мелькумовой и Софьей Николаевной Шимко (1896–1975) было проведено «обследование» фабрики. На тот момент на ней трудилось 302 рабочих и служащих, большинство персонала составляли женщины, из которых 118 были европейки и 48 узбечки⁴⁰.

А. Чернышёва, Мелькумова и С.Н. Шимко в разговоре с директором фабрики, коммунисткой с 1917 года и женой И.А. Зеленского Анной Григорьевной Зеленской (урожденной Сольц, 1890–?) выяснили, что европейки недовольны квалификацией и степенью вовлечённости узбечек в жизнь коллектива⁴¹. А.Г. Зеленская также была не в восторге от продуктивности узбечек. Она утверждала, что они «малоспособны к работе, чрезвычайно медлительны и много прогуливают»⁴². А. Чернышёва, Мелькумова и С.Н. Шимко ничего не могли возразить на замечания А.Г. Зеленской, поскольку во время обхода фабрики воочию убедились, что европейки работают лучше узбечек⁴³.

Европейки проявляли живой интерес к образованию. В большинстве женских школ в первой половине 1920-х преподавательницами были татарки⁴⁴. Одни из первых педагогических курсов для мусульманок Ташкента были созданы в 1920 году татарской поэтессой Захидой Хусаиновной Бурнашевой (1895–1977)⁴⁵. Кроме неё, в туркестанских школах для девочек в первой половине 1920-х годов преподавала таджикская писательница татарского происхождения Розия Байматовна Гафурова (родилась в Ходжен-те, 1893–1957, литературный псевдоним Розия Озод), а также учительница-татарка Мукаррам Кадырова из Коканда⁴⁶. Среднеазиатские татарки были увлечены делами комсомола, без стеснения работали с мужчинами в школах, контрольно-хозяйственных комиссиях, студенческих комитетах, организовывали театральные, музыкальные, художественные и спортивные кружки⁴⁷.

Наравне с татарками энтузиазм проявляли бухарские еврейки, которые массово записывались в институты просвещения (*инпросы*), а затем становились их управляющими, самостоятельно открывали школы ликвидации неграмотности, участвовали в деятельности комсомола⁴⁸. В Бухарской народной социалистической республике (БНСР) в 1924 году был открыт женский клуб при непосредственном участии 17-летней полячки (имя неизвестно), а должность инструктора занимала полячка Осовская⁴⁹. При клубе существовали курсы рукоделия, которые про-

водила сербка Милентьева⁵⁰. По словам руководительницы женотдела БНСР Капитолины Судаковой, Милентьева являлась активной сторонницей раскрепощения мусульманок и хорошо себя зарекомендовала на этом поприще⁵¹. При клубе работала учительница-татарка Фатима Алиева, которая вела кружок ликвидации неграмотности⁵². В показательном ташкентском женском клубе им. Н.К. Крупской, открывшемся в мае 1924 года, руководительницей была Ольга Михайловна Попова (1894–?)⁵³.

Европейки также были хорошо представлены в сфере медицины. Как писал автор брошюры «Узбечка» В.И. Москалёв, в первой половине 1920-х годов в республиканских акушерских пунктах, родильных домах и гинекологических отделениях больниц работали русские и татарки, а узбечки выполняли функции санитарок⁵⁴. Также нужно отметить, что в системе здравоохранения ТАССР, а затем и Узбекской ССР работало много врачей-евреев. Отдельно следует сказать о работе Серафимы Тимофеевны Любимовой (1898–1970) на посту руководительницы ташкентского ЦО (1923–1926). Она оставила богатое эпистолярное наследие, публикуясь в журнале «Коммунистка»⁵⁵, написав несколько брошюр о раскрепощении мусульманок Средней Азии⁵⁶, а также учебное пособие для местных сотрудниц женотделов⁵⁷.

В раскрепощении женщин Средней Азии участвовала и поэтесса Анна Владимировна Алмадинская (1883–1973). Она сотрудничала с ташкентским ЦО, который поручил ей освещать в печати деятельность женотделов по раскрепощению мусульманок. А.В. Алмадинская принимала непосредственное участие во многих мероприятиях ташкентского ЦО, отстаивала интересы женотделов⁵⁸. Борьбе за гендерное равенство А.В. Алмадинская посвятила очерк «Из мглы тысячелетий», в котором описала тяжёлый быт «женщин Востока»: Туркестана, Аравии, Монголии, Индии и других, а также издала сборник стихов и кратких рассказов-зарисовок «Придорожные травы»⁵⁹.

Ташкентский ЦО боролся и за правовую защиту женщин в среднеазиатских судах,

прокуратуре и милиции. В этом плане необходимо вспомнить о Т. Мичуриной – инспекторе по правовым вопросам ташкентского ЦО. В 1926 году она провела обследование работы судов, прокуратуры и милиции в Киргизской автономной области (КАО), Узбекской ССР⁶⁰, Туркменской ССР⁶¹ и Таджикистане⁶². Выяснилось, что в Средней Азии суды, прокуратура и милиция никак не защищают женщин от мужского произвола, а также пользуются при вынесении приговора не советским законодательством, а нормами *адата* и *шариата*. Вероятно, «обследование» среднеазиатских республик и выявление множества проблем с работой судов и правоохранительных органов в конечном счёте и привели к *Худжуму*, основной целью которого являлось отнюдь не уничтожение *паранджи*, а проведение в жизнь законов о гендерном равенстве, о чём писал в «Правде Востока» И.А. Зеленский в 1926 году⁶³. Таким образом, европейки внесли весомый вклад в стабилизацию работы женотделов и борьбу за гендерное равенство во всех сферах жизни в Средней Азии 1920-х.

Публикуемый ниже документа – это письмо уроженки Воронежской губернии Елены Боровой, которая в детстве со своими родителями переехала в Фергану, спасаясь от голода в России 1921–1922 гг. Письмо найдено в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде 62 описи 2, содержащем документы отделов Средазбюро ЦК ВКП(б). Письмо обнаружено в печатном виде и датируется 1927 годом, когда Узбекскую ССР посетила последняя руководительница (1926–1930) московского ЦО Александра Васильевна Артюхина (1889–1969). После Октябрьской революции А.В. Артюхина наравне с А.М. Коллонтай была инициатором создания женотделов. А.В. Артюхина сменила на посту руководительницы московского ЦО другую профсоюзную деятельницу, Клавдию Ивановну Николаеву (1893–1944). А.В. Артюхина была удобным кандидатом на посту руководительницы московского ЦО, поддерживая И.В. Сталина и всегда подчиняясь партий-

ным распоряжением и никогда не проявляя инициативы, в отличие от своих предшественниц⁶⁴. При А.В. Артюхиной раскрепощение, включавшее целый комплекс стратегий и методов, свелось к утилитарному – привлечению женщин к труду⁶⁵, что было связано с коллективизацией и индустриализацией.

С.Т. Любимова приглашала А.В. Артюхину посетить Узбекскую ССР в 1926 году, но тогда она отказалась, сославшись на переутомление и болезнь⁶⁶. Приехала А.В. Артюхина в Ташкент 8 марта 1927 года на празднование Международного дня работниц. Это знаменательная дата для истории Узбекской ССР и всей Средней Азии, поскольку в этот день был начат *Худжум* – кампания в защиту советского законодательства о гендерном равенстве. В Ташкенте 8 марта 1927 года, кроме А.В. Артюхиной, на торжественном митинге в «старой» части города присутствовали: Клара Цеткин (1857–1933), Антонина Ивановна Нухрат (1900–1983), Евсталия Александровна Росс (1896–1987?) и другие⁶⁷. Как следует из письма, А.В. Артюхина побывала в Фергане, посетив женский медицинский техникум, в котором и училась Е. Боровая. О том, что А.В. Артюхина инспектировала во время *Худжума* города Узбекской ССР, ранее было неизвестно.

В письме Е. Боровая рассказала о себе и родителях. Главная проблема заключалась в том, что Е. Боровая в детстве потеряла мать, которая умерла по неизвестным причинам. Отец девушки сильно пил и не интересовался её жизнью и остальными пятью детьми, которые были сданы в интернат. Алкоголизм в СССР 1920-х был наравне с туберкулезом и венерическими заболеваниями, а потому, по мнению советских врачей, представлял серьёзную опасность для социума⁶⁸. В контексте гендерной модернизации в СССР тема алкоголизма также затрагивалась женотделами, но не в Средней Азии. Здесь раскрепощение предназначалось больше для мусульманок, нежели европейцев. Е. Боровой повезло несколько больше, чем другим детям, поскольку отец пристроил её нянькой в многодетную семью, мать которой и приви-

ла девушке любовь к знаниям, научив читать и писать.

Затем Е. Боровая пошла в школу, но доучилась только до 6 класса, поскольку отец начал заставлять её работать. Ситуация, которая произошла с Е. Боровой – наглядный пример плохой работы местного женотдела, который не обращал внимания на неблагополучные европейские семьи, занимаясь только мусульманками. С другой стороны, Е. Боровая демонстрирует, насколько несправедливой оказывалась советская образовательная и политическая система к европейцам в среднеазиатских республиках. Е. Боровой разрешили поступить в медицинский техникум, но ей было тяжело совмещать работу и учёбу. Поэтому она попросила директора перевестись «на продовольствие» – это означало, что учебное заведение обязывалось выплачивать стипендию, бесплатно выдавать учебные принадлежности и съестной паёк. Однако директор ей отказал, хотя, как утверждала Е. Боровая, «на продовольствии» находились все богатые девочки, а нуждающиеся оказались обделены.

Также в письме можно обнаружить свидетельства бытования среди советской молодёжи классовой дискриминации, которая выражалась в издевательствах и унижениях Е. Боровой из-за бедности и неблагополучия её семьи. Несмотря на несправедливость советского государства, ущемления и унижения, Е. Боровая не унывала и стремилась выбраться из бедности через образование и получение социально значимой профессии, которая помогла бы ей самореализоваться в жизни, а также улучшить материальное положение. По всей видимости, Фергана угнетала Е. Боровую, она хотела покинуть город, планируя переехать сначала в Ташкент, а затем почему-то в глухую саратовскую деревню.

Не известно, ответила ли А.В. Артюхина девочке из далёкой Ферганы, никаких данных об этом в РГАСПИ нет. Ответ, если он и был, нужно искать в архивах Ташкента или Ферганы, тогда, вероятно, получится восстановить дальнейшую судьбу Е. Боровой.

Письмо печатается с сохранением авторской орфографии и синтаксиса.

Письмо Елены Боровой А.В. Артюхиной

Здравствуйте, т. Артюхина.

Имя и отчества я Вашего не знаю и поэтому называю по фамилии. Сейчас я учусь в медтехникуме. Когда Вы приезжали в Фергану и приходили в техникум, вы мне очень понравились, я хотела подойти к Вам поговорить, но было неудобно. Я Вам хочу написать про себя. Мама у меня умерла, когда мне было 7 лет. После смерти мамы нас осталось 6 человек детей. Папа у нас очень сердитый, когда напьется всегда ругается. Во время голода мы приехали из России и после того кое-как перебивались, приехали мы из Воронежской губернии. После смерти мамы, троих сестер отдали в интернат, а меня в няньки, хозяйка была учительница, она меня научила писать и читать. Через год они уехали, и папа меня взял к себе. Мне очень охота было учиться. Я кое-как упростила папу отдать меня в школу, он записал меня в школу, я поступила во 2-й класс. Доучилась я до 6 класса, и он меня больше не пустил. Мне очень хочется учиться на доктора.

Я в этом году хотела без билета уехать в Ташкент, но тут стали принимать заявления в здешний медтехникум, я подала заявление 18.09.1926, мне велели прийти на экзамен 20.09.1926. Экзамен я сдала, но меня не приняли, всех девочек приняли, у которых не было желания учиться на медицину, и у которых есть средства продолжать учиться в школе. Но кое-как со слезами я упростила директора, он меня принял на месяц позже после начала ученья. Мне пришлось догонять много, у меня не было ни тетрадей, ни книг, но я кое-как купила тетради и догнала учеников, ученье мне даётся легко, и я их быстро догнала. Но меня приняли приходящей.

Дома папа меня не пускал учиться, но я ему сказала, раз я устроилась, то буду учиться, он мне сказал: «Ну, учись, я тебя не буду кормить, ни одевать, как хочешь так и учись». Я подавала заявление, чтобы меня приняли на продовольствие, но директор не стал даже читать и стал на меня кричать: «Вас приняли учиться, а вы ещё хотите, что-

бы вас приняли на продовольствие». Отец не покупал мне ни ботинок, ни пальто, я до сих пор хожу в порванных сандалиях и в жакете порванной, надо мной в классе смеются девочки и говорят: «Не стыдно тебе такой порванной ходить, мы бы ни за что не стали такими оборванными ходить». А мне нисколько не стыдно такой ходить лишь бы учиться, а в чем я хожу мне все равно. Кто хорошо живет у родителей, те все на продовольствии находятся.

После занятий я к соседям хожу, кому полы вымою, кому помогу постирать, они меня за это кормят обедом, иногда дают денег немного, на них я покупаю тетради, беру кружева вязать, кое-как кормлюсь, у папы я никогда не прошу, он все равно не даст. Мне все соседи советуют бросить ученье и тогда меня папа будет кормить и одевать, но я ни за что не брошу ученье, хотя бы голодной сидела. Простите, что я Вам написала, но мне некому писать, а Вас я видела и Вы мне очень понравились, может, Вы можете как-нибудь меня устроить, а если не сможете, то не надо, я как-нибудь проучусь, посижу голодная, буду такая же, только больше охоты учиться будет.

Только напишите ответ, я очень хочу с Вами переписываться, если Вам не трудно и будет время, напишите что-нибудь о Москве, о себе, а если Вам нет времени, то напишите только, что получили мое письмо. Я так хочу учиться в России, летом думаю заработать в гренажном заведении немного денег и хотя бы без билета поехать в Саратов и устроиться там учиться. Ведь, если кто чего хочет добиться, то всегда добьётся, я постараюсь добиться того, чего хочу. Вся моя мечта окончить учебу, уехать в деревню глухую. Я Вам всё о себе написала. Простите, если я Вас потревожила и написала плохо. Меня папа опять сегодня ругал и велел бросить ученье или он выгонит меня, ну, может быть, не выгонит. Товарищ Артюхина, если не трудно ответьте пожалуйста.

Пока, до свиданья.

Адрес: г. Фергана, ул. Свердлова, Елена Боровая.

РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1206. Л. 51–52.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 61. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–14.
- ² *Троицкая Т.Д.* Первые организации работниц в Ташкенте / За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии / под ред. женотдела Средзбюро ЦК РКП. М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. С. 126.
- ³ *Смотровая.* Союз солдаток / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 133–134.
- ⁴ *Троицкая Т.Д.* Первые организации работниц в Ташкенте. С. 126.
- ⁵ *Бочкарева Е.И., Любимова С.Т.* Светлый путь. Коммунистическая партия советского союза – борец за свободу, равноправие и счастье женщин. М.: Политиздат, 1967. С. 134.
- ⁶ *Троицкая Т.Д.* Первые организации работниц в Ташкенте. С. 126.
- ⁷ Там же. С. 127.
- ⁸ *Чаадаева Л.* В потёмках / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 137–139.
- ⁹ *Татыбекова Ж.С.* Раскрепощение женщины Киргизии Великой Октябрьской социалистической революцией (1917–1936 гг.). Фрунзе: Изд. Академии наук Киргизской ССР, 1963. С. 45.
- ¹⁰ *Чаадаева Л.* В потёмках. С. 137–139.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Матрехина.* В Джетысуйской области / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 139–140.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 433. Л. 9–11.
- ¹⁶ Там же. Л. 9–11.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 6–7.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Нарожная.* Мервский уезд Туркмении / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 140–143.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Лаврентьева.* Среди красных печатниц / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 135.
- ²⁷ *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. (Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин советского Востока на примере Узбекистана 1917–1937 гг.) / под ред. К.Е. Житова. Ташкент: Узбекистан, 1970. С. 80.
- ²⁸ *Чаадаева Л.* В потёмках. С. 137–139.
- ²⁹ *Матрехина.* В Джетысуйской области. С. 139–140.
- ³⁰ *Нарожная.* Мервский уезд Туркмении. С. 140–143.
- ³¹ Национальный архив республики Узбекистан (НА РУ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–3.
- ³² Там же. Л. 5.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Зеленский И.А.* Что такое колонизаторство // Правда Востока. 13 февраля 1925 г. № 35. С. 6.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 443. Л. 15–22.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 66. Л. 1.
- ³⁷ Профессиональные союзы СССР в 1922–1924 гг. Отчёт ВЦСПС к VI съезду профессиональных союзов. М.: Изд. ВЦСПС, 1924. С. 133.
- ³⁸ *Горбунков Я.* Профсоюзы и работа среди женщин // Правда Востока. 11 января 1925 г. № 8. С. 5.
- ³⁹ *Ким Октябрев.* Открытие фабрики «Уртак» // Правда Востока. 1 февраля 1926 г. № 27. С. 5.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 794. Л. 69–74.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 457.
- ⁴⁵ *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. С. 80.
- ⁴⁶ *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). С. 457–458.
- ⁴⁷ *Алтарова.* Среди девчат татинпроса / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 81–83.
- ⁴⁸ *Рачинская.* Туземно-европейский инпрос / За пять лет. Сборник по вопросам работы... С. 80–81.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 95. Л. 175–177.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 84–95.
- ⁵⁴ *Москалёв В.И.* Узбечка. М.: Изд. охраны материнства и младенчества НКЗ, 1928. С. 40–41.
- ⁵⁵ Например, см.: *Любимова С.Т.* Работа на Востоке // Коммунистка. 1923. № 3–4. С. 27–29; *Она же.* К итогам совещания по работе среди женщин восточных народностей // Коммунистка. 1923. № 5. С. 11–12; *Она же.* Ещё шаг на пути к раскрепощению. Международный день в странах советского Востока // Коммунистка. 1923. № 6. С. 32–34; *Она же.* Наши силы // Коммунистка. 1923. № 9. С. 37–39; *Она же.* Восток // Комму-

нистка. 1923. № 11. С. 28–30; *Она же*. Письма из Туркестана // Коммунистка. 1924. № 1–2. С. 40–41; *Она же*. На Востоке // Коммунистка. 1924. № 3. С. 13; *Она же*. Работа среди женщин в Туркестане // Коммунистка. 1924. № 7. С. 20–21; *Она же*. Курсы волостных организаторов // Коммунистка. 1924. № 10. С. 49; *Она же*. На пути к раскрепощению. К 5-летию работы женотделов в Средней Азии // Коммунистка. 1924. № 12. С. 36–39; *Она же*. По Средней Азии // Коммунистка. 1926. № 4. С. 56–59; *Она же*. Женские лавки в Средней Азии // Коммунистка. 1926. № 7. С. 70–72; *Она же*. Борьба на идеологическом фронте // Коммунистка. 1926. № 9. С. 74–75.

⁵⁶ *Любимова С.Т.* Сдвиги. Ташкент: Узгосиздат, 1925. 20 с.; *Она же*. Как живут и работают женщины Средней Азии. М.: Госиздат, 1926. 27 с.; *Она же*. За новый быт. Ташкент: Средазкнига, 1926. 35 с.

⁵⁷ *Любимова С.Т.* Теория и практика работы партии среди женщин. Пособие для курсов по подготовке работников среди женщин Средней Азии. Ташкент: Туркпечать, 1925. 48 с.

⁵⁸ *Шукурова Х.С.* Социализм и женщина Узбекистана. С. 121.

⁵⁹ *Алматинская А.* Минувшее. Воспоминания. Ташкент: Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1971. С. 24.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 770. Л. 8–21.

⁶¹ *Мичурина Т.* Правовое положение женщины в Туркмении // Коммунистка. 1926. № 10–11. С. 80–83.

⁶² *Мичурина Т.* Правовая защита женщины в Зеравшане (по материалам обследования женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б) работы судорганов по части женских дел) // Правда Востока. 9 мая 1926 г. № 103. С. 3.

⁶³ *Зеленский И.А.* За раскрепощение! Мы должны дать лозунг в нашей работе: идти в наступление! // Правда Востока. 22 октября 1926 г. № 244. С. 2.

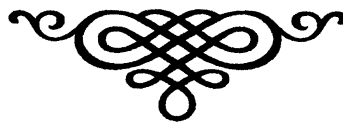
⁶⁴ *Scheide C.* 'Born in October': The Life and Thought of Aleksandra Vasil'evna Artyukhina, 1889–1969 / Women in the Stalin Era / ed. by Melanie Ilic. New York: MacMillan, 2001. P. 9–28.

⁶⁵ *Смидович С.* Работница и крестьянка в Октябрьской революции. М.: Госиздат, 1927. С. 51–52.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 778. Л. 181.

⁶⁷ *Пальванова Б.* Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад: Туркменистан, 1967. С. 135.

⁶⁸ *Хоффманн Д.Л.* Возращивание масс. Современное государство и советский социализм, 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 101–102.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-84-93

А.Д. Васильев

**«В ТУРЦИИ БУДЕТ ВСЁ СПОКОЙНО... ХОТЯ НУЖНО СПРОСИТЬ
ОБ ЭТОМ ПАПЕНА». МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТУРЦИИ
НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА СССР***

История советско-турецких отношений накануне Второй мировой войны является одной из тех тем отечественной тюркологии, которые были освещены в историографии лишь в общих чертах¹. Причинами этого были недоступность для исследователей архивных материалов, многие из которых носили гриф «секретно» или даже «строго секретно», а также сложный характер советско-турецких отношений, сформировавшихся после Второй мировой войны. Такое положение породило для советских и отчасти российских исследователей данной темы своеобразный «поисковый тупик», который заставлял их искать различные методы пополнения источниковой базы своих работ².

В данной статье на основе ставших недавно доступными для исследователей документов АВП РФ рассматривается международный политико-дипломатический зондаж турецкими и немецкими дипломатами, а также их сателлитами советской политики по отношению к Турции в мае 1941 года.

По общему мнению исследователей турецкой внешней политики 1939–1941 гг., с заключением англо-франко-турецкого пакта 19 октября 1939 года Турецкая Республика стала «невоюющим союзником»³ Великобритании и Франции. Это вызвало гнев немецкого посла в Анкаре Ф. фон Папена, угрожавшего, что германская подводная лодка может потопить английский военный корабль в турецких территориальных водах⁴. Постановления пакта считались действительными не только как трёхсторонние, но и как двусторонние. Поэтому после капитуляции Франции в июне 1940 года пакт сохранил свою силу как англо-турецкий⁵. Он углубил недоверие в советско-турецких отношениях, несмотря на «просоветскую оговорку» в протоколе № 2 к пакту, которая гласила, что «обязательства, принятые на себя Турцией в силу вышеупомянутого договора, не могут принудить Турцию к действию, результатом или последствием которого будет вовлечение её в вооружённый конфликт с СССР»⁶. Впоследствии этим обстоятельством воспользовалась германская дипломатия, успешно усилившая стратегическое недоверие между советским и турецким правительствами публикацией французских планов войны против СССР в 6-й «Белой книге» германского правительства⁷.

Конец 1940 – начало 1941 года стали для Турецкой Республики периодом, когда страна практически по всему периметру своих границ оказалась окружена германскими сателлитами. В ноябре 1940 года к Тройственному пакту присоединилась Румыния. В марте 1941 года немецкие войска вошли в Болгарию, что породило сомнения турецкого правительства в возможности соблюдения болгаро-турецкой декларации о ненападении, подписанной 17 февраля 1940 года⁸. Вторжение немецких войск в Югославию, а затем немецких и болгарских войск в Грецию в апреле 1941 года приближало войну вплотную к границам Турции. Это вызывало у турецкого политического руководства опасения скорого немецкого вторжения на территорию Турции для её захвата в стратегических целях. Захват Крита в конце мая 1941

* Автор приносит глубокую благодарность научному руководителю Института востоковедения РАН, академику В.В. Наумкину и директору РГАСПИ П.П. Скороспелову за помощь и ценные указания при подготовке данной статьи.

года и операции Германии совместно с Вишистской Францией в Сирии, поддержка германским правительством антибританского движения в Ираке создавали тревожную обстановку на южных границах Турции.

В такой политической ситуации в мае 1941 года возобновились турецко-германские переговоры о военно-политическом соглашении. Германский посол в Анкаре Ф. фон Папен в обмен на обещания уступок Турции в районе греко-турецкой границы пытался добиться разрешения на пропуск немецких войск и военных материалов через её территорию⁹. В этой ситуации турецкое руководство предпочитало действовать осторожно, с оглядкой на англо-турецкий пакт и реакцию Советского Союза. Именно во второй половине мая Ф. фон Папен, венгерские и болгарские дипломаты, а также ориентировавшиеся, по-видимому, на Германию представители турецких правящих кругов попытались провести дипломатический зондаж взглядов советского правительства на германо-турецкое сближение. Их интересовало также отношение СССР к возможности вовлечения Турции в боевые действия в Сирии и Ираке; взгляды советского руководства на англо-турецкие отношения. Наибольший интерес иностранных дипломатов вызывало мнение советского руководства относительно перспективы советско-турецких отношений.

Германия и её сателлиты вели игру с целью убедить советское руководство в своих «миролюбивых» намерениях в отношении Советского Союза и вывести советских дипломатов на откровенные разговоры о планах СССР в отношении Турции, чтобы впоследствии использовать полученную информацию для создания образа «советской угрозы» и нажима на турецкое правительство, вовлечения его в антисоветский военный блок. Донесения об этих попытках легли в основу шифртелеграмм советского посла в Анкаре С.А. Виноградова¹⁰, детально информировавшего советское военно-политическое руководство о настроениях в турецкой столице. Документы, использованные в статье, вводятся в научный оборот впервые и ранее не публиковались.

1.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

Сегодня беседовал с Папеном¹¹. Отметив, что, по его мнению, «положение в Турции удовлетворительное», Папен сказал, что Турция сейчас заинтересована в прекращении англо-иракского конфликта¹². Что касается Германии, то она не ставит перед собой никаких задач в отношении Ирака, так как Германия не имеет в Ираке никаких интересов, «единственно, что мы считаем необходимым, это сохранение статус-кво, существовавшего до англо-иракских военных действий. Я об этом сказал на днях Исмет[у] Иненю¹³, указав ему одновременно, что, с нашей точки зрения, весьма хорошо, что Турция предложила свои добрые услуги в урегулировании этого вопроса». Папен заметил затем, что, к сожалению, турецкое посредничество не имеет ещё результатов, но это зависит от англичан, которые хотят, по-видимому, оккупировать Ирак. На мой вопрос верны ли слухи о том, что в Ирак прибыли немецкие самолёты, Папен сказал, что действительно в Ирак были направлены самолёты и другой военный материал, который был куплен иракцами в Германии, все слухи о намерении Германии направить в Ирак свои войска, по его словам, являются вымышленными. Относительно перелёта немецкими самолётами Сирии, то это, по мнению Папена, является меньшим нарушением нейтралитета, чем это допускают США. На моё замечание, что, судя по турецким газетам, турки ждали, что Папен привезёт какое-то предложение Турции, посол сказал, что он ничего нового не привёз и не мог этого сделать, так как его работа здесь базировалась и базируется на стремлении сохранить Турцию вне войны¹⁴. «Я заявлял об этом турецкому правительству неоднократно, и все мои усилия были направлены на то, чтобы убедить его в том, что со стороны Германии Турции ничто не угрожает. Конечно, турки испытывают всё

время большой страх перед нами, который подкрепляется усиленной английской пропагандой. Мы же всегда говорили и повторили это перед началом военных действий против Югославии и Греции, что эти действия направлены против Англии, что война с Югославией зависела не от нас и что Турции мы не собираемся угрожать. Мы никогда не ставили себе цели военных действий против Турции». Оценивая нынешнюю позицию Турции, Папен несколько раз повторил, что, по его мнению, позиция Турции не потерпела никаких изменений. В её основе, как и раньше, остаётся союз с Англией. «Я уверен, продолжал Папен, что если бы я обратился к турецкому правительству с какими-либо предложениями, которые противоречат её политике союза с Англией, оно ответило бы мне категорическим отказом. Поэтому я никогда не выдвину перед турецким правительством предложений, несовместимых с его позицией.

Для нынешней позиции Турции характерно, во-первых, оставление в качестве базы своей политики союза с Англией и, во-вторых, стремление остаться вне войны». Папен подчеркнул несколько раз, что нынешняя политика Турции является мудрой. Он указал также, что «самое важное для нас – это сохранение Турции вне войны. И думаю, что это важно не только для нас и турок, но и для Вас». На последние слова я указал, что наша политика в этом отношении ясна и она известна всему миру – мы стояли и стоим против расширения фронта войны. Папен, оживившись, сказал с некоторой злобой «нет, нет, я должен Вам сказать, что Ваша политика не является ясной. Для нас осталась непонятной Ваша акция в отношении Югославии, а именно, заключение пакта с правительством, совершившим путч»¹⁵. Я заметил на это спокойно, что Советское правительство, проводя совершенно самостоятельную политику, никогда не отказывается заключать соглашения о дружбе с любой страной и правительством, которое высказывает искренние стремления установить дружественные отношения с нашей страной. Папен, указав вначале, что Германия не могла хорошо отнестись к правительству Симовича¹⁶, которое показало своё желание встать на сторону Англии, повторил опять, что в этом вопросе политика Советского правительства была недостаточно ясна. Я указал послу в очень корректной форме, что не намерен обсуждать с ним политику моего правительства, повторив ещё раз, что Советский Союз ведёт свою самостоятельную, независимую политику, свободную от внешних влияний. Папен уже в более спокойном тоне сказал: «Ваше правительство было всегда полностью в курсе нашей политики в отношении Югославии. Конечно, я не хочу дискутировать с Вами о советской политике. Возможно, была ошибка с той и другой стороны. Недоразумение, которое имело место, всегда можно урегулировать». Я поинтересовался затем, по какому направлению будет идти сейчас немецкое наступление на Суэц – через Сирию или Египет? Папен указал, что он лишь может констатировать, что оккупация Греции даёт Германии большие возможности для атаки Египта.

В процессе беседы Папен упорно отрицал правильность слухов о том, что будто он обращался к Исмет[у] Инёню с просьбой разрешить провоз немецких военных материалов через Турцию в Ирак¹⁷.

Нужно отметить, что за последнее время немцы к нам заметно охладели, это показывает также и сегодняшняя беседа с Папеном, который держался холодно и явно уклонялся от передачи мне содержания своей беседы с Исмет[ом] Инёню и Сараджоглу¹⁸. Показательно в этой связи вырвавшееся у Папена замечание о политике Советского правительства.

В журналистских кругах указывают, что Папен был исключительно любезен в своей беседе с турецкими руководителями и что он якобы не поставил перед ними никаких вопросов даже экономического порядка. Полагаю, что если Германии удастся обосноваться в Сирии, то она заговорит с турками другим тоном.

17. V. 1941. Виноградов.

АВП РФ. Ф. 059. Он. 1. П. 340. Д. 2328. Л. 19–23.

2.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

По сведениям соседа¹⁹, немцы предложили туркам исправить турецкую западную границу за счёт греческой и болгарской территорий. Турки приняли это предложение. Все переговоры по этому вопросу немцы вели с Менеменджиоглу²⁰. Окончательное определение будущей границы должен сделать турецкий генеральный штаб. Полагаю, что к Турции отойдёт железная дорога, проходящая по греческой территории, также Свиленград. Показательно в этом отношении сегодняшнее сообщение Анатолийского агентства о том, что сейчас в Диметокке ведутся переговоры о передаче во временную эксплуатацию железнодорожной линии Свиленград – Узун-Кёпрю турецкой дирекции железных дорог. Это сообщение можно рассматривать как начало реализации результатов немецко-турецких переговоров о расширении турецких границ на Западе.

Сейчас немцы усиленно работают здесь над тем, чтобы не дать возможности Турции сблизиться с СССР, в связи с этим они предлагают туркам все необходимые им /товары?/. Со своей стороны вышеизложенные сведения рассматриваю как правдоподобные. Вероятнее всего, турки сейчас не будут кричать о расширении своих границ, они постараются это сделать постепенно и под тем предлогом, что это носит «временный» характер.

22. V. 1941 г. Виноградов.

АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 340. Д. 2328. Л. 34.

3.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

Вчера на балу турки были с нами подчеркнуто любезны. Сараджоглу открыл бал в паре с моей женой, что после в разговоре со мной подчеркнул. Этот факт был отмечен также всеми индипломатами. Немцы вели себя по отношению к нам довольно прохладно. Папен и Кроль, которые раньше на приёмах всегда с нами разговаривали, вчера ограничились только обычными приветствиями. Несмотря на то, что Папен несколько раз во время приёма находился около меня, он ни разу не подошёл и не заговорил со мной на политическую тему. Менемендж[и]оглу в разговоре со мной указывал, что, несмотря на неоднократные заверения немцев, турки всё же им не верят. «Мы ничего не имеем против хороших отношений с ними, но одновременно считаем необходимым быть начеку. В данный момент Германия не заинтересована в нападении на нас, но ситуация может сложиться таким образом, что для них это будет необходимостью с точки зрения военной стратегии, и тогда они не остановятся перед атакой на Турцию. Поэтому мы должны принять все предосторожности».

Финляндский посланник Коскинен²¹ несколько раз подходил ко мне, в разговоре жаловался на то, что сейчас плохо идёт торговля, в частности между СССР и Финляндией. Коснувшись советско-германских отношений, он указал, что, по его мнению, советско-германская дружба является непрочной. Немцы никогда не будут искренними друзьями СССР, они уже сейчас сосредоточили 125 дивизий около советской границы.

Марьяши²², подойдя ко мне и извиняясь за то, что он давно у меня не был, начал говорить о симпатиях венгерского народа и правительства к Советскому Союзу. В подтверждение слов Марьяши сослался на то, что советский павильон на выставке в Будапеште привлёк большое внимание всех слоёв венгерского населения.

Затем он с горечью заметил, что между нашими странами был недавно один неприятный эпизод – намекая на ответ товарища Вышинского Криштоффи²³. Марьяши спросил меня, как отнесётся Советский Союз к немецкой акции в Сирии. Я ответил вопросом, а что, разве нем-

цы собираются предпринять какую-либо акцию против Сирии? Марьяши сказал, что после захвата Крита немцы должны пойти дальше, а именно на о. Кипр, Сирию и Суэц. Марьяши как в разговоре со мной, так и с Жегаловой²⁴ настойчиво заявлял, что «Советский Союз должен сейчас установить как можно более близкие отношения с Турцией, так как этого требует современная международная обстановка». Я не смог вчера на приеме уточнить, чем вызвано такое заявление Марьяши, постараюсь сделать это во вторник, когда он у меня будет.

Датский поверенный в делах Фриис²⁵ жаловался на судьбу своей страны. Он заявлял, что, несмотря на то, что Дания насильственно оккупирована немцами, её не считают нейтральной страной. Немцы забирают в стране всё то, что считают для себя необходимым, США оторвали от Дании Исландию и реквизируют датские пароходы. Фриис указал, что они питают большие надежды на торговлю с СССР.

Рауф Бей²⁶ на этом приёме несколько раз заговаривал со мной и попросил разрешения посетить меня сегодня, 25 мая, о результатах беседы с ним информирую. Хозар²⁷ сообщил Жегаловой, что немцы предложили туркам взять в свои руки эксплуатацию железнодорожной линии Узун-Кёprü – Свялинград. Он подчеркнул при этом, что речь идёт лишь о технической эксплуатации и к тому же временного порядка. Коснувшись позиции Болгарии, Хозар очень неодобрительно отзывался об аннексионистской деятельности болгарского правительства. Он указал, что политика болгар имеет двойственный характер: с одной стороны, они заверяют Турцию в дружеских чувствах и восхваляют политику Турции, рассчитывая на то, что в случае английской победы Турция поможет им сохранить их нынешние приобретения, с другой – болгары не откажутся присоединить себе и Турецкую Фракию, если немцы дадут им такую возможность. Хозар сослался при этом на слова председателя болгарского парламента, который заявил, что Германия выдала Болгарии четыре векселя, три из них оплачены, остаётся неоплаченным четвёртый. По словам Хозара, болгарин имел в виду Турецкую Фракию. В заключение Хозар сказал, что между болгарскими и турками никогда не могут быть установлены действительно дружественные отношения.

Секретари немецкого и итальянского посольств настойчиво заявляли в беседе с нами, что Крит в ближайшие дни будет полностью захвачен немцами. При этом первый секретарь германского посольства подчеркнул с присущим немцам самодовольством, что Германия никогда не предпринимает ни одной акции, не обеспечив заранее успех. Он сказал также, что он убеждён в том, что «Гитлер и Сталин обо всём договорились». Эту же мысль приводили и итальянцы.

Вчерашнее поведение турок по отношению к нам я объясняю их желанием продемонстрировать перед немцами наличие близких отношений между Турцией и СССР. Возможно, что турки хотят это использовать для оказания противодействия нажиму немцев, а может быть, также и для того, чтобы больше выторговать от них, если в этом будет необходимость. Во всяком случае, отношение к нам турок на прошлом приёме, когда присутствовали англичане, далеко не такое.

На вчерашнем приёме присутствовали также французы, которые демонстративно не являлись на приём 19 мая.

О положении в Ираке постараюсь завтра выяснить у Гайлани²⁸ и других дипломатов.

25. V. 1941. Виноградов.

АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 340. Д. 2328. Л. 38–42.

4.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

Вчера у меня был Рауф Орбай, бывший премьер-министр, ныне депутат меджлиса. Он заявил, что целью его визита является желание поговорить со мной о современном положении

и высказать своё мнение по вопросу советско-турецких отношений. Указав, что он является старым другом Советского Союза, поддерживавшим в своё время тесную связь с советскими представителями, Рауф выразил надежду на то, что теперь эту связь будет поддерживать со мной. Перейдя к вопросу советско-турецких отношений, Рауф сказал, прежде всего, что нельзя допускать никакого недоразумения в наших отношениях, так как «наличие самого маленького недоразумения между нашими странами несравненно опаснее любых крупных разногласий с другими странами, будь то Англией или Германией». Указав далее, что он был одним из инициаторов установления дружественных отношений с Советской республикой в 1919 году, Рауф подчеркнул, что Турция никогда не забудет о той помощи, которую она получила в самый тяжёлый для себя момент от Советской России. «Дружба с СССР является совершенно необходимой для существования Турции. Столкновение между Турцией и СССР опасно для обеих стран. Для Турции это представляет смертельную опасность, для СССР, конечно, значительно меньшую, но всё же для него может быть опасным, если на эту территорию вместо Турции придёт другая страна». Рауф несколько раз подчёркивал в процессе беседы, что Исмет Инёню придерживается такой же, как и он, точки зрения на советско-турецкие отношения. По его словам, «Турция никогда не может пойти ни на одно мероприятие, которое способно затронуть её жизненные интересы, в том числе и дружбу Советского Союза». На мой вопрос, верны ли слухи относительно того, что Турция согласится в определённой обстановке пропустить немецкие войска через свою территорию, Рауф самым категорическим образом отрицал правдоподобность таких слухов, заявив, что Турция никогда не пустит на свою территорию ни одного чужого солдата. «Не только английская или германская армия, но даже и русская армия встретит самый решительный отпор со стороны каждого турка, если попытается вступить на нашу территорию. Мы не для того боролись за нашу независимость, чтобы допускать это. Для нас не может быть иного выбора, кроме как жить независимыми или бороться хотя бы до полного уничтожения». Рауф рассказал затем о своей прошлой работе и объяснил причину своих столкновений²⁹ с Ататюрком³⁰ и другими турецкими руководителями тем, что он как человек не терпел якобы никаких уклонений от принципиальной линии и с отвращением относился к начавшейся коррупции среди правящей верхушки. Он рассказал, в частности, что у него были большие разногласия с турпра в 1921 году по вопросу о Батуми³¹. По его словам, он убеждал своё правительство в необходимости возвращения Батуми нам, в то время как тогдашние руководители Турции были против этого. Уходя, он снова подчёркнуто заявил: «Уверю Вас, господин посол, что Турция никогда и не при какой обстановке не пойдёт против СССР».

Беседа с Рауф[ом] представляет определённый интерес, у меня создалось впечатление, что он пришёл не только по своей личной инициативе. Вполне возможно, что за его спиной стоят какие-то лица, но пока трудно сказать, кто именно. Хотя его упорная ссылка на то, что Исмет Инёню разделяет его точку зрения, а также, что он полностью верит Исмет[у] Инёню и Чакмаку³², позволяет предполагать наличие каких-то связей Рауфа с этими турецкими деятелями. Небезынтересно также его подчеркивание в конце беседы того, что он является абсолютно свободным человеком, не находящимся ни под каким контролем. Из беседы было ясно видно, что Рауф представляет из себя человека, интересующегося политикой и активно реагирующего на все происходящие события. Постараюсь поддерживать в дальнейшем с ним контакт и уточнить его политическое лицо.

Некоторые инодипломаты, в частности, Киров³³, характеризуют Рауфа как человека, близко стоящего к немцам, который якобы является другом Папена.

Сегодня был у меня Киров, который сообщил, что немцы предложили туркам железнодорожную линию, проходящую по греческой территории, и саму территорию. Турки отказались от этого, так как они, по мнению Кирова, боятся, как бы после Германия не попросила кое-что взамен за этот «подарок». Турки согласились только на временную эксплуатацию этой железнодорожной линии. Киров полагает, что в настоящий момент турки не возьмут

никакие территории, но впоследствии греческая территория, которая сейчас «висит в воздухе», безусловно, будет турецкой. Он считает также, что Турция уже начинает постепенно смиряться с мыслью, что в конце концов ей придётся приспособливаться к новому порядку, установленному странами Оси. После того, когда Германия займёт Крит, Кипр, Сирию и Суэц, а это, по его мнению, будет скоро, Турции ничего не останется делать, как отказаться от союза с Англией и включиться в новый порядок. Переориентация внешней политики Турции не потребует изменения личного состава турецкого правительства, так как тот же Сараджоглу ничего не сделал реального для претворения в жизнь союзного договора с Англией. Киров, сославшись на Папена, указал, что, по словам последнего, Сараджоглу, кроме словесных заявлений и инспирированных им в прессе статей, не проявил особой ретивости в этом вопросе как друг англичан. На моё замечание, что некоторое время тому назад Киров и Папен давали другую характеристику Сараджоглу, Киров сказал: «Меняются времена и люди также».

26. V. 1941. Виноградов

АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 340. Д. 2328. Л. 43–47.

5.

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

Сегодня был у меня Марьяши. Отметив, что турецкие газеты за последнее время много пишут о Сирии, Марьяши сказал, что он не думает, чтобы Турция предприняла какую-нибудь решительную акцию в отношении Сирии³⁴. Турки побоятся это сделать из-за опасения вызвать ответные действия со стороны Германии. Я заметил, что, судя по заявлениям руководителей Турции, они сохраняют свою страну вне войны. Я поинтересовался затем мнением Марьяши о нынешней позиции Турции. Он сказал: «Союз с Англией по-прежнему остаётся основой турецкой политики. Но турки начинают также сближаться и с Германией. Если раньше Турция делала ставку на одну карту, то теперь она играет сразу на две. Турки не хотят окончательно порывать с Англией, рассчитывая на то, что если англичане будут победителями, то турки смогут попросить у них кое-какой компенсации за свой союз, хотя бы Мосул. Одновременно турки учитывают, что при изменении обстановки им придётся возможно изменить курс своей внешней политики». Марьяши затем заявил, что он с большим опасением относится к возможному включению в войну Америки, что, по его мнению, значительно удлинит войну. Если же Америка в войну не вступит, то можно надеяться на то, что Англия, убедившись в невозможности победить Германию, пойдёт на заключение компромиссного мира.

Возвратившись снова к позиции Турции, Марьяши заявил: «Определяющим фактором турецкой политики была и остаётся позиция Советского Союза. Ваша позиция по отношению к Турции сейчас для неё остаётся не ясной, поэтому турки не могут принять решений ни в ту, ни в другую сторону. Я могу Вам с полной уверенностью сказать, что единственной причиной, по которой Турция до сих пор не вступила в войну даже в благоприятный для неё момент, а именно, когда Италия терпела поражения, было то обстоятельство, что она не знала, чего следует ожидать ей со стороны Советского Союза. Об этом мне говорили неоднократно турецкие руководители». Марьяши спросил меня, каковы в данный момент наши отношения с Турцией. Я ответил, что наши отношения остаются прежними. Марьяши спросил: «Но Ваши отношения с Турцией не идут до активного политического сотрудничества? Я понимаю под этим совместное обсуждение, консультацию и общую линию поведения по отношению к различным событиям нынешней войны». Я заметил, что наши отношения с Турцией не потерпели никаких изменений, и что Советский Союз всегда старается проводить по отношению к своим соседям, как к Турции, так и Венгрии и к другим странам, политику укреплё-

ния добрососедских отношений. После моих слов Марьяши сказал мне, что он считает, что турки допустили большую ошибку, отойдя от той политики дружбы с СССР, которая была несколько лет тому назад, до заключения анкарского пакта.

Величие политики Ататюрка заключалось именно в том, что он понял, что Турция может существовать как Великая Держава только тогда, когда она будет иметь с СССР не только корректные, но поистине дружественные отношения. Сила Турции заключалась именно в том, что Ататюрк неизменно следовал этой политике.

Но после того как Турция решила положить в основу своей политики не союз с СССР, а союз с Англией, – советско-турецкие отношения изменились. «Мне хорошо известно, что многие турецкие деятели считают большой ошибкой отход от политики дружбы с СССР. Многие турки говорили мне, что они пошли на союз с Англией лишь потому, что они рассчитывали на присоединение СССР к англо-французскому блоку. Действительно, если бы Советский Союз заключил союз с Англией и Францией, то Германия была бы разбита через три месяца. Но СССР, проводя независимую политику, избрал другой путь, и Турция, следовательно, просчиталась. Теперешняя политика Советского Союза действительно является мудрой, она обеспечит Вашей стране такое положение, при котором Советский Союз будет иметь исключительно большое влияние на дальнейшее развитие всех событий. Я уверен, что по окончании войны Советский Союз будет самой сильной, самой влиятельной державой в мире». «Я надеюсь, заключил Марьяши, что в Ваших отношениях с Германией не будет никаких недоразумений, хотя сейчас и много ходит разных слухов относительно возможности этого». Я сказал, что действительно за последнее время ходят разные слухи, в частности и о том, что Германия концентрирует свои войска на нашей границе, но считаю эти слухи неправдоподобными. Наши отношения с Германией определяются пактом о ненападении и о дружбе, который соответствует интересам обеих стран. Марьяши заявил: «Я нахожусь в полном контакте с Папеном, и я могу Вам с полной уверенностью заявить, что вопрос о конфликте с СССР не стоит в программе Германии. Это объясняется даже и психологическими причинами. Всем известно, что Гитлер является человеком чувств. В своё время, когда он создавал национал-социалистическую партию, он клал в основу программы её борьбу с большевистской Россией. Но затем в силу целого ряда обстоятельств, а также, возможно, и потому, что этот вопрос был им лично изучен, Гитлер принял другое решение и переменял своё отношение к Советскому Союзу. Я могу Вас заверить в том, что если Гитлер протянул руку совпра, то сохранение этой политики является для него делом чести и престижа, и он не изменит ей, пока жив». Марьяши далее повторил, что Гитлер считает, что не выступит против Италии и Венгрии, пока у руководства этих стран находятся Муссолини и Хорти, так как он им дал в этом слово. Я снова повторил, что считаю слухи о подготовке Германией нападения на СССР неправдоподобными. Я заметил, что Советский Союз, когда заключает соглашение с той или другой страной, он всегда точно выполняет взятые на себя обязательства и надеется на то, что и другая сторона отнесётся таким же образом к взятым на себя обязательствам.

Марьяши заявил затем, что он очень сожалеет о том неприятном для Венгрии инциденте, имевшем место в связи с вопросом о Югославии³⁵. Он начал доказывать в духе объяснений немцев, что Югославия сама не пожелала жить в мире со странами Оси и что Венгрия не начинала войны, что она только присоединила венгерское население, когда Югославия распалась. Далее он начал изливать свои чувства к Советскому Союзу, указав, что в Венгрии особо тяжело переживали инцидент по вопросу о Югославии, и что он хочет, чтобы Москва, а также и я, правильно поняли позицию Венгрии в югославском вопросе: «Нам было очень тяжело, и мы с большой болью переживали, когда Москва дала такой ответ нашему посланнику». Я сказал, что характерной чертой нашего правительства является то, что оно, проводя независимую политику, всегда прямо высказывает своё мнение по тому или иному вопросу, хотя это и не всегда бывает приятно тем, кому оно направлено. Я также заметил, что считаю

совершенно неправильным, когда некоторые коллеги по дипломатическому корпусу проводят параллель между судьбой Югославии и Польши. Югославия была государством, которое проводило свою независимую политику и старалось установить хорошие отношения со всеми государствами, которое заявило также о своём желании выполнять все заключенные раньше ею договоры. Польша же была просто орудием англо-французской политики. Марьяши немного поморщился, но всё же согласился, что действительно нельзя проводить параллель между этими государствами.

Я склонен полагать, что сегодняшние вопросы Марьяши как о советско-турецких, так и о советско-германских отношениях были инспирированы Папеном. Немцы боятся, как бы Турция не сблизилась с СССР и советско-турецкие отношения не стали бы слишком близкими. Известно, что Папен проводит здесь большую работу и в том отношении, чтобы помешать возможному сближению Турции с СССР. Марьяши явно также прощупывал меня и в вопросе, как я отношусь к слухам о возможной акции Германии против СССР. Такие слухи в дипкорпусе продолжают усиленно циркулировать. Я не думаю, чтобы Марьяши по своей инициативе пришёл убеждать меня, что Германия не собирается нападать на СССР, тем более, что я эту тему в разговоре с ним не затрагивал.

Сегодня был на приёме у афганцев и у Папена. Характерно, что и на этих приёмах Сараджоглу был со мной подчёркнуто любезен, но, к сожалению, поговорить с ним на политические темы не удалось. Он поинтересовался, в частности, будет ли выезжать наше посольство на лето в Истанбул. Посоветовав поехать и указав, что в Турции будет всё спокойно, Сараджоглу, как бы спохватившись, добавил: «хотя нужно спросить об этом у Папена».

26. V. 1941. Виноградов

АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 340. Д. 2328. Л. 52–58.

Примечания

¹ См., например: *Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами: Очерки внеш. политики. М.: Наука, 1992. *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. Изд-во Академии наук СССР. М.–Л., 1948. С. 199–217. *Киреев Н.Г.* История Турции. XX век. Москва: ИВ РАН; Крафт+, 2007. С. 235–260.

² См., например: *Галиакбарова Н.М.* Германско-турецкий договор о ненападении 18 июня 1941 г. в работах турецких историков. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39507/1/cc_2013_10.pdf (дата обращения: 15.02.2022); *Гасанлы Дж.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне. М.: Центр пропаганды, 2008.

³ *Гасанлы Дж.* Указ. соч. С. 66; *Галиакбарова Н.М.* Указ. соч. С. 71. *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 200–201.

⁴ Шифртелеграмма полпреда СССР в Турции А.В. Терентьева в НКВД СССР о беседе с послом Германии в Турции Ф. Папеном в связи с попытками англо-французской коалиции втянуть Турцию в войну против Германии. 25 февраля 1940 г. АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2160. Л. 154–156.

⁵ *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 201.

⁶ Там же.

⁷ Передовица газеты «Известия» содержала острую критику позиции Англии, Франции и Турции, а на второй странице были опубликованы шесть избранных документов. «Известия». 1940, № 153. <https://dlib.eastview.com/browse/doc/25510906> (дата обращения: 15.02.2022).

⁸ СССР и Турция. 1917–1979. М.: Наука, 1981. С. 167.

⁹ Процесс этих непростых переговоров описан турецкими исследователями: *Deringil S. Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye'nin Dış Politikası.* İstanbul: Türk Vakfı Yurt Yayınları, 2003. S. 141; *Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi (1938–1945).* С. 1. İstanbul: İletişim, 2003. S. 559, 568–569, 584.

¹⁰ Виноградов Сергей Александрович (1907–1970). С 17 сентября 1940 г. по 24 февраля 1948 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Турции.

- ¹¹ Франц фон Папен (1879–1969) – немецкий дипломат, в 1939–1944 гг. посол Германии в Турции.
- ¹² Имеется в виду англо-иракская война 2.V. – 31.V.1941.
- ¹³ Исмет Инёню (1884–1973) – турецкий военачальник и государственный деятель. В 1938–1950 гг. – второй Президент Турецкой Республики.
- ¹⁴ Ход переговоров Ф. фон Папена с турецким руководством подробно рассмотрен турецкими исследователями: *Deringil S. Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye'nin Dış Politikası*. S. 141.
- ¹⁵ Имеется в виду путч югославских офицеров во главе с Д. Симовичем 27 марта 1941 г., не согласных с отторжением ряда территорий от Югославии в соответствии с Тройственным пактом. В ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. в Москве представителями югославского правительства и В.М. Молотовым был подписан пакт о ненападении между СССР и Югославией.
- ¹⁶ Душан Симович (1882–1962). В 1941 г. премьер-министр Югославии в изгнании.
- ¹⁷ Об этом прямо пишут турецкие исследователи. См.: *Deringil S. Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye'nin Dış Politikası*. S. 141; *Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi (1938–1945)*. S. 559, 568–569, 584.
- ¹⁸ Шюкрю Сараджоглу (1887–1953) – турецкий политический деятель, в 1940–1942 гг. министр иностранных дел Турецкой Республики.
- ¹⁹ Невьясенный турецкий информатор С.А. Виноградова.
- ²⁰ Нуман Рифат Менеменджиоглу (1893–1958) – турецкий дипломат, в 1941 г. – Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Турецкой Республики.
- ²¹ Аарно Юрьё-Коскинен (1885–1951) – финский дипломат. В 1939–1950 гг. посол Финляндии в Турции.
- ²² Посол Венгрии в Турции.
- ²³ Имеется в виду ответ 1-го заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского на заявление посла Венгрии в СССР Й. Криштоффи об оккупации венгерскими войсками части Югославии. См.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 29. Л. 38–41.
- ²⁴ Жегалова А.К. – первый секретарь Посольства СССР в Турецкой Республике.
- ²⁵ Временный поверенный в делах Дании в Турции.
- ²⁶ Имеется в виду известный турецкий морской офицер, политик Рауф Орбай (1881–1964). С 1925 по 1935 г. в зарубежной ссылке по причине идейных разногласий с М.К. Ататюрком. В 1935 г. амнистирован и получил разрешение вернуться в Турцию. В 1939 г. избран в меджлис от провинции Кастамону. О беседе с ним см. ниже.
- ²⁷ Фаик Хозар – турецкий дипломат. В 1952–1954 гг. посол Турции в Москве.
- ²⁸ Рашид Али аль-Гайлани (1892–1965) – иракский политический деятель. Один из организаторов антибританского военного переворота в Ираке в апреле 1941 г. С 3 апреля по 29 мая 1941 г. – премьер-министр Ирака.
- ²⁹ Это утверждение Р. Орбая в общих чертах подтверждается и повторяется в его политических мемуарах, впервые опубликованных через много лет после его смерти, в 2003 г. Однако в мемуарах говорится о конфликте между Р. Орбаем и И. Инёню, что ставит под сомнение его утверждения о единодушии со вторым президентом Турецкой Республики. Судя по приведённым в мемуарах данным, во время Первой мировой войны он был сторонником германской внешнеполитической ориентации Турции. См.: *Orbay, Rauf. Siyasi Hatıralar / Ed.: Ö. Andaç Uğurlu. İstanbul, Örgün Yayınevi, 3 baskı. 2009. S. 8–9, 15.*
- ³⁰ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) – турецкий военный, государственный деятель. Первый Президент Турецкой Республики.
- ³¹ В политических мемуарах Р. Орбая об этом эпизоде не упоминается.
- ³² Мустафа Февзи Чакмак (1876–1950) – турецкий генерал и государственный деятель. В 1941 г. – начальник Генерального штаба Вооружённых сил Турецкой Республики.
- ³³ Болгарский посол в Анкаре.
- ³⁴ Здесь венгерский посол имел в виду аннексию Турцией Александреттского санджака в 1939 г.
- ³⁵ Имеется в виду жёсткий ответ А.Я. Вышинского Й. Криштоффи, о котором говорилось выше.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-94-109

И.П. Глушкова

ИЗ АРХИВОВ М.Р. ДЖАЙКАРА. ЧАСТЬ 2.
ДОМАШНИЙ КОНДУИТ ОТСТАВНОГО БЮРОКРАТА:
ПРОШЕНИЯ СЛУГ И РЕЗОЛЮЦИИ ХОЗЯИНА

Маратх Мукунд Рамрав Джайкар (1873–1959), адвокат, судья, политик, журналист, просветитель и педагог был одной из крупных фигур индийского национально-освободительного движения¹. Выпускник Университета Бомбея, в 1905 году, по завершении стажировки в Великобритании, он был принят в лондонскую адвокатскую палату Линкольн-Инн, а в 1938 году стал почётным доктором гражданского права (Doctor of Civil Law, DCL) Оксфордского университета.

С 1926 года Джайкар входил в Комитет по реформированию Университета Бомбея, основанного в 1857 году², и, по личным воспоминаниям, в беседе с тогдашним губернатором сэром Лесли Уилсоном напрямую обосновал необходимость в Бомбейском президентстве собственного, а не обслуживающего пять разноязычных историко-культурных регионов, Университета Махараштры³. В 1942 году, в условиях растущей нестабильности Британского радж, Джайкар был назначен главой очередного комитета, реализующего эту идею⁴.

И хотя детальный рапорт об учреждении такого университета в Пуне был представлен правительству Президентства в 1943 году, к нему вернулись несколько лет спустя – в 1948 году, через год после обретения Индией независимости. Тогда же Бала-сахоб Кхер⁵, главный министр штата Бомбей, утвердил Джайкара первым вице-канцлером нового учебного заведения, датой создания которого официально считается 10 февраля 1949 года. Более того, не без влияния Джайкара Кхер передал университету бывший губернаторский дворец⁶, облюбованный им для собственных визитов в Пуну, куда обычно в сезон дождей переезжало бомбейское правительство⁷. И сам стареющий Джайкар перебрался в Пуну, в собственный коттедж в стиле Тюдоров, эстетика которого – сплав поздней готики и раннего Ренессанса – запала ему в душу ещё во времена его посещения английских усадеб. В новом жилье Джайкар старался выстроить прежнюю модель устроенности своего личного пространства и времени, что подразумевало отлаженный механизм домашнего обслуживания и своевременное устранение сбоев. «Бумаги Джайкара» из Национального архива Индии свидетельствуют, что решение этой задачи наталкивалось на большие трудности, о чём рассказывают голоса самих субалтернов – домашних слуг, зафиксированные в бюрократической документации, привычно собираемой их работодателем.

В архиве

В мемуарах «История моей жизни» Джайкар упоминает о светских беседах в английских домах, когда кто-нибудь в разговоре с ним благодушно обращался к известным стереотипам: «О! Так вы из Индии? Какая благословенная земля, что касается слуг!» И хозяйка, соглашаясь, добавляла: «О, индийские слуги! Какие послушные, нестроптивные, верные – им так мало надо!» Британцы той поры были не без симпатии к Индии, но это было отношение сверху – покровительственное, замкнутое на поварах, дворецких и носильщиках, т.е. на той Индии, которую они знали, не будучи осведомлёнными относительно существования другой Индии, произрастающей за пределами их ежедневных контактов⁸. Однако богатейшее наследие автора этой цитаты, сохраненное им для потомков, свиде-

тельствует, что и сам он был «замкнут» на «поварах»⁹ и прочем обслуживающем персонале. В контексте его постоянной озабоченности – в колониальных условиях или после – относительно поддержания порядка в собственном домохозяйстве это высказывание обретает новый смысл: слуги – это частые сбои в механизме, устранение которых требует квалифицированного менеджмента.

Папка Servants File no. 968¹⁰ из Национального архива Индии (National Archive of India. NAI) с письменными обращениями домашних слуг и краткими приписками рукой Джайкара составлена небрежно. Она насчитывает 56 листов с 43 документами, первый из которых датируется 27 декабря 1952 года, а последний – 24 августа 1958 года. В это время Джайкар продолжал занимать пост вице-канцлера и жил в особняке, завершённом к моменту его переезда в Пуну, на расстоянии около 150 км от Бомбея. Количество подшитых документов явно не исчерпывает проблемных ситуаций, но к этому моменту Рагхурам Кришна Голикере, идеальный секретарь, уже вышел в отставку, и равнозначной замены ему не нашлось. Все вложения, за исключением двух-трёх страниц на хинди и английском, составлены от руки на маратхи, родном языке Джайкара. Извинения за проступки и прегрешения; просьбы об отпуске, денежной помощи и прибавке к жалованью; прошения о найме, рекомендации, обещания, расписки в получении денег и т.д. высказаны голосами самих слуг, как они были услышаны и сформулированы в письменном виде местными грамотеями с приложением большого пальца подателя. Например, в одной челобитной *бхайя*¹¹ Рампадартх испрашивает отпуск для свадьбы, а в другой – казнится, что заснул на ночном дежурстве и молит о снижении штрафа в 10 рупий до одной; шофёр Шинде просит денег на починку руля у велосипеда, чтобы добираться до места работы, а в другой раз – на лечение сына, сломавшего руку при падении с велосипеда; Тукарам обещает впредь не уходить раньше установленного времени и исполнять любую работу, по поводу чего Джайкар приписывает «в том числе, мыть посуду и стирать грязное бельё» и т. д. В целом подборка из папки иллюстрирует принятый в домохозяйстве способ коммуникации между слугой и хозяином, вернее, обязательность фиксации их отношений в форме документа, и сообщает реестр дисциплинарных взысканий, сообщённых нарушениям. Тем самым осуществляется бюрократическое подчинение действительности через её материализацию в бумажном кругообороте.

В отличие от переписки Джайкара и Голикере, в которой почти всегда можно обнаружить начало и конец истории, сюжеты из папки № 968 с трудом поддаются распутыванию. За четырьмя обращениями от имени Рузалио Алфонсо (что выдаёт в подателе католика из Гоа), написанными разными почерками, вырисовывается драма:

1.

27.12.53 (маратхи)

*Nek namaskār bābā sāheb jaykar yāñce hujūrās*¹² –

Податель письма: Р. Алфонсо (повар):

Я служу вам четыре года, но из-за пристрастия к спиртному совершил серьёзный проступок, вследствие чего вы меня уволили, однако я приношу извинения за содеянное и нижежайше прошу оставить меня на работе. Впредь я никогда к алкоголю не притронусь, также не буду заниматься его изготовлением, как и выходить из дома, не имея на то причины, и если я не сдержу обещания, данного в этом письме, вы вправе подвергнуть меня надлежащему порицанию. И всё-таки проявите милость – оставьте меня, недостойного, на работе – об этом молю вас.

Ваш покорный слуга Р. Алфонсо

(Резолюция Джайкара): **Все вышеизложенное повар подтвердил, положив руку на Библию, поэтому с сегодняшнего дня возвращаю его на работу. МРД. 17.1.54**¹³.

2.

Пуна, 16.11.54 (англ.)

Дорогой проф. Джайкар, сэр,

Премного благодарю вас за письмо от 12.10.54. Я намеревался известить вас, что 13.10.54 вышел из тюрьмы, но, к сожалению, не смог, поскольку попал в сплошные неприятности из-за своей семьи, пребывающей целиком в глубоких страданиях вследствие моего плохого поведения и разных проступков.

Теперь у меня нет работы, а сидеть без дела очень трудно, поэтому умоляю вас о любой работе, обещая превосходное поведение, так как я усвоил хороший урок, полученный по причине своих дурных наклонностей, и поскольку я уверовал в вас, то возлагаю надежды, что вы поможете мне в этот острый момент. Если же вы не сможете подобрать для меня какого-либо места, пожалуйста, дайте мне наилучшие рекомендации для трудоустройства. Напоминаю, что работал я у вас четыре года.

Ваш со всей покорностью, Р. Алфонсо

(Приписка Джайкара на конверте: **Как у него дела? Есть ли новости о нём?**)¹⁴.

3.

12.12.54 (маратхи)

Tīrthasvarūp rā.rā. bā. sar bābāsāheb jaykar yānnā śi. sāṣṭāṅg namaskār

Никогда в жизни мне не забыть ваших благодеяний. Я оступился и был за это наказан. В период моей немоги вы поддерживали меня изо всех сил, и я всегда буду помнить вашу доброту.

Я глубоко сожалею о неблагоприятных поступках, которые совершал. Мне совсем некуда идти. Там, где я сейчас, где можно готовить пищу и прилечь ночью, сказали, что будь я один, разговор был бы другой, но теперь со мной жена и дети. Всё, что вы скажете, я готов выслушать и поступить в соответствии с вашими указаниями. Я сообщил брату, что побывал в тюрьме, и он тоже не желает иметь меня рядом. У меня нет ни пайсы, ни четверти анны¹⁵, негде жить. Кто, кроме вас, поможет мне, поскольку из-за тюрьмы работы мне теперь не найти? Посчитайте меня за сына, отпустите мне моё прегрешение из жадности к моей жене и детям, помогите хоть чем-то. Умоляю и не смыкаю глаз в ожидании секунды, когда вы меня призовёте. Пребываю в огромной надежде на вашу помощь.

Ваш покорный Р. Алфонсо¹⁶

4.

15.12.54 (маратхи)

Tīrthasvarūp barrister Bābāsāheb sa.n.vi.vi –

Сегодня, 15.12.54, я получил уведомление, что должен покинуть своё жильё, но, припав к ногам [домовладельца], договорился об отсрочке до 20-го числа. Поскольку в округе всем известно, что я побывал в тюрьме, работу найти невозможно. Кроме вас, у меня никого не осталось, теперь вы мне мать и отец. Я готов исполнить всё, что вы скажете, только смилуйтесь над несчастным, дайте хоть сколько на расходы. Я переживаю ужасное раскаяние по поводу содеянного. Моя главная надежда, что вы снова возьмёте меня под своё крыло. Пожалейте несчастного, помогите, выведите на [праведную] дорогу. Если вы поможете, я сделаю всё, как вы скажете, если сколько-нибудь дадите, то хоть как-то хватит на жизнь. А если нет, жизнь моя рухнет. Ну любым образом, хоть чуть-чуть меня пожалейте.

Ваш покорный Р. Алфонсо¹⁷

5.

(На бланке с адресом: Матри-смрити¹⁸, Ло-колледж род, Пуна 4, и с вензелем MRJ)
6.11.55 (англ.)

Рузалио Алфонсо служил у меня поваром один год. Я считаю его хорошим поваром и исполнительным слугой. М.Р. Джайкар¹⁹.

Сухая рекомендация, составленная почти через два года после первого письма и через год после последнего взывания Алфонсо, грешит неточностями: Алфонсо служил у Джайкара четыре года, и, даже если он был «хорошим» поваром и «исполнительным» слугой, вряд ли это могло нивелировать скандальную ситуацию, в которой оказался он сам и в которую поставил своего хозяина. Как узнать, что произошло в действительности?

Чтение папки Servants File оказалось чрезвычайно трудным из-за скверного качества микрофильма, вероятно, по причине низкосортной бумаги и выцветших чернил оригинала. Поэтому расшифровкой оцифрованных вложений я занималась как раз в той самой Пуне, где Джайкар возглавил Университет, в котором четверть века спустя я учила маратхи. За этим делом в сентябре 2019 года я наткнулась в местной газете на репортаж о торжественном открытии после восстановительных работ «особняка Джайкара», материальность которого, пока я вчитывалась в еле различимые знаки, даже не приходила мне в голову. Более того, этим особняком оказался коттедж на территории хорошо мне известного Национального фильмофонда Индии, с директором которого меня связывали некоторые общие интересы. Впоследствии выяснилось, что современное здание Фильмофонда было возведено в 1990-х годах на обширной территории сада, когда-то разбитого Джайкаром вокруг своего дома. Сам же тьюдоровский особняк со временем стал частью расположенного по соседству Индийского института телевидения и кинематографии, первого в стране (1960 г.). Важной особенностью выстроенного в соответствии с желаниями Джайкара жилья были чёрный вход и галерея, протянувшаяся вдоль обеих этажей по задней стене таким образом, чтобы слуги без надобности не пересекали прочие помещения. Там же, позади, сохранилась одноэтажная постройка, рассчитанная на проживание нескольких слуг, хранение садового инвентаря и угля. В беседе с директором Фильмофонда выяснилась ещё одна неожиданность: на открытии отреставрированного дома присутствовал слуга, работавший у Джайкара, – Кашид.

В папке Servants File это имя встречается дважды: в просьбе на имя Джайкара (хотя в шапке письма формальное обращение отсутствует) и в рекомендательном сертификате, выданном Кашиду в 1956 году, в момент ухода Джайкара в отставку с поста вице-канцлера.

1.

5.9.55 (маратхи)

На дорогу туда и обратно на автобусе мне приходится ежедневно тратить 8 анн. К тому же здесь выпадают и другие поручения за пределами дома, что создает дополнительные трудности. Также автобус не всегда приходит вовремя, из-за чего я являюсь на работу с опозданием. В связи с этим – могу ли я на протяжении месяца работать только в офисе?

Ваш покорный слуга, Д.Ш. Кашид²⁰

2. (Копия для Servants File)

Матри-Смрити, Пуна 4

14 декабря 1956 (англ.)

Настоящим подтверждаю, что Д.Ш. Кашид исполнял в моей резиденции обязанности пьюна²¹ в период моего пребывания на посту вице-канцлера Университета Пуны в

период с июля 1949 по май 1956. На протяжении этого длительного семилетнего периода я обнаружил его полезность, лояльность, верность и сосредоточенность на своей работе. Он обладает более чем средним интеллектом по сравнению с обычным пьюном, и у меня не вызывает сомнений, что, если бы в раннем возрасте ему было бы доступно преимущество правильного образования, он мог бы претендовать на более высокую позицию. Недавно он женился. Я желаю ему счастливой семейной жизни²².

В поле

Обе записки вызвали вопросы, которые я не надеялась разрешить, если бы вечером того же дня не оказалась в гостях у большого семейства Кашидов в современном многоквартирном Доме слуг (Servants Quarters) уже в университетском кампусе²³. Джаяннатх Шанкар-рав Кашид (1928 г.р.), в отличие от других, был назначен в личное обслуживание Джайкара Университетом, в штате которого он состоял и получал зарплату. Он и жил там же, в деревянной постройке для слуг ещё колониальных времён, а в «Матри-смрити» – на расстоянии семи километров – добирался на служебном велосипеде. В «Воспоминаниях»²⁴ Кашида-старшего, записанных его сыном, он перечисляет свои обязанности пьюна на протяжении десятичасового рабочего дня (8.00–18.00):

«Поддерживать в чистоте стол в кабинете сахеба на первом этаже, принимать телефонные звонки, доставлять принесённую в дом корреспонденцию, опрашивать посетителей и сообщать о них сахебу, вечером относить ежедневные семь-восемь газет в спальню, на следующий день вырезать из них материалы, отчёркнутые красным и синим карандашом²⁵, приклеивать их на большие листы с указанием названия газеты и даты и аккуратно подшивать в папку – таковы в общих чертах были мои обязанности»²⁶.

На посту вице-канцлера Джайкар нередко оставался дома – в силу преклонного возраста и сопутствующих недомоганий – и выезжал в Университет преимущественно на официальные мероприятия и подписание документов. Непонятое мною прошение Кашида о месячном разрешении работать в «офисе», т.е. в административном здании Университета – бывшем губернаторском дворце, как стало ясно в процессе полевых распросов, было написано после операции аппендицита. На некоторое время пьюн вынужден был отказаться от велосипеда и тратить ощутимую для него сумму на оплату проезда в автобусе. Без велосипеда также было затруднительно выполнять и другие – разовые – поручения за пределами дома, и в нашей беседе Кашид вспомнил, что опоздание на работу привело к резкому – на высоких нотах – выговору разгневанного хозяина, что вполне отвечало его характеру: «Жёсткая дисциплина и громовой голос Джайкар-сахеба всех повергали в трепет». Прошение подразумевало временное пребывание Кашида непосредственно в офисе вице-канцлера в Университете и было удовлетворено. Отсутствие обращения к Баба-сахебу, чего предельно аккуратный и ответственный Кашид не мог бы допустить ни при каких обстоятельствах, и отсутствие резолюции, наложенной Джайкаром, объясняется тем, что просьба была подана в соответствующее подразделение Университета, а в Servants File попала копия, сделанная кем-то ещё. В «Воспоминаниях» Кашид рассказал, что когда у него начались боли в животе, то Джайкар вызвал в дом собственного врача, который поставил пьюну диагноз и прооперировал его в государственном Сасун-госпитале, куда Джайкар приехал его навестить и оставил деньги на фрукты²⁷.

Высокая же оценка трудовой деятельности «домашнего пьюна», несопоставимая со скупой характеристикой, выданной Алфонсо, предназначалась для дальнейшего продвижения Кашида по служебной лестнице, в результате чего он получил место оператора в университетском телефонном узле. Кашид не без гордости вспоминал выданную ему рекомендацию, оригинал которой он утратил, и свадебный дар в 50 рупий от вице-канцлера. Собственный почерк Кашид узнал в первом же письме от имени Алфонсо, а его мемуары восстановили недостающие звенья:

Сколь жёсткой была дисциплина у Джайкар-сахеба, столь же великодушным был его характер. Повар Алфонсо по ночам, с задней стороны бунгало, гнал спирт. Сторож сообщил об этом Джайкар-сахебу, и тот распорядился, чтобы впредь этого не было. Так повторялось дважды. Когда то же самое случилось в третий раз, он выгнал Алфонсо с работы. На следующий день повар в рыданиях обратился ко мне: «Работы нет, жить с семьёй будет негде». Смелости напрямую поговорить с Джайкар-сахебом у меня не набралось. Но Алфонсо так упрашивал, что я изложил на бумаге его ситуацию и оставил на письменном столе у Джайкар-сахеба. Когда сахэб пришёл, то кликнул меня и спросил: «Записку ты написал?» Я страшно испугался и, заикаясь, признался. Тогда Джайкар-сахэб отправил меня через дорогу в Юридический колледж и распорядился принести оттуда Библию. Библию я принёс, он заставил Алфонсо положить руку на Библию и произнести клятву: «Никогда больше не повторю этой ошибки». Его взяли обратно, но опыт ничего ему не дал – он снова начал гнать по ночам спирт. Тогда сторож разбудил Джайкар-сахеба. Алфонсо как услышал шаги, бросился бежать, но в темноте за пределы территории выбраться не успел. Сахэб позвонил в полицию, и той же ночью его арестовали.

Месяцев пять спустя к Джайкар-сахебу пришел человек по имени Бхадкамкар, помощник судьи. Он сказал: «Судья спрашивает, что делать с вашим поваром?» На это Джайкар-сахэб ответил: «Я трижды его прощал, поэтому делайте сейчас, что хотите». Ему дали шесть месяцев тюрьмы. Позже сахэб попросил меня показать, где живет Алфонсо. Затем он сам, Маник-баи, Беби-таи²⁸, шофер Говинд-рав и я поехали в Бхавани-петх, к жилью Алфонсо. Издали я указал на дом. В этот момент жена Алфонсо, увидев машину, выбежала навстречу. Джайкар-сахэб сказал шоферу, чтобы тот развернулся, а мне в руку сунул сто рупий и сказал, чтобы я отдал жене Алфонсо. Я тут же отдал деньги, сел в машину и увидел, что по щеке Джайкара катится слеза²⁹.

Кашид приступил к работе в июле 1949 года, а в октябре и ноябре 1949 года, во время двух отлучек хозяина в Бомбей, Голикере, тогда утверждённый в ранге «личного ассистента» вице-канцлера вместо прежнего секретарства, уже упоминал пьюна почти в каждом письме-отчёте: «Кашид говорит, что каждый вечер будет приносить мне все письма, журналы, газеты и т.д., ежедневно доставляемые в “Матри-смрити”, и уже делает это»³⁰. Эта фраза с небольшими вариациями кочует из письма в письмо, поскольку Кашид стал хранителем ключа от почтового ящика в особняке, и тем не менее Джайкар, едва уехав, уже наставляет Голикере: «Не забывайте, что Кашид должен ежевечерне приносить вам всю почту из “Матри-смрити”. Иной раз он проявляет нерасторопность, так что предупредите его о необходимости быть чрезвычайно внимательным»³¹.

Субалтерн-голоса из папки № 968

Количество обслуживающего персонала в «Матри-смрити» подсчитать невозможно. Голикере согласился на продолжение сотрудничества с Джайкаром только на два года, и после его выхода в отставку прежняя чёткость в делопроизводстве была утрачена: подшивка велась нерегулярно, чередка имён среди подателей ходатайств о трудоустройстве свидетельствовала о текучке, должности не всегда обозначались. Кашид вспоминает: *В доме, кроме меня, были ещё садовник, сторож, водитель, мальчик на побегушках, повар и кухонный работник. Кроме меня, все – личные слуги сахэба*³². На мой вопрос – кто убирал особняк? – приближающийся к 95-летию улыбчивый и доброжелательный соседник ответил: «Мы же и убирали». В папке № 968, наряду с проработавшим семь лет «университетским пьюном» и носившим служебную униформу Д.Ш. Кашидом, присутствуют Алфонсо (повар), Рампартх Шарма (*бхайя*), М.Р. Шинде (водитель), Н.Кх. Кулкарни (пьюн), Раму Балаппа Патил (?), Говинд Витхоба Дзагдале (сторож-садовник), Нараян Гопал-рав Датир (*бхайя*), садовник (без имени), Датту Тукарам Гхайгуде (садовник), вновь принятый на работу

Ш.Д. Дзадхав (?), Шанкар (мальчик на побегушках / уборщик), Тукарам Нараян (уборщик), К.Д. Патил / Камлакар Патил (секретарь-ремингтонист), Кришна С.Ш/Сакалкар (?), Раджарам Гхолап / Раджарам (?), Вимал Асебхата (машинистка), Налини Бхагали (машинистка-стенографистка), Хираман Гену Дзагтап (плетельщик тростниковой мебели), Дхрубраджсингх Бишванатхсингх (сборщик аренды с бомбейской собственности Джайкара). В «Воспоминаниях» Кашид упоминает ещё нескольких человек, чьих имён в папке нет. Ниже голоса сгруппированы в блоки по принадлежности одному человеку вместе с ремарками Джайкара и иными приписками³³ и выделены курсивом.

Голос Рампадартха (бхайя):

18.3.55 (маратхи)

Служу у вас уже 3,5 года и имею желание продолжать. В связи с тем, что мой отец вознамерился меня женить, мне нужно было съездить в деревню, для чего я [уже] просил отпуск. Так. И вот в мае месяце мне необходимо уехать в деревню на свадьбу. В надежде снова получить отпуск прошу простить мне все прегрешения, совершённые по сегодняшний день.

(Приписка рукой М.Р. Джайкара): **Дал испытательный срок до конца месяца, посмотрим по результатам работы**³⁴.

Без даты (открытка, маратхи)³⁵

Госпоже бабушке и госпоже Биби³⁶ также мои приветствия. Простите за промахи, если когда-либо случались. Причина, по которой пишу письмо, заключается в том, что 8-го числа я приехал, 9-го числа мой брат сыграл свадьбу. После я добрался до своего дома и с того дня пребываю в тяжёлой немочи. По этой же причине пишу письмо с задержкой, состояние сейчас слегка улучшилось, но передвигаться ещё не могу. Десять дней лежал в больнице, здоровье сильно подорвано, поэтому прошу ещё на месяц предоставить мне отпуск. Надеюсь на то, что вы великодушно отнесётесь к моей просьбе. Если за это время пойду на поправку, то к концу месяца смогу вернуться. А как ваше здоровье? Сообщите, пожалуйста. Мой адрес: почта Кархия-базар, Рампадартх Шарма, ..., округ Рай-Барели, Уттар-Прадеш³⁷.

Судя по содержанию открытки, испытательный срок Рампадартх выдержал, ему были отпущены предыдущие прегрешения и разрешён отпуск, на время которого он подыскал себе замену. Временный – безымянный – бхайя, вероятно, поселившийся в каморке Рампадартха, тут же нарушил правила домохозяйства Джайкара и обратился с объяснительной: «Без числа (хинди). До настоящего момента мой брат жил вместе со мной, но после того, как позавчера вы сделали мне выговор за это, выселил его из своей комнаты и отправил к Дзабре-сахебу. Время от времени он будет заходить, чтобы повидаться, но жить здесь не будет»³⁸.

4.4.56 (маратхи)

Пишу с нижайшей просьбой – я работаю у вас уже четыре года. В прошлом месяце, находясь на дежурстве, я заснул, и за это вы меня наказали наложением штрафа в 10 рупий. Прошу вас не накладывать на меня, бедняка, такой огромный штраф, накажите меня за мой проступок вычетом в одну рупию³⁹.

Без даты (маратхи)

По соседству с вами идет стройка особняка. Там в качестве бхайи работает Дзат-бхаи. Он задержал какого-то старика, который воровал доски: набил ими мешок и собирался уходить, а он отобрал у него доски. Тогда он (старик) стал ругаться, а он (бхайя) позвал рабочих и стали его бить. Тогда я сказал – не бейте его, не ругайте его. Тогда они стали поносить меня, и как только я сказал им – не обзывайте меня, они набросились на меня. И старика снова побили, по тем же ушибам и досталось. И мне ещё досталось. Те люди ушли жаловаться в полицию. Я совершил огромную ошибку, прошу вашего прощения. По-

этому как поручитель защитите меня, кто, кроме вас, защитит меня? Умоляю из всех сил – простите на этот раз⁴⁰.

Голос Шанкара (мальчик на побегушках / уборщик):

5.9.55 (маратхи)

Обращаюсь с нижайшей просьбой о том, что имею желание выполнять различные работы по вашему дому, поэтому прошу предоставить мне службу в вашем доме.

Надеюсь на исполнение своей просьбы. Отпечаток пальца⁴¹.

Записка Шанкару:

Без даты (маратхи)

Шанкару. Что с Шанкаром? (вопрос на английском перечеркнут). Ты пять дней не являлся на работу, пять дней болеешь и не можешь сказать, когда придёшь. Тем временем в доме полно трудностей из-за скопившихся дел. Домашним приходится [самим] мыть посуду, стирать бельё. Все это так надоело, что сегодня ему [Баба-сахебу] пришлось взять на работу Тукарама⁴².

Голос Тукарама Нараяна (уборщик):

Без даты (маратхи)

Время прихода на работу в 7.30 утра – принял, в середине – два часа перерыв, вечером в 6.30 вечера можно уходить. Размер жалованья будет назначен устно.

Даю обещание выполнять всю работу в соответствии с указанным временем и работы не бросать. (Вставлено рукой М.Р. Джайкара) Буду делать всё: мыть посуду, стирать грязное бельё.

Приложен большой палец

(Приписка: берём на испытание сроком на одну неделю, после этого будет решено о постоянной работе. 12.10.55, МРД)⁴³.

Голос Дхрубраджсинха Бишванатхсинха (сборщик аренды) (На бланке с именем и адресом на хинди и английском: 12, Киртикар-вади, Бомбей 28):

8.12.1956 (хинди)

Во исполнение обязанностей настоящим уведомляю вас, что получил известие о болезни матушки, в связи с чем 21.12.56 отбываю в родные места. Надеюсь, мне удастся чем-нибудь матушке помочь. Во время моего отсутствия в вашем услужении остаётся мой брат, так что о своей собственности в Дадаре не волнуйтесь. Я постараюсь вернуться как можно скорее⁴⁴.

В «Воспоминаниях» Кашида присутствует эпизод, подтверждающий, что выходцы из Бихара нередко лучше справлялись с взиманием платы за сданные в наём помещения, что прибавляло им веса в глазах прагматичного Джайкара:

Однажды в особняк к Джайкар-сахебу пожаловал бородатый гость. Мне стало любопытно, и тогда Говинд-рав (водитель) рассказал мне об этом человеке. У Джайкара в Дадаре есть собственность – Киртикар-вади. И этого человека сахэб назначил сборщиком аренды, положив ему жалованье в 60 рупий. Постепенно этот человек стал прилаживать свободные помещения под свою коммерцию, заключив с сахэбом арендный договор на пять тысяч в месяц. Этот почин сделал его богатым, и теперь Джайкар-сахэб обедает с ним за одним столом⁴⁵.

Голос Н.Кх. Кулкарни (пьюн):

Без числа (маратхи)

Буду вести себя в соответствии с высказанным вами, как изложено ниже: 1. приходите ровно в 8.30, 2. спрашивать о работе у Аджи-баи и Бэби-баи, 3. делать то, что они скажут, 4. спрашивать разрешения, прежде чем уйти⁴⁶.

Голос К.Д. Патила (секретарь–ремingtonист):

19 октября 1956 (англ.)

Весьма признателен вам за шанс, предоставленный интервью с вашей честью утром 15-го этого месяца. В связи с этим хотел бы уточнить следующие детали для более полной информации и оценки [моих данных].

В отношении моей квалификации. Прошу вас принять к сведению, что я выдержал в 1955 г. экзамен S.S.C. (Staff Selection Commission, Комиссия по отбору персонала. – И.Г.). Также я прекрасно владею машинописью и знаком с телефонной системой.

Я хочу работать под вашим началом и готов исполнять любую работу, какую бы ваша честь ни попросила. Я буду благодарен, если для меня будет выделена отдельная комната. Минимально ожидаемая мною зарплата – 60 рупий в месяц.

Надеюсь, вы простите меня за беспокойство и заранее благодарю вас⁴⁷.

Без числа (маратхи)

Сегодня в 9.30 утра я отправился на вокзал, чтобы проводить сестру в Насик. После вокзала я намеревался проследовать на работу, но неожиданно у меня возникла боль за грудной, из-за чего я посчитал совершенно невозможным воспользоваться велосипедом и не смог прийти. За две минуты до прихода Раджарама я вышел (пешком), чтобы отправить письмо, но, встретив по дороге Раджарама, передаю письмо с ним. Из-за боли в груди никакой возможности ехать на велосипеде не было, а дорога пешком заняла бы много времени. Сегодня мне необходимо взять день для отдыха. Утром вернусь к работе⁴⁸.

10.4.1957 (маратхи)

Из-за испытываемого мною сегодня недомогания не имею возможности появиться на работе, о чём весьма сожалею. Убедительно прошу вас не сердиться. Вы определили для меня два выходных дня в месяц, и я никогда не превышал этого количества. Сегодня мне действительно плохо, поэтому я не смогу прийти. Будьте уверены в том, что я бы не остался дома, не имея на то причины⁴⁹.

Голос Датту Тукарама Гхайгуде (садовник):

12.1.58 (маратхи)

Сегодня днем по завершении всей работы мне нужно будет отлучиться за велосипедом в Кхадакваслу, поэтому на эти часы мне требуется отпуск⁵⁰.

Голос М.Р. Шинде (водитель):

8.12.57 (маратхи)

Обращаюсь с просьбой в связи с тем, что подошёл срок взноса за водительскую лицензию, т.е. до завтра деньги нужно внести. Поэтому надеюсь, что вы выдадите мне 10 рупий. Я должен выплачивать за лицензию ещё три года – вплоть до 1960, поэтому рассчитываю, что вы не откажете, иначе срок выплаты увеличится и мне добавят ещё 5 рупий. Поэтому надеюсь на ваше великодушие⁵¹.

13.1.58 (маратхи)

Сегодня по дороге домой у меня отломалась часть руля, и велосипед теперь не пригоден к использованию. Поскольку у нас нет денег на приобретение нового руля, прошу у вас 10 рупий. Прошу довести до сведения господина⁵².

2.2.58 (маратхи)

Просьба связана с тем, что наша матушка в деревне болела. Из-за гриппа у неё начался жар. Как только пришла телеграмма, мой брат с нашими жёнами и детьми тронулись в путь. По приезде туда они сообщили, что положение с матушкой весьма серьёзное. Немедленно выезжай. Поэтому я тут же выехал. Из-за отсутствия денег не смог отправить [вам] письмо. И все-таки наша матушка 29.1.58 скончалась. Поэтому мне нужен отпуск до 13.2.58, поскольку до завершения посмертных ритуалов я не могу приступить к работе. Для

прочих расходов нам необходимы деньги, поэтому любезно прошу выслать мне жалованье и разрешить отпуск до 13-го.

(Приписка): зарплата 80 рупий, аванс 10 рупий, вычтено 10 рупий за 4 дня по причине отсутствия без уведомления; выплачено 60 рупий. 4.2.58⁵³.

Голос М.Д. Шинде⁵⁴:

30.12.57 (маратхи)

Просьба заключается в том, что мой сын упал с велосипеда и повредил руку. Поэтому полицейский патруль определил его в больницу в Ванвади. Счёт за лечение составляет 24 рупии. Из них мне нужно выплатить 12 рупий, с просьбой о которых я обращаюсь в надежде, что вы их дадите. Вы собираетесь в Бомбей, но поскольку я неотрывно нахожусь при сыне, пришлите, пожалуйста, эти деньги мне домой⁵⁵.

Голос Кришны С. Шакалкара:

15.4.57 (хинди)

(Приписка: Получено 17.4.57, отвечено в тот же день)

По прибытии в деревню отправил вам письмо. Ответ от вас до сих пор не пришёл. Я прошу вас о том, чтобы вы позволили мне, когда наступит момент возвращения, приехать вместе с женой и детьми. Тут никаких удобств нет. Кроме того, если кто-нибудь в деревне заболевает, пока я в Пуне, то ухаживать за ними будет некому. Вследствие такого положения я и решил, возвращаясь в Пуну, взять с собой жену и детей. Но в Пуне трудно найти комнату под жильё. Убедительно прошу вас предоставить мне небольшую комнату для проживания в пределах вашей территории. Я очень хочу у вас работать. Пожалуйста, пожалейте бедного слугу, дайте ему комнату. Я никогда не забуду вашего благодеяния. Я рассчитываю, что вы предоставите мне жильё. Больше писать не буду, тут всё благополучно. Буду ждать вашего письма⁵⁶.

Копия ответа Кришне С. Сакхалкару (sic!) за подписью М.Р. Джайкара:

Твоё письмо от 15-го получил только что. Не понимаю, почему пишешь на хинди. Здесь хинди не в ходу.

Сообщением, что ты хочешь привезти сюда жену и детей, был весьма удивлён. В нашем хозяйстве свободной комнаты нет, и это тебе известно совершенно наверняка, поэтому в просьбе твоей смысла никакого нет. У нас всего четыре помещения: одно для бхайи, второе – для садовника, третье – для садового инвентаря, четвертое – для запасов угля, – и ты это знаешь, так что твоё письмо меня удивило. Здесь поблизости за умеренную плату можно снять комнату и, если пожелаешь, можешь определить туда жену и детей. Рядом живет г-н Данукар, у которого, как мне известно, работает слугой брат твоей жены. Так и размести жену с детьми у него или по соседству. У нас для тебя лишней комнаты нет⁵⁷.

Голос садовника (без имени):

18.12.57 (маратхи)

Я отправил запрос тётке своей жены. Но из-за сложностей у неё в доме по моему запросу содействия оказано не было. Я надеялся на них, поэтому сказал вам... Хотя в доме я сейчас один, мне нужны (40) сорок рупий с тем, чтобы впоследствии из моего жалованья вычитали бы ежемесячно по (5) пять рупий долга. Надёжного человека найти не могу. В связи с этим и связана моя нижайшая просьба. Готов выслушать любое ваше решение⁵⁸.

25.12.57 (маратхи)

В соответствии со своей нуждой я снял на (2) два месяца комнату. Зарегистрировался в больнице. Мои дочери мешают работать, поэтому я снял комнату. Все хлопоты [в дальнейшем] на себя возьмёт тётюшка моей жены. Я перенесу туда только самое необходимое. Перееду 1 или 2 января только с самым нужным. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы мне выплатили (40) сорок рупий предоплаты, а потом вычитали каждый месяц по 5 рупий.

Р.Т.О. (Please Turn over; См. на след. стр. – И.Г.)

Ежемесячная плата за комнату 10 рупий⁵⁹.

(Добавлено) резюме для М.Р. Джайкара: «26.12.57 (маратхи). Садовнику ваши слова передал. Он сказал, что причина, по которой ему нужна комната, в том, что жена уже на девятом месяце. Когда она разродится, точно неизвестно, поэтому за ней нужен постоянный присмотр. Для этого месяц назад он попросил у вас разрешения поселить в комнате помощницу, чтобы она всё время находилась возле его жены.

В деревне у меня никого не осталось, а после родов к нам придет двоюродная сестра. В деревню она приехать не может, поэтому мы сняли и оплатили комнату. И там же жена приготовила всё для приезда двоюродной сестры⁶⁰.

Голоса Раджарама Гхолапа⁶¹ и Анусаи Раджарам Гхолап:

1.12.57 (маратхи)

Я почитаю за великое благо работать у такого хозяина, как вы. И по-прежнему испытываю сильное желание продолжить работу. Ты, Раджарам, останешься у меня на службе? Да это для меня огромная радость. И почему бы не радоваться? Я с радостью готов у вас работать. Жалованья в 90 рупий, что вы раньше мне выплачивали, в связи с нынешней дороговизной теперь на жизнь не хватает. Каждый месяц мне приходится уплачивать 15 рупий за взятый напрокат велосипед. Из оставшихся денег 10 рупий плачу за жильё. Остальное приходится тратить на жизнь, на них содержать семью не получается, потому что у меня в доме пять маленьких детей, которые ходят в школу.

Со всем смирением прошу об одном – увеличить мне ежемесячное жалованье до 120 рупий. Это нижайшая просьба бедного человека. Жалованья, которое вы положили мне ранее, не хватало, из-за чего я и бросил работу. И всё же, со всей добротой войдите в моё положение и обдумайте сказанное мною – в этом заключается моё смиренное прошение у ваших добрейших стоп. Прошу довести до сведения наидобрейшего.

Примечание: На момент, когда я бросил у вас работу 1.5.57, мне был выдан аванс в сумме 40 рупий (10 + 25 + 5), а остальную часть зарплаты я ещё только должен был получить. Прошу вас и к этому вопросу отнестись с полным сочувствием

1.12.57 (маратхи)

Я прочитала изложенное моим мужем. Мне тоже хочется, чтобы он у вас работал. Поэтому я, его жена, заверяю вас, что внезапно, как в прошлый раз, без предупреждения мой муж работу не бросит. Прошу вас увеличить ему зарплату до 100 рупий⁶².

Голос Налини Бхагали (машинистка-стенографистка):

29.4.58 (англ., открытка)

Поскольку 30 апреля и 1 мая мне предстоит экзамен по машинописи и скорописи, я вынуждена попросить вас о двухдневном отпуске, предполагая, что вы не откажете. Я выйду на работу 2 мая в обычное время⁶³.

Голос Садашива Махадева Пашанкара (водитель):

24.9.58 (маратхи)

Обращаюсь с просьбой, связанной с тем, что уже 22 года, как я встал на путь бхакти⁶⁴. За это время тело приучилось к определённой дисциплине: с целью созерцания бога регулярно

но хожу в Пандхарпур, Аланди и Деху. Для посещения Деху и Аланди отгула не требуется, укладываюсь в свободное время. Вари в Пандхарпур в месяце ашадх совершаю пешком. Но в этот раз из-за вашей болезни вари я пропустил. Сейчас вы поправились, поэтому прошу вас предоставить мне трёхдневный отпуск для лицезрения бога, чтобы не нарушать установленного порядка, после чего я немедленно приступлю к работе. Если вы изволите, дайте мне отпуск с 27.9.58. 30.9.58 в 4.00 я вновь буду на работе. Надеюсь на то, что вы предоставите мне отпуск.

(Приписка рукой М.Р. Джайкара): **договоритесь насчет трёх дней с Вашампаяном, чтобы в случае необходимости он был готов выйти на замену.**

Договориться не смог, поэтому отъезд не разрешен).

В папке также присутствуют некоторые расписки и рекомендации, предыдущие / последующие этапы которых восстановить не удаётся, т.е. мне не известно, были ли приняты на работу Г.В. Джагдале, Н.Г. Датир и Вимал Асебхата, была ли работа Р.Б. Патила временной или он был уволен, и чем не устраивал характер Ш.Д. Дзадхава. Также не ясен сюжет с ремонтом тростниковой мебели – возможно, высокая цена за плетение нового стула приводится автором письма в качестве аргумента высокой, по мнению экономного Джайкара, цены за ремонт, которую он отказался оплатить в день получения счёта? И настоял на своём?

Рекомендация Говинду Витхобе Джагдале (сторож+садовник):

Деканское образовательное общество. Колледж коммерции Великой Махараштры, Пуна 4

6 июля 1953 (англ.)

Настоящим рекомендую м-ра Говинда Витхобу Джагдале, ранее задействованного в колледже на временной работе, к исполнению подходящих обязанностей во время периода отсутствия сторожа, садовника и др. Он ответственно относится к своей работе.

Н.Р. Кулкарни, директор⁶⁵

Расписка Раму Балаппы Патила (?):

23 апреля 1955 (маратхи)

Проработав в доме обладателя благородного имени Баба-сахеба Джайкара 11 дней, я получил за это 12 рупий наличными.

(Приложен отпечаток большого пальца левой руки)⁶⁶

Расписка Ш.Д. Дзадхава на рабочем контракте (?):

Без числа (маратхи)

Твоё письмо получено. Из него стало известно, что ты без работы, поэтому работу тебе предоставляю. Но принимаем тебя при соблюдении единственного условия: держать под контролем собственный характер – из-за него ты уже потерял у нас работу. В дальнейшем имей это в виду, если хочешь удержаться, в противном случае работу ты потеряешь, и впредь у нас ты её не получишь.

Это условие принимается⁶⁷.

Голос Нараяна Гопал-рава Датира (кандидат на должность сторожа):

31.12.57 (маратхи)

Причина подачи прошения в том, что я услышал, что вам требуется человек на место бхайи. Я служил в Университете Пуны в должности канцелярского разносчика и надеюсь на то, что вы возьмёте меня к себе на работу.

Р.Т.О. (Please Turn over; См. на след. стр. – И.Г.)

Я буду приходить на работу в 6.30 вечера и уходить в 7.00 утра. Жалованье мне положите то же, что выплачиваете бхайе. Буду вам очень признателен за предоставленную работу⁶⁸.

Голос Вимал ... Асебхаты (кандидатка в машинистки):

(Приписка рукой М.Р. Джайкара): **приглашена на личную встречу в Университет в 9.30 1.3.58**

Без даты (маратхи)

Я уже дважды заходила к вам, но вас не было дома. Цель моего прихода связана с тем, что у вас есть место машинистки. Я умею печатать и около года проработала в типографии Боуна, но из-за того, что ушла оттуда, я ещё не наработала достаточно машинописной скорости. Тем не менее не сомневаюсь, что с работой у вас я справлюсь, поэтому прошу оценить мои умения⁶⁹.

Счет, поданный Хираманом Гену Дзагтапом (плетельщик) и Р.В. Чандрачудом (?):

8.4.58 (маратхи)

1) Ремонт 6 тростниковых стульев – каждый по 4 рупии – 24.0.0 (зачеркнуто), приписано рукой М.Р. Джайкара **18.00** (т.е. по три рупии за стул. – *И.Г.*),

2) замена лопнувшего шнура на шторах – 0–12–0

3) ремонт ножки стула – 0–8–0

Итого: 25–4–0 (зачеркнуто), вписано **19–4–0**.

14.4.58

(Приложение к счету):

Хираман-плетельщик Буруд завершил у вас работу по плетению стульев из тростника. По нынешним расценкам, стоимость каждого оценивается в 377 рупий, поэтому просьба расчитаться с ним в соответствии с общим числом. Он также принес шнур для одной из штор – если понравится, то нужно добавить за него 12 анн.

(Приписка рукой М.Р. Джайкара): **заплачено за всё 20 рупий⁷⁰.**

* * *

Бесценность «Бумаг Джайкара» из Национального архива Индии, о сохранности которых он неустанно пёлся всю свою жизнь, даже не в том, что в них отражены десятилетия наиважнейшего периода – «движения к свободе» и первые постколониальные годы, когда упорный и настойчивый Мукунд Рамрав Джайкар играл важную роль. Пожалуй, никто из его соратников – образованных и амбициозных политиков, юристов и реформаторов, так же тщательно составлявших свои архивы в надежде на вечную славу и почёт, не зафиксировал точную интонацию того «молчаливого большинства», которое обеспечивало им условия для достижения поставленных целей. И только бюрократическая дотошность Джайкара, к тому же воплощавшего в жизнь собственные представления о механизме бытового обслуживания, позволила сохранить реальные голоса реальных субалтернов в непридуманных обстоятельствах их жизни.

Примечания

¹ См. подробнее: Глушкова И.П. Из архивов М.Р. Джайкара. Часть 1. Един во всех лицах: безотказный секретарь требовательного работодателя // Восточный архив. 2023. № 2(48). С. 55–68. Статья содержит переписку Джайкара с Рагхурамом Кришной Голикере, прослужившим у него 25 лет в качестве секретаря-менеджера по всем вопросам как профессионального, так и личного свойства.

² *Tikekar Aroon. The Cloister's Pale. A Biography of the University of Mumbai. Mumbai: Popular Prakash (2nd ed.). 2006. P. 165, 184.*

³ Махараштра – исторический регион и (с 1960 г.) административный штат Индии, жители которого говорят на языке маратхи. Джайкар так зафиксировал этот сюжет во втором томе своих мемуаров: «Однажды он (губернатор. – И.Г.) спросил меня, что можно сделать для Махараштры, прежде чем он покинет свой пост? ...[Я] ответил, что было бы желательно... назначить комитет для рассмотрения вопроса о региональном университете для каждой из частей Президентства, включая Махараштру. Я фиксирую этот момент как предтечу учреждения после длительных усилий Университета Пуны в 1948 г. и моего назначения – на девять с половиной лет – на должность почетного вице-канцлера Университета, реального образовательного органа для всей Махараштры, хотя и расположенного в Пуне» // *Jayakar M.R. The Story of My Life. Volume Two. 1922–1925. Bombay: Asia Publishing House, 1959. P. 337.* Русский вариант написания фамилии Джайкар основывается на маратхской орфографии и фонетике, а не английском искажении с добавлением несуществующей гласной.

⁴ *Tikekar. Op. cit. P. 185.*

⁵ Баласахед Гангадхар Кхер (1888–1957) – юрист и давний знакомый Джайкара. Занимал пост премьер-министра Бомбея в 1937–1939 и – после победы ИНК на выборах в легислатуру – в 1946–1947 гг.

⁶ Особняк в неоготическом стиле был заказан губернатором Бартлом Фриером в 1864 г. и завершён при его преемнике Сеймуре Фицджералде в 1871 г.

⁷ *Dixit Raja. Puṇe vidyārīṭhācā itihāsa. Puṇe vidyārīṭh suvarṇamahotsav: 10 Februvārī 1999. Pune: Pune vidyārīṭh suvarṇamahotsav prakashan, 1999. P. 61.*

⁸ *Jayakar M.R. The Story of My Life. Volume One. 1873–1922. Bombay: Asia Publishing House, 1958. P. 50.*

⁹ Историк Нитин Синха, инициатор изучения «домашнего обслуживания» (domesticity) и «домохозяйств» (households) в колониальной Индии, одну из своих статей начинает следующими словами: «Во время осады Калькутского форта в 1756 г. жаловались, что индийские повара покидают своих европейских хозяев, что может показаться мелким на фоне ужасного противостояния не на жизнь, а на смерть. Побег поваров, как заметил один из современников, “оставил нас голодать посреди изобилия”» *Sinha Nitin. Who Is (Not) a Servant? Domestic Servants and Service in Early Colonial India // Modern Asian Studies. Vol. 55, no. 1. 2021. P. 153.*

¹⁰ NAI, Jayakar Papers (Digitized Private Papers, DPP MRJ). File no. 968. Servants File. Application to M.R. Jayakar for servants of his house for leave and other things, 1953. Identifier PP_00000010967; Roll 00180_File_No_968. 56 p.

¹¹ *Бхайя*, букв. «братец», – выходцы из Северной Индии, обычно из Бихара, выполнявшие в бомбейских и пунских домохозяйствах функции сторожей.

¹² Цветистые приветствия в начале писем отражают навыки конкретных писцов; как важные маркеры они остаются, но без перевода, лишаящего их своеобразия и не добавляющего смысла в сам сюжет.

¹³ File no. 968. P. 2.

¹⁴ Ibid. P. 3–4.

¹⁵ *Анна* – 1/16 часть рупии.

¹⁶ Ibid. P. 5–6.

¹⁷ Ibid. P. 9.

¹⁸ «Матри-смрити», т.е. «Память о матери», – имя, данное Джайкаром своему пунскому жилью.

¹⁹ File no. 968. P. 21.

²⁰ Ibid. P. 17.

²¹ В Индии: пьюн (англ. peon) – неквалифицированный работник на посылах у чиновников и бюрократов.

²² File no. 968. P. 26.

²³ Сын и внуки Кашида также занимали (и продолжают занимать) в университете различные технические должности, что сохраняет за ними служебную жилплощадь.

²⁴ Новость о грядущей реконструкции особняка Джайкара появилась в центральной пунской газете *Sakāḷ* еще в 2013 г., и тогда же Кашид написал / надиктовал статью-воспоминание, опубликованную в той же газете. После завершения в 2019 г. восстановительных работ Кашид-старший с женой, сыном,

невесткой и внуками посетил особняк и, под наплывом чувств, надиктовал ещё 12 страниц компьютерного текста.

²⁵ Это был двусторонний карандаш, красным концом которого Джайкар отмечал любую заметку об Университете.

²⁶ *Kashid Jagannath Shankarrao*. Jaykar bangle, sa. Bābāsāheb Jaykar āni mī: ek āṭhvan. 2019. Рукопись.

²⁷ Ibid.

²⁸ Родственницы Джайкара, проживавшие вместе с ним в «Матри-смрити» и помогавшие ему в быту.

²⁹ *Kashid*.

³⁰ NAI, Jayakar Papers (Digitized Private Papers, DPP MRJ). File 1022. Correspondence between Golikere & Babasaheb (Jayakar) regarding domestic & personal matters, 1949. Identifier PP_000000011020; Roll 00187_File_No_1022. P. 148.

³¹ Ibid. P. 154.

³² *Kashid*.

³³ Нерасшифрованные места выделены многоточием; формальные обращения и подписи не воспроизводятся.

³⁴ File no. 968. P. 10, 12.

³⁵ Это письмо составлено по всем правилам маратхского эпистолярного этикета, причём рукой северянина Рампадартха (тем же почерком, каким в остальных письмах поставлена его подпись), владевшего за время работы как маратхи, так и навыками грамоты. Возможно, число утрачено в процессе микрофильмирования, на штемпеле открытки, стоявшей дешевле закрытого письма, почтовый штемпель не читается.

³⁶ См. прим. 27.

³⁷ File no. 968. P. 54–55.

³⁸ Ibid. P. 28.

³⁹ Ibid. P. 22.

⁴⁰ Ibid. P. 23.

⁴¹ Ibid. P. 16.

⁴² Ibid. P. 19.

⁴³ Ibid. P. 18.

⁴⁴ Ibid. P. 27. «Киртикар-вади» (из обратного адреса) – многоквартирный дом в бомбейском районе Дадар, собственность Джайкара, за аренду в котором отвечал автор письма.

⁴⁵ *Kashid*.

⁴⁶ File no. 968. P. 11.

⁴⁷ Ibid. P. 25.

⁴⁸ Ibid. P. 30.

⁴⁹ Ibid. P. 31.

⁵⁰ Ibid. P. 46.

⁵¹ Ibid. P. 37.

⁵² Ibid. P. 47.

⁵³ Ibid. P. 48.

⁵⁴ Вероятно, это другой Шинде, и не только по причине отличных инициалов – М.Р. и М.Д., но и потому, что в первой – приветственной строке прошений от М.Р. Шинде уточняется – «от водителя Шинде». В этой записке такого уточнения нет, и хотя почерк и стиль прошений похож, подписи просителей отличаются друг от друга.

⁵⁵ File no. 968. P. 43.

⁵⁶ Ibid. P. 35

⁵⁷ Ibid. P. 33–34.

⁵⁸ Ibid. P. 36.

⁵⁹ Ibid. P. 40–41.

⁶⁰ Ibid. P. 39.

⁶¹ Мне не удалось обнаружить данных о конкретных обязанностях заявителя.

⁶² File no. 968. P. 42.

⁶³ Ibid. P. 52–53.

⁶⁴ Речь идёт о формальном вступлении в общину *варкари*, приверженцев бога Витхобы, и принятии пожизненных обязательств о ежегодном *вари* (хождение) в определённые дни определённого месяца в храм бога в г. Пандхарпур (около 210 км от Пуны). Аланди и Деху находятся на расстоянии 21 км и 28 км от Пуны соответственно.

⁶⁵ File no. 968. P. 14.

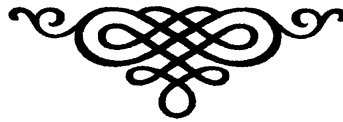
⁶⁶ Ibid. P. 13.

⁶⁷ Ibid. P. 15.

⁶⁸ Ibid. P. 44–45.

⁶⁹ Ibid. P. 49.

⁷⁰ Ibid. P. 51–52.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-110-117

С.В. Прожогина

ЭХО VIII ВЕКА В XXI ВЕКЕ. К ВОПРОСУ О ТРАНСФЕРЕ КУЛЬТУР

В последние десятилетия в отечественной науке установились многие новые термины, не столько определяющие сущность процессов в той или иной области знания, сколько «переводящие» её просто в русло другого языка (чаще всего английского). Для владеющих иностранными языками очевидна их общая, чаще всего латинская, реже древнегреческая основа. В литературоведении, культурологии, политологии появились *нарративы* и *дискурсы*, заменившие высказывания и повествования, *нарраторы* и *акторы* как следствие, заместившие авторов, повествователей, действующих лиц или просто участников. Появились во множестве и провайдеры, отменившие проводников, ну и конечно *травелоги*, подменившие рассказы о путешествиях. С *трансферами* – не только финансово-экономическими, политологическими, культурологическими перемещениями различного рода – несколько иная ситуация. Они не столь однозначны, как вышеперечисленные новые номинации, имеющие вполне синонимичные и вполне однозначные, давно устоявшиеся аналоги в русском языке и не нуждающиеся в откровенно навязанных терминах.

Трансфер в литературоведении, к примеру, часто сейчас употребляют вместо ранее бытовавшего диалогизма (в отличие от монологизма как особого рода специфики). Он стал заменителем и таких понятий, как культурное взаимодействие, взаимосвязь, взаимовлияние. Однако в целом трансфер, мы знаем, может быть употреблён в смысле некоего и межпространственного, и внутрипространственного перемещения, может быть понят как некое механическое сопresутствие иного в чём-то другом, просто как контакт «своего» и «чужого», или как сознательное заимствование, как дополнение чего-то к чему-то без насильственного насаждения чего-то в чём-то, а порой даже и как доминантное волевое замещение чего-то чем-то.

Но вот усвоение чего-то «чужого» в «своём» или чего-то далекого из своего культурного прошлого – это уже не механика перемещения, но органическое соприсродное взаимодействие, и это тоже должно быть уточнено.

Словом, бесконечная возможная открытость толкования термина *трансфер* без тщательного реального исследования процесса культурного «перемещения», сопresутствия «чужого» в «своём» так или иначе не расширяет возможности глубокого анализа причин появления какого-то нового явления в той или иной области знания, но требует обязательного уточнения или даже чёткости разграничения основополагающих процессов, влияний, взаимодействий, а порой и взаимообусловленности различных культурных процессов. Именно различение специфики перемещения культурных явлений зависит, естественно, не столько от текущего момента, сколько от контекста национальной истории.

А она связана и с политикой, и с экономикой, и с этно-конфессиональными особенностями, и со многими другими факторами, обуславливающими ту или иную форму цивилизационных процессов. Причем и в их синхронном, и в их диахронном развитии, если иметь в виду не только диагонали «своё // чужое», но и вертикали «традиции // модернизации», обращения к культурному наследию и как к способу самосохранения, самобытности, и как к уроку Прошлого, и как к источнику «вечных ценностей».

Ну а если формы культурной эволюции рассматривать только как заимствование, то, естественно, необходимо исследовать и такие продукты этого процесса, как подражание, стилизация, маньеризм и прочие, и прочие явления, связанные порой и с процессами (как случается в эпоху глобализации) обезличивания, постепенного стирания в амальгаме «трансферов», интенсивных миграций и прочих достижений технического прогресса в истории разви-

тия разных этно-национальных культурных принадлежностей, порой даже меняющих, «ломающих» национальные идентичности¹.

Но именно этот фактор стал показательным для краха концепта мультикультурализма в отличие от поликультурности, исторически сложившейся во многих странах, где живут разные народы. «Равноправного» соцветия разного не получилось при отнятии правовой, социально-экономической и прочей самостоятельности у разных народов, населяющих современную Европу, к примеру, где существует и господствующая в обществах конфессия, так и доминирует только одна культура в парадигме одного государственно-политического устройства. Французская республика – не исключение, и как таковая в своей истории никогда не уравнивала права определенных ею как национальные меньшинства с коренными французами.

Но и в условиях фактического культурного неравноправия возникает некий объективно необходимый диалогизм как действительно единственная формула жизни человека, его бытия в мире (М. Бахтин). И этот диалогизм можно узреть в извечно существующем историко-культурном обмене, взаимодействии, взаимоусвоении специфики как разных народов, так и их разных традиций. В том числе и своих собственных по вертикали культурного наследия. Во Франции необходимость поддержания основ Гуманизма и Просвещения, лозунга «Свобода, Равенство и Братство» позволяет существование в поле своей культуры обилия явлений литературного творчества, к примеру, и североафриканских арабов и берберов, и представителей Тропической Африки, и Ближнего и Среднего Востока, и Юго-Восточной Азии. Естественно, они развиваются в русле франкофонии, обеспечивающей взаимокоммуникацию.

А для североафриканцев, к примеру, в этом поле культурного взаимодействия характерно обращение не только к французскому языку и к традициям французской литературы, особенно в области жанровой, стилевой, но и к корням богатой культурной традиции прошлого, когда арабская литература давала образцы замечательной философии, прозы и поэзии.

Но и сам факт усвоения арабо-берберами Магриба плодов французской цивилизации в изначально очевидном такого рода её «трансфере», как колониальный захват, целью которого одновременно служила и политика аккультурации автохтонов – «местных дикарей», так сказать (ибо они *не такие*, как французы), стал эффективным результатом, как это ни парадоксально, видимо, удачно проводимой политики «офранцузивания». Привитие «чужого» привело к стойкому иммунитету магрибинцев и обернулось даже «оружием, выхваченным из рук врага», как сказал алжирец Катеб Ясин. Сработали по-своему и лозунги Гуманизма и Просвещения в эпоху борьбы за Независимость и Свободу.

Однако очевидно и то, что не только парадоксально изменившая вектор идеология стала достижением литературного франкоязычия магрибинцев, но и хорошо усвоенные в целом европейские, как я уже отметила, жанры, методы, стили мировой литературы, транслированные французской культурой, стали выразителями созревания национального самосознания уже в парадигме новой национальной культуры, предлагавшей, однако, свою картину мира, своё видение эпохи, свои порывы и страсти, подчинённые задаче собственного Национального Возрождения.

Эта тенденция не исчезает и до сих пор, и часто – в поле самой французской литературы, где работают многочисленные магрибинцы-иммигранты, которые все ещё надеются на продолжение создания нового мироустройства на своей родине, за которое боролись в эпоху национально-освободительной борьбы (творчество писателей родом из Алжира, Марокко, Туниса).

Но именно тогда, в ту эпоху, окружающая их реальность магрибинцами была запечатлена в текстах, где бушевали взятые из их далёкого прошлого героические примеры исторических событий, где восхвалялся подвиг предков, которые «не смирялись никогда» с нашествием чужеземцев (драматургия алжирцев Катеба Ясина, Анри Креа, предупреждавших о необходимости сопротивления и грядущих общественных катаклизмах)². В ту же эпоху в соз-

дававшихся и впоследствии укоренившихся художественных произведениях жанра исторических романов также запечатлевался подвиг предков, звавших «не останавливаться и идти только вперёд» (Рашид Буджедра³). Постепенно уже в эпоху завоёванной Независимости в странах, где вспыхнула борьба за власть и воцарились *старые традиции*, удерживавшие то Прошлое, в котором было только смирение и покорность догмам религии, в литературе появляются мотивы «нового наступления мрака», «ослепляющего отсутствия света» (Д. Шрайби, Т. Бенджеллун, Т. Буджедра, А. Мемми и др.)⁴ или даже дрящейся как проклятие обречённости на вечную войну «своих» с «чужими», причём порой «свой» становится хуже, чем «чужой» (Р. Миммуни)⁵. Появляются у некоторых магрибинцев даже призывы и воззвания к новым катаклизмам, взрывающим общественный миропорядок, который и после достижения независимости способен обречь народ на новое рабство (М. Хайреддин)⁶.

В новой литературе звучат и новые обвинения – уже не колонизаторам, а своим «хозяевам земли», и позволяют даже и сравнения, «кто лучше», а «кто хуже». Продолжаются разоблачения пороков всевластия, но уже не колониального типа, а новых социально-политических порядков, удерживающих старые традиции, связанные с религиозными догмами покорности и повиновения (Д. Шрайби, А. Серхан, М. Тлили, Н. Фарес, Р. Буджедра, Ясмина Хадра и мн. др.)⁷.

Один из классиков новейшей алжирской литературы, Мулуд Маммери, уже на исходе 80-х годов XX века меняет форму своей драматургии, переходя от трагедии к фарсу в духе «соты» (как формы использования традиций народно-зрелищных спектаклей, дававшихся на площадях больших городов во всех странах как Южной Европы, так и Северной Африки), в котором клеймит тех, кто «усыпил» сознание народа и сделал зависимым от мира повседневности, диктата потребительства, заставляющего людей забыть о великих идеалах Освобождения⁸. Таким образом, на исходе XX века М. Маммери продолжил традицию напоминания, издавна сложившуюся в самой литературе алжирцев, особо ярко запечатлённую в романе его соотечественника Мухаммеда Дибя «Пляска смерти», где была показана трагедия забвения героев алжирского Сопrotивления⁹.

Так что горизонталы соприсутствия разных культур и вертикали традиций собственных такого рода перемещения ценностей человеческого существования – явление действительно вполне закономерное именно потому, что это и есть необходимость Бытия.

Конечно, не всегда этот диалогизм, особенно со своим Прошлым, спасителен в плане «исторического оптимизма». Как сказал Э.М. Ремарк, «время не лечит, оно только оставляет шрамы на сердце». Однако они не у всех обязательно болят. Бывает, что именно они, эти рубцы, и прочно соединяют те ткани, а шире – полотна жизни, когда человек находит там источник своего вдохновения – на продолжение и жизненного пути, и своего творчества. Литературоведам, к примеру, известны многочисленные «переклички» поэтов, писателей разных эпох разных народов. В этой перекличке – отголоски, эхо и звуки далеких веков, дошедшие до Настоящего времени. А это значит – созвучное и настроению самого автора, и даже в чем-то совпадающее и с голосом его времени.

Такой источник вдохновения художников находит само течение его жизни, его личная история, но очевидно совпадающая с тем, что он находит близкое в отдалённой от него эпохе, но свойственное каждому человеческому состоянию – любви, ненависти, тоски, надежды... Эмоциональная реакция на разного рода лихолетья текущей реальности звучат эхом Прошлого, отмеченного всегда теми же состояниями гнева или смятения, неуверенности или, наоборот, веры, желанием выстоять и даже отомстить.

Мировая поэзия, как и проза, и драматургия, вообще всегда полны разных перекличек такого рода. Русская культура, явившая высокие образцы художественной словесности – не исключение. В ней всегда и издавна были слышны отзвуки и римской, и греческой Античности, и эпох Возрождения, Гуманизма, слышались созвучия с английским и немецким романтизмом, с французской лирикой всех времён, от трубадуров до П. Ронсара, вплоть до эпохи

французского Сопротивления. А во французской культуре того времени, когда французский народ дал отпор немецкому фашизму, зазвучали ритмы русской авангардной поэзии, её маршевая интонация, призывы к движению «только левой» (см., к примеру, поэзию Л. Арагона, Р. Шара, С. Ж. Перса и многих других того времени). А поэзия, рождённая этой эпохой, по-новому зазвучала вместе с русской, эпохи В. Маяковского, откровенно и органично во времена борьбы за Независимость против французского колониализма алжирцев, восставших уже в середине XX века. Революция и Поэзия стали «единым целым» в долгие годы борьбы за Независимость.

Так что в этих консонансах эпох – и переключки поэтов, отмечаемая повсеместно: от Испании до Китая, от Турции до Индии и так далее.

Можно, конечно, коротко сказать, что это всё трансфер. Но всё-таки лучше уточнять реальный объём его смысла. Именно это и определяет ритмы художественного творчества, созвучного или не созвучного времени.

Отмеченное выше важно не только для сравнительно-теоретического изучения литератур как такового, но и в аспекте межкультурности и даже цивилизационных взаимовлияний. А что уж говорить о значимости изучения собственных национально-литературных, исторически сложившихся традиций во внутренних литературных процессах, где опоры на культурное наследие, на достижения своего прошлого столь очевидны в творчестве подлинных художников слова. Трудно даже припомнить что-то абсолютно «бескорневое» даже в явлениях во многом индивидуализированного «авангарда» вплоть до крайностей сюрреализма, да и во всей бесконечности модернизаторства, так или иначе субъективированного, однако при пристальном рассмотрении оказывающимися закономерными следствиями предыдущего развития.

Эволюция традиций, если их понимать не как «пепел» прошлого, но как «факел», пытающийся осветить путь в будущее, поиски абсолютно нового – закономерны. Таким образом художник по-своему формулирует собственное отношение к Настоящему, его окружающему.

В русской литературе и её «золотого», и её «серебряного» века и далее повсюду вплоть до наших дней – лишь подтверждение внутренней необходимости литературы, сохранение опор, самобытности, самостоятельности, признаки которых – не разрушение всего вокруг, но попытки созидания. Пусть по-своему. Это очевидно во всех литературах и Запада, и Востока. Африка – не исключение: у неё есть свои богатые традиции устного народного творчества, но есть и опоры на образцы и мировой, и собственной, рождённой эпохой антиколониальной борьбы новой национальной традиции. К примеру, в Магрибе сохранены в литературе второй половины XX века и даже первого десятилетия нового века и традиции наследия лучших образцов арабской словесности Средних веков и продемонстрированы опоры на образцы фольклора горных племен, которые извечно боролись за свое сохранение.

С фольклором понятно¹⁰. Дух извечного противостояния магрибинских горцев (Риф, Кабилия) «Чужому» для современных поэтов и прозаиков, да и драматургов – это возможность показать своё собственное отношение к тому, что они полагают несостоявшимся в обществе, когда-то исполненным лозунгами Независимости, восстановления социальной справедливости, избавления народа от гнёта несвободы. Однако новый социально-политический миропорядок, исполнившись новыми формами зависимости от Запада, угнетения свободолюбия, борьбы за власть и новым «беспорядком вещей», вызвал к жизни бурную реакцию литературы как особой формы общественного сознания, дав массу образцов резко социально-критических произведений о постколониальной эпохе¹¹.

Но вот, казалось бы, зачем вспоминать лирику арабской поэтессы VIII века, да ещё и суфийской принадлежности, в наши тревожные дни? Во всяком случае, это не первостепенной важности задача для современной литературы – обращаться к примерам далёкого прошлого.

Хотя сегодня для многих это актуально. Проблем масса вокруг, подлежащих осмыслению и переживанию, и даже очень острых. Однако же для человека как такового, будь он кто угодно и в политике, и в науке, и в творчестве, любой национальности, любой эпохи, в жизни в целом главным оказывается ощущение себя в окружающем мире, своей необходимости (или, наоборот, ненужности), своей сопричастности к происходящему вокруг (или своего безразличия, своей посторонности), насыщенности дней своих заботами и трудами (или, наоборот, беспечностью и беззаботностью). Главное, конечно, для человека – это ощущения, чувства, которыми он преисполнен, ибо бесчувствие равно *отсутствию жизни*, что доказано наукой.

Но среди многообразия чувств есть одно, безусловно, жизнь определяющее. Это любовь, даже если при этом или несмотря ни на что у человека может возникнуть и парадоксально ощущаемое им своё полное одиночество в мире. В истории мировой поэзии это очень часто случалось, причем в творчестве абсолютных её гениев (Гёте, Гейне, Байрон, Лермонтов, Пушкин, Верлен, Рембо и т.д.). Но я пишу эти строки под впечатлением от недавно полученного (февраль 2023 г.) письма современного мне тунисского поэта Тахара Бекри, живущего во Франции. В этом письме был и перевод на французский язык с арабского, выполненный поэтом, одного стихотворения поэтессы Рабии Ад-Адавийи¹², считающейся сегодня многими исследователями одной из выдающихся женщин арабской культуры раннего суфизма.

Не скажу, что Тахар Бекри, тунисец по происхождению, внезапно испытал чувство одиночества: в его творчестве всегда оно присутствовало одновременно со всеобъемлющим чувством любви – от женщины до Отчизны; его лирика была часто полна ощущением своей потерянности не только в «океане странствий», но и в остроте постоянного осознания своего «изгнанничества», жизни на чужбине. Это чувство усилилось особенно в последнее время, в эпоху пандемии, когда резко принятые на Западе меры самоизоляции могли породить у поэта и чувство разорванности своих «связей с Человечеством»: его недавнее стихотворение «Плач по человечеству» (опубликованное в русском переводе)¹³ – яркое подтверждение этого процесса. Тем более, что в биографии поэта много эпизодов, рождающих его скорбь по «осколкам сердца», разбитого не только на Западе, но и на родине, в Тунисе. Он давно и вынужденно уехал из родной страны после тюремного заключения в связи с участием в студенческих волнениях. Но горечь в сердце после расставания с родной землёй только копилась, и после неприятия его, араба, семьей его жены-француженки (в результате чего она почти лишилась рассудка и теперь безнадежно больна), и в постоянстве напоминаний Западом ему, арабу, его социальной «второсортности» (особенно заметной в университетской среде, где он работал, преподавая арабскую литературу, хотя никогда не был удостоен звания профессора, а лишь только доцента, несмотря на все возможные учёные степени); и сегодняшняя его, поэта, уже физическая невозможность вернуться в родную страну, по которой он неизбежно тоскует. Всё это вместе сыграло свою роль и в настрое, интонациях его поэзии, особенно последнего десятилетия¹⁴. Хотя нельзя не отметить, что всё это сопровождалось и расцветом пышной славы: поэт отмечен сегодня всеми самыми высокими поэтическими премиями Франции – одна из которых называется даже «За озарения французского языка» (не говоря уж о совсем недавней премии, которой удостоивают только самых изысканных поэтов с эпохи французских труверов и трубадуров, – Академии Флоро). Но не забудем, что вместе с пышной «кроной» всё равно болели «корни», росло осознание поэтом и своей разности, и своей непохожести, и своей невозможности прижиться на Западе, неумоимо напоминающем о себе тем, кто «родом не отсюда»...

Возможно, всё вместе стало причиной поисков нового источника вдохновения, – и им оказывается ранняя суфийская лирика. И хотя обращение к наследию искусства Востока ему давно не чуждо (как и к искусству Запада), как и к заветам великой русской поэзии – от оды «Вольность» до творчества наших современников, – мне не случалось ранее никогда ни в

разговорах с Поэтом, ни в творчестве его как таковом подметить некую религиозную склонность или тенденцию (хотя всё-таки он родился в мусульманской семье, где соблюдались все религиозные традиции), связанную с той частью мировой литературы, где религия – первооснова лирики, утверждающей любовь к Всевышнему как чувство Прекрасного, Совершенного, Абсолютного, постижения своего идеала и самопостижения в пространстве окружающего мира, не всегда благосклонного к твоей судьбе.

В лирике поэтов-суфиев, так или иначе связанных с изначальным аскетическим мистицизмом, направленным на исправление душевных пороков человека, с духовным воспитанием его, запечатлено с невероятной силой одновременного утверждения и значимости самого человека как сопричастного высшему откровению («Я есть Истина» – восклицал великий Аль Халладж). Об этой поэзии арабистами написано немало, немало переведено, в том числе и на русский язык. Но вот о Рабийе Ад-Адавийе нам известно не так уж много, хотя в 2013 году в интернете были замечены попытки переводов её поэзии у нас в России, а во Франции уже с 80-х годов по настоящее время её не только переводят, исследуют, но и создают многочисленные антологии. Одна из них, объёмная, с комментариями, в 2015 году была сделана видным ливанским поэтом, политиком и общественным деятелем Салахом Стетье.

Тахар Бекри тоже не остался в долгу перед этой фантастически одарённой женщиной, исповедовавшей суфизм, отказавшейся от всех благ жизни, но напитавшей древо поэзии соком такой любви, которая, видимо, и до сих пор ещё живет, связуя Небо и Землю в высоком порыве человеческой души и горьком осознании неизбежности претерпевания трудности своей земной юдоли.

Какое же стихотворение Рабийи Ад-Адавийи сегодня могло вдохновить современного поэта, тунисца по происхождению, давно живущего во Франции? Вот перевод, сделанный Тахаром Бекри на французский язык стиха, судя по всему, очень созвучного его сегодняшнему настроению¹⁵.

Dans ma solitude

Ma paix ô mes frères est dans ma solitude
Mon amour est toujours en ma présence
Je n'ai trouvé pour son amour
Qui le remplace Son amour dans
Les campagnes est mon épreuve
Où que je voie ses bienfaits
Là est mon mihrab et ma qibla
Si je meurs d'amour
Sans qu'il soit satisfait
Et que mon impuissance
Dans il'au-delà soit ma peine
O Médecin du cœur!
O tous mes souhaits!
Sois généreux d'un amour
Qui guérisse ma flamme
O ma joie ma vie de toujours
Ma naissance est de toi
Aussi mon extase
J'ai quitté tous les Humains
Espérant de toi un amour
Mon vœu sera-t-il exaucé?

Попробую донести его смысл на русском:

В моём одиночестве

О, братья мои, покой мой в моем одиночестве!
Любовь же моя – всегда и повсюду со мной.
И знайте, ее никогда и никто не заменит,
Где бы я ни жила и сколь далеко ни была б.
Все испытанья ниспосланы мне этой любовью,
Она благодатью отмечена свыше,
Став мне михрабом и Меккой моими,
Даже если она – безответна, глуха и нема.
Бессилье мое мне она облегчает,
Но вознесение к небу – заветный удел.
Там Лекарь всесильный излечит!
Сердечные тайны он знает, желанья мои все услышит,
Излечит меня и погасит душевный костер.
В том – радость моя, в знании вечности жизни,
Возрожденье себя и всего,
В том экстазе надежд, когда страсти земные
Мне уже не нужны во спасенье моё.
О, как хочется, чтобы желанья мои ты исполнил.
Может, сбудется то, что так страстно хочу?

Конечно, перевод с языка-посредника – дело не вполне точное, хотя и порой необходимое, потому что иначе как познакомить иноязычного читателя с возможностью столь далекого «трансфера», идущего из глубин столетий? Но я доверяю Тахару Бекри, передающему нам эстафету знания, – он прекрасный переводчик хотя бы потому, что очень удачно перевел с русского пушкинскую оду «Вольность». А перевод Рабии Ад-Адавии сделан им с арабского – его родного языка. Но опубликовав это стихотворение во франкоязычной газете «Capitalis», выходящей в столице Туниса, он тоже это сделал преднамеренно. Широко читаемая газета в такой поликультурной и поликонфессиональной стране предназначена не только своей широкой аудитории, включая соседние страны Магриба, но и призвана знакомить с истоками арабской культуры и цивилизации в целом большую франкофонную читательскую аудиторию и за рубежом, вплоть до Канады, Африки, Бельгии, Швейцарии и так далее, и, таким образом, может иметь резонанс в других языковых системах.

Однако публикация для всех тех, кто хочет знать основы арабской цивилизации в таком своеобразном её представлении, как поэзия суфиев, видимо, сегодня тоже условие, необходимое для реакции человека на окружающую его реальность. Для меня вообще не удивительно, что современный тунисский поэт, живущий во Франции, знакомит своих соотечественников с творчеством поэтессы, жившей в Ираке. Тунис – страна, где хранятся следы разных цивилизаций – и пунической, и римской, и арабской, и османской, и французской. А ещё на юге страны есть пустыня, а там – оазис неподалеку от города Габеса, где родился поэт, и недалеко от оазиса, в песках стоит нетронутый временем римский Колизей, хотя в самом Риме – только руины от такого же сооружения...

А вот Париж, откуда прислана к нам в Россию весточка о сохранности памятника VIII века в творчестве тунисского поэта, когда-то был назван А. Дюма-сыном «многолюдной пустыней», – писатель имел в виду уже тогда, в XIX веке, состояние полного одиночества человека, существующего в вихре бесконечно сменяющихся друг друга событий и в пространстве абсолютно чужих, друг друга не понимающих людей. Но и сегодня Париж, переполненный

разными народами и разными культурами, часто пылает огнём, шумит смятением улиц, громом лозунгов демонстраций и исполнен голосов «разных флейт» и «призывных труб», которые не могут не породить иногда и потерянности в этой «пустыне», где существуют как бы и невероятные возможности, но и горькие реальности. И может быть, последние обстоятельства так или иначе и определили выбор Тахаром Бекри стихотворения Рабии Ад-Адавийи «В моём одиночестве».

Но это вовсе не означает, что это состояние преисполнено только уныния. Как и Рабия Ад-Адавийя свято хранит в сердце надежду на встречу со своим Небесным Возлюбленным, как и Тахар Бекри, знаю точно, несмотря ни на что, тоже живёт своей прекрасной надеждой – «обнять Человечество», увидеть родину. Это для него тоже высокое чувство, в котором дышит сама возможность *объединения людей*, которые способны питаться соками лучших плодов земной цивилизации. Мне кажется, что такого рода «трансфер» очень важен сегодня: это как в «Оде к радости» Шиллера, звучащей у Бетховена в едином ритме биения миллионов сердец...

Примечания

¹ См. подробно в: *Прожогина С.В.* Новые идентичности. М., 2012.

² *Yacine, Kateb.* Le cercle des représailles. P., 1956; *Krea, Henri.* Théâtre algérien. P., 1962.

³ *Boudjedra R.* La prise de Gibraltar. P., 1987.

⁴ *Chraïbi D.* La succession ouverte. P., 1962; L'enquête au pays. P., 1981; *Ben Jelloun T.* Cette aveuglante absence de la lumière. P., 2001; *Boudjedra R.* L'insolation. P., 1970; La macération. P., 1985; La désordre des choses. P., 1990; *Memmi A.* Le scorpion. P., 1968; Le désert. P., 1979.

⁵ *Mimouni R.* Une peine à vivre. P., 1991; La malédiction. P., 1992.

⁶ *K'Hair Eddine M.* Agadir. P., 1967.

⁷ *Chraïbi D.* La civilisation, ma mère! P., 1972; *Serhan A.* Le soleil des obscurs. P., 1992; *Tlili M.* La montagne de Lion. P., 1988; L'après-midi dans le désert. P., 2011; *Boudjedra R.* La vie à l'endroit. P., 1997; *Hadra, Yasmina.* Ce que le jour doit à la nuit. P., 2010; Ce que le mirage doit à l'oasis. P., 2018.

⁸ *Mammeri M.* La cité de soleil. P., 1987.

⁹ *Dib M.* La danse du roi. P., 1968.

¹⁰ Об этом подробнее см.: *Прожогина С.В.* Противостояние. М., 2022.

¹¹ Подробно в моих работах: Магрибинский роман. М., 2007; Алжирская сюита. М., 2014; Марокканский ноктюрн. М., 2015; Тунисская элегия. М., 2016 и др.

¹² Рассматриваемая как первая женщина-суфий, мистик в исламе, Рабия Ад-Адавийя (718–801) оставила в наследство много стихов, некоторые из которых могли бы считаться как анонимные, но ей, однако, приписанные, хотя они тесно связаны и с воображением самого народа, который в ту эпоху был куда более аскетичен, чем нынешние представления о нём (запечатлённые, к примеру, в египетских фильмах, посвящённых этой поэтессе). Шёл VIII век. В Ираке в Бассоре, где правил халифат Аббасидов, сохранилось множество преданий, хроник, легенд, анекдотов даже, связанных с именем поэтессы. Постепенно создалась целая литература о её жизни, о её творчестве, которая, как считают исследователи, прославляет «божественную любовь». (См.: *Chants de la recluse*, trad. par Mohammed Oudaimah et Gérard Pfister, Arfuyen, 1988; *Annestay, Jean.* Une femme soufie en islam, Rabi'a al-Adawiya. Entrelacs, 2001; *Stétié, Salah.* Rabi'a de feu et de larmes. Albin Michel, 2015.) Смеею заметить, что у этих французских исследователей выражение «L'amour divin» может толковаться и шире – не только как «любовь к Богу», но и как преисполненное особой глубины и высоты чувство, можно сказать всеохватывающее, способное помочь человеку преодолеть замкнутость круга его бытия, порой невыносимого.

¹³ Азия и Африка сегодня. 2022. № 1.

¹⁴ О творчестве Т. Бекри см. в моих работах: Тахар Бекри. Антология. М., 2004; Души прекрасные порывы... М., 2022.

¹⁵ Опубликовано в рубрике Поэма Воскресенье, газета Capitalis, от 26 февраля 2023 г.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО) Людмила Васильевна – магистр химических наук, химик-аналитик (Ростов-на-Дону). E-mail: lvbor2017@mail.ru

БОРОШКО Сергей Леонидович – кандидат химических наук, предприниматель (Ростов-на-Дону). E-mail: slbolvex@rambler.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ГЛУШКОВА Ирина Петровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: iri_glu@hotmail.com

ЗАГОРОДНИКОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tnzag@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

МЕЛЕНТЬЕВ Даниил Вячеславович – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: back-in-95@mail.ru

МОНГУШ Марина Васильевна – доктор исторических наук, ведущий специалист Отдела информационно-поисковых систем Государственного архива Российской Федерации. E-mail: monmarvas@mail.ru

МЫШОВ Николай Александрович – кандидат исторических наук, начальник отдела Российского государственного военного архива. E-mail: mischov-57@rambler.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: rgadadir@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского. E-mail: alfolkdo@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodjaschmidt@smx.de